

Международная конференция "Маргиналии 2008: границы культуры и текста". Юрьев-Польский (Владимирская обл.) 3-5 октября 2008 г.

Тезисы конференции опубликованы: Международная конференция "Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста", Юрьев-Польский, 3-5 октября 2008 г.: Тезисы докладов / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Науч.-исслед. вычислительный центр. [редкол.: М. Ю. Михеев, А. Г. Кравецкий] - Москва : [б. и.], 2008. - 152 с

Оглавление

Вступительное слово

Тезисы докладов

1. Свящ. Алексей Агапов (г. Жуковский). Молитвословный стих как предмет междисциплинарного исследования
2. Е.А. Агеева (Москва). Очарованный Русским Севером: записные книжки и путевые заметки по Олонецкому краю С.Н. Дурылина
3. Е.А. Агеева (Москва). Старообрядческая культура на сломе времени: дневник руководителя хора Рогожской общины Д.Ф. Пышкина 1920-х гг.
4. В.М. Алпатов (Москва). Дневник Е.Г. Ольденбург – источник об истории советской науки
5. Н.В. Аникина (Москва). «Всем бых вся»: святитель Филарет (Дроздов) и его эпистолярное наследие
6. Д.И. Антонов (Москва). Автобиографические Жития 17 в. в зеркале "переходной эпохи": Защита "старины" и отход от традиции
7. Францишек Апанович (Гданьск, Польша). Изменения образа автора в письмах В.Т. Шаламова
8. Денис Ахапкин (Санкт-Петербург). Дейксис и инструкции по нахождению пути в обыденных травелогах
9. С.А. Ахмадеева (Краснодар). Жанровый синкретизм записных книжек и сводных тетрадей Марины Цветаевой
10. Е.Э. Бабаева (Москва). Parler VS. tchatcher: молодежное койне пригородов в современной Франции
11. Н.П. Баландина (Москва). Кинематограф конца 50-х - 60-х годов: дневник как стиль эпохи
12. Mira V. Bergelson (Moscow). How much culture we need to figure out misunderstanding: cognitive, cultural and interactional aspects of story telling
13. Ф.Н. Блюхер (Москва). "Центр" и "периферия" как категории культуры
14. Марина Бобрик (Мюнхен, Германия). Берестяные грамоты «для себя»
15. Н.Г. Брагина (Москва). *Личный дневник*: границы исчезающего личного пространства
16. Н.В. Бунтман (Москва). «Прошедшее определенное». Дневниковая проза Жана Кокто (1942-1954). Взгляд на Россию и русских
17. Паола Буонкрисиано (Рим, Италия). Италия и первая мировая война в письмах Веры В.Хлебниковой

18. Р.Б. Бутова. Эпистолярное наследие архим. Антонина (Капустина) как исторический источник
19. В.М. Быкова (Петрозаводск). Житие преподобного Диодора Юрьегорского как памятник севернорусской агиографии
20. Кэй Ватанабэ (Токио, Япония). Мир «Фрэнни» и «Зуи» с точки зрения исихазма — мистической традиции православного христианства
21. И.Г. Венявкин (Москва). Роман для Сталина: поиски литературной формы в дневниках Александра Афиногенова 1937-1938 гг.
22. Катрин Виолле (Париж, Франция). Русские путешественницы в Европе: межкультурный аспект (на основании журналов-дневников, которые они вели по-французски, 1820-1850)
23. Г.А. Воропаева (Москва). Текст на границе художественного на сайте «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»
24. П.А. Гаджигурбанова (Подольск). «Философские медитации» Марка Аврелия
25. В.В. Глебкин (Москва). Целевая установка автора автобиографического нарратива и проблема воссоздания его личности (на материале «Записок» Е.Г. Киселевой)
26. Н.А. Гоманюк (Херсон, Украина). *Социологические индикаторы наррации в наивной эпистоле*
27. Гречаная Е.П. (Москва). Функции французского и русского языков в дневниках русских дворян XVIII – начала XIX вв.
28. Валерий Гречко (Токио, Япония). «Непонятное слово» в дневниковых и художественных текстах Даниила Хармса
29. Яна Гришина (Москва). Затем и пишу от своего «я», из-за правды
30. С.Л. Гурко (Москва). Периферия Смысла
31. М.А. Дзюбенко (Москва). Пелевин – это Пушкин сегодня
32. В.В. Дубовик (Москва). Переписка Лжешуйского – Тимофея Акиндинова и Константина Конюхова
33. Виктор Живов (Москва). Православная периферия между раем и адом – что там бывает?
34. Анна Зализняк (Москва). Дневник: к определению жанра
35. Наталья Зандер (Констанц, Германия). Гиперколлаж Андрея Сергеева
36. Yuri Zaretsky (Moscow). Requestioning old Russian autobiographical writings? // Древнерусские автобиографические сочинения: новые вопросы?
37. Ю.В. Кагарлицкий (Москва). Благочестивая словесность нового века: Переводчик Стефан Писарев и причины маргинальности его творчества
38. О.А. Казакевич (Москва). Дневник директора северной школы
39. И.Б. Качинская (Москва). Крестьянский дневник
40. М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова (Москва). «Художественные» жанры в «нехудожественной» речи. Рассказы-пластинки: тематика, композиция, стилистические особенности
41. Н.Ю. Костенко (Москва). «Записки» О.М. Фрейденберг
42. А.Г. Кравецкий (Москва). От маргинального к сакральному: библейские переводы начала XIX века
43. Р.Н. Кривко (Москва). За гранью понимания: ошибки писца как причина догматического искажения переводного текста
44. Е.В. Кудрина (Москва). Жанровое своеобразие «Записок нетрезвого человека» А.М. Володина
45. Н.В. Кузина (Смоленск). Вибрационный ряд текста и биоритм: проблема субтекста
46. Е.Е. Левкиевская (Москва). "Надо описать свою жизнь" Гимназические сочинения русских детей в изгнании
47. Н.Н. Лисовой (Москва). Архимандрит Антонин (Капустин): личность, язык, время
48. Л.Ф. Луцевич (Варшава, Польша). Маргинальность, эго-документ, личность

49. диакон Федор Людоговский (Москва). Церковнославянские акафисты на перекрестке лингвистики и литургики
50. К.А. Максимович (Москва). Церковные наказания (епитимьи) в средневековой Руси и Западной Европе (сравнительный аспект)
51. С.А. Мартыянова (Владимир). Литература и искусство в «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана
52. Hiroko Masumoto (Kobe, Japan). Autobiographie als Fiktion: paraliterarische Texte im Spätwerk Friedrich Dürrenmatts
53. Хироко Масумото (Кобе, Япония). Автобиография как фикция: паралитературные тексты в позднем творчестве Фридриха Дюрренматта
54. Е.Г. Местергази (Москва). О жанровом своеобразии наивного письма. На примере романа А.Е. Чистяковой «Не много ли для одной?»
55. М.Ю. Михеев (Москва). Повествователь Достоевского: от «Пьяненьких» – к «Преступлению и наказанию» (в чем преимущества перехода от *Я* к *Он*)
56. А.Б. Мороз (Москва). "Народная агиография": к постановке вопроса
57. Юрий Нечипоренко (Москва). Воспоминания художников и литераторов о московской богеме середины XX века

58. И.Г. Новоселова (Владивосток). Жанровое своеобразие дальневосточных дневников М.М. Пришвина
59. Сусуму Нонака (Сайтама, Япония). Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В.Розанова («Литературные изгнанники» и др.)
60. Т.А. Опарина (Москва).
61. Н.Н. Перцова (Москва). Преломление одних и тех же событий в текстах разных жанров у В. Хлебникова ностранцы в России 17 в. - маргиналы или устойчивый компонент русской культуры?
62. И. А. Пильщиков (Москва). Многоязычие в «Записных книжках» Батюшкова: «свое» и «чужое»
63. Иоанна Пиотровска (Варшава, Польша). Жанровая маргинальность «Дневника помещика» Л. Толстого
64. А.А. Плетнева (Москва). «Буржуазная» или «площадная»: парадоксы восприятия русской городской письменности XVII-XVIII вв.
65. Т.В. Радзиевская (Киев, Украина). Коммуникативная ценность события в контексте дневниковых записей (на примере дневника М.Т. Бобошко)
66. Т.В. Радзиевская (Киев, Украина). Ведение дневника как вид речевой деятельности: прагматический аспект
67. Е.Э. Разлогова (Москва). К проблеме изменения статуса стилистических фигур при переводе
68. А.И. Рейтблат (Москва). «Из грязи в князи»: изменение статуса жанра пьесы-сказки в русском театре второй половины XIX – первой половины XX в.
69. Ирина Савкина (Тампере, Финляндия). Женский (девичий) дневник: между приватностью и публичностью
70. С.О. Савчук (Москва). Дневниковый текст: из опыта корпусного исследования
71. С.Ю. Семенова (Москва). Об опыте написания семейной хроники (конца 1970-х - начала 2000-х годов)
72. К.Т. Сергазина (Москва). «Распросные речи» середины 18 века как исторический источник: Дело Учминского монастыря
73. И.Ю. Смирнова (Москва). Келейный дневник святителя Московского Филарета и его значение в эпистолярном наследии святителя
74. Н.А. Тарасова (Петрозаводск). Записные тетради Достоевского: проблемы текстологического изучения (на материале записей к роману «Подросток»)
75. Н.Т. Тарумова (Москва). Н.В. Бугаев – личная переписка (по материалам архивного фонда в ОРКиР НБ МГУ)

76. О.В. Тетерина (Черкассы, Украина). Автобиографическая проза Густава Герлинга-Грудзинского
 77. А.В. Уланова (Москва). Автобиография М.А. Ильина как источник для реконструкции генеалогического древа старинного дворянского рода
 78. Наталья Фатеева (Москва). Дневники «новых русских» как источник изучения современного городского социолекта
 79. О.Е. Фролова (Москва). Субъект речи в дневнике
 80. Л.Р. Харитонов (Москва). «Исповедь» блаженного Августина как дневник души и духа.
 81. Вера Хлебникова (Москва). Комментарий к работам
 82. П.Г. Чистяков (Москва). Сказание об основании Берлюковой пустыни, заимствованное из устных преданий и народных рассказов (1854 год)
 83. С.Ф. Членова (Москва). От дневника к художественному тексту (по материалам архива Н.А. Дмитриевой)
- Елена Шмелева, Алексей Шмелев (Москва). Русский анекдот – от периферии культурного пространства к центру

Вступительное слово

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях знаний. При этом целые пласты явлений оказываются маргинальными, попадают на «ничейную» территорию, находящуюся между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением и социологией и т. д. Между тем анализ подобных явлений, обращение к пластам еще не осмысленного материала кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний будет посвящена планируемая конференция.

Конференция задумана как международная и ежегодная. Она объединит интересы ученых, работающих в нескольких смежных областях знаний, – филологов (лингвистов, литературоведов и переводчиков, фольклористов, археографов), историков, искусствоведов, культурологов, философов, исследователей и преподавателей, связанных с изучением рукописных источников. В этом году приглашены докладчики из университетов России, Германии, Польши, Украины, Франции, Италии, Финляндии и Японии.

Конференция будет проводиться в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. При этом в рамках каждой конференции предполагается работа двух секций. Одна секция будет

посвящена проблемам центра и периферии в культурном пространстве (при этом внимание обязательно будет уделяться и месту проведения конференции), а вторая – проблеме изучения периферии культуры и, в частности, дневниковым текстам. В 2008 году конференция проводится в живописном месте центральной России – старинном городе Юрьеве-Польском Владимирской обл.

Организаторы конференции

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского
Государственного университета им. М.В.Ломоносова (Москва)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)
Институт русистики Варшавского университета (Варшава)

Оргкомитет конференции

Михеев М.Ю., доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета);

Кравецкий А.Г., кандидат филологических наук, с.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета);

Луцевич Л.Ф., доктор филологических наук (ин-т русистики Варшавского ун-та);

Тарумова Н.Т., ведущий специалист НИВЦ МГУ (секретарь оргкомитета).

Параллельная работа двух секций

1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.

2) Текст на границе художественного – как объект междисциплинарного исследования. Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары, житие...

О секциях конференции

1. «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.

Интерес к маргинальным (пограничным) областям гуманитарного знания предполагает внимание и к периферии географической. Мы считаем, что проблема *центра-периферии* является одной из ключевых проблем современной культуры. Гуманитарное знание традиционно интересуется тем, что происходит в центрах и столицах. Между тем, общие культурные и исторические процессы практически всегда находят отражение в жизни провинциальных городов. Систематизация и осмысление этого огромного материала дает совершенно новую перспективу культурной истории России. Именно поэтому проблема *центра и периферии* будет основной темой конференции.

Мы считаем принципиально значимым обсуждение в рамках одной конференции не только географической манифестации оппозиции *центр-периферия*, но и культурной манифестации этой оппозиции. Описывая культурную периферию, мы более четко осознаем границу центра, видим магистральные направления развития культуры. Маргинальные тексты оказываются идеальным материалом, позволяющим отследить тенденции развития культуры. Дневниковые тексты и записные книжки, народная графика и массовая литература XVIII-XIX вв., опыты мифологического осмысления грамматики и средневековые переводы, в которых далеко не всегда удается провести отчетливую границу между ошибкой и сознательной интерпретацией – все эти явления дают возможность описать механизмы порождения культурно значимых текстов.

2) Текст на границе художественного – как объект междисциплинарного исследования. Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары, житие...

Вторая секция будет посвящена исследованию дневникового текста в российской традиции. На ней будут обсуждаться также задачи изучения, описания и собирания самостоятельного корпуса дневниковых текстов на русском языке (и шире русскоязычных авторов) на электронных носителях – дневников, записных книжек, мемуаров, автобиографий, писем, того, что называют «*обыденной* литературой», или иначе «эго-текстами».

Группа исследователей в НИВЦ МГУ (лаборатория автоматизированных лексикографических систем) уже ведет публикацию в Интернете русских дневниковых, мемуарных и автобиографических источников (<http://uni-persona.srcc.msu.ru/>) и предполагает в будущем создать корпус подобных документов на немецком, французском, английском и других языках – а также объединить усилия с учеными других стран для обеспечения возможности совместной работы над интересующими текстами.

Исследование конкретных дневниковых текстов ведется пока методами лингвистического и литературоведческого анализа, но не исключает, а даже предполагает обращение к ним в дальнейшем историков, психологов, медиков, нейрофизиологов, биологов, философов, представителей иных специальностей. Конференция должна обсудить и задачи междисциплинарных контактов.

Планируемая работа секции нацелена на исследование взаимодействия и взаимопроникновения различных жанровых форм внутри дневниковых текстов, взаимовлияния между жанром дневника и смежными с ним – с одной стороны, художественной литературой (а также мемуарной), с другой стороны, научного, а с третьей, бытового текста и так называемой литературы «нон-фикшн», документальных текстов наподобие протоколов, отчетов, бортовых журналов, устной коммуникации, писем.

Кравецкий А.Г., Михеев М.Ю.

* * *

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

свящ. Алексей Агапов

(г. Жуковский)

Молитвословный стих как предмет междисциплинарного исследования

1. Язык церковной молитвы необходимо признать предметом исследования следующих научных дисциплин: история языка, славяноведение, стиховедение (поэтическая форма как фактор художественной целостности), история и теория музыкознания, христианское богословие.
2. К.Тарановский возводит *молитвословный стих* к византийскому и, в конечном итоге, к библейскому стиху: «свободный несиллабический стих», где стиховое членение обеспечивается особыми грамматическими сигналами (звательная форма, повелительное наклонение и др.); отсутствие межстрочных переносов (стиховое членение, в целом, совпадает с синтаксическим).

Определение К.Тарановского нуждается в серьезных уточнениях.

3. *Устное бытование* ЦСЯ и особенности манеры церковного чтения и пения как главная составляющая проблемы понятности языка богослужения. Непродуктивность дальнейшего редактирования (русификации) богослужебных текстов. Описание сознательной установки на *актуализацию поэтической формы* в приложении к церковной гимнографии. Формальную разницу «поэтической» и «прозаической» установок показывает, в частности, литературовед, стиховед М.М. Гиршман.

Проблема *понятности* текста с учетом функциональной специфики молитвы. Эффект смыслопорождающей *общности*. Органическое

восприятие смысла вместо рационалистического, статичного «ознакомления» и «истолкования».

4. Кроме очевидно присутствующей синтаксической урегулированности в молитвословном стихе присутствует ритм грамматический на уровне слогов (силлабизм) и звуков (фоника). Однако осознанность стремления древних книжников отразить в церковнославянских текстах фонические и силлабические особенности греческого оригинала еще нуждается в убедительном научном доказательстве.
5. Музыказнание. В распеве наиболее привычный для современного языкового сознания *акцентный ритм* отходит на второй план: заметно ослабевают оппозиция ударности/безударности, редукция гласных. Интонационное выделение звуков: изменение высоты тона и/или длительности звучания. Изменение высоты тона (без дополнительного выделения большей длительностью звучания) может не быть воспринято как граница, хотя объективно ее обозначает. В молитвословном стихе содержится целый набор сигналов, дающих возможность *альтернативной сегментации текста*, более подробной, чем собственно стиховая.
6. Заданная альтернативность тактировки отвечает теории и истории церковной музыки. Один и тот же текст может быть распет с разной степенью подробности. Распевы: силлабический (единица ритма в среднем равна одному слогу, музыкальный колон совпадает с границами стиха), силлабо-мелизматический (более подробное членение и опевание каждого слога) и мелизматический. В последнем музыкальный колон приходится на одну словогруппу. Текст должен сохранять взаимную соотнесенность частей на всех уровнях: от звуков и морфем до синтагмы и стиха, и даже между последовательностью строф («подобны» стихиры, тропари канона и т. п.).

7. Это свойство текста, позволяющее распевщику (чтецу) по-разному членить его и тем интонационно выделять одни или другие смыслы, подтверждается на уровне нелинейного синтаксиса обилием многовекторных связей между словами (пример – тропари канона Пасхи).

8. Урегулированность звуковой ткани церковнославянских молитв неочевидна по причине исторических изменений в церковнославянском языке (падение редуцированных, изменившаяся акцентуация), а также в связи с редактированием текстов (никоновские справы и позднее). К XVII в. произошла коренная смена ориентированности переводческой и редакторской деятельности: стремление к графической, словарной унификации лексем и грамматических форм. Новый перевод и справы дают школьный подстрочник там, где раньше был собственно *поэтический перевод*, ориентированный на план звучания, с привычной точки зрения в ущерб точности передачи смысла. Непонимание мотивов семантической и грамматической «вольности» дониконовских переводов порождает устойчивые мифы о тотальной безграмотности древних книжников. В действительности творчество средневековых поэтов-переводчиков заслуживает гораздо более высокой оценки.

священник Алексей Агапов, настоятель православного прихода
Михаило-Архангельской церкви г. Жуковского Московской области

Е.А. Агеева
(Москва)

Очарованный Русским Севером: записные книжки и путевые
заметки по Олонецкому краю С.Н. Дурылина

Имя Сергея Николаевича Дурылина (1886-1954) – писателя, знатока церковной археологии, театра, живописи, литературы, доктора филологии и рукоположенного в начале 1920-х гг. священника, в последнее время стало всё больше привлекать внимание читателей и исследователей. Вышел сборник трудов «Русь прикровенная», посвящённый таким архетипическим понятиям как София, невидимый град Китеж, изданы в полном виде знаменитые мемуары «В своём углу», жизнеописание его друга художника М.В. Нестерова, ряд его трудов о писателях, в том числе «Герой нашего времени», роман М.Ю. Лермонтова: комментарии; и даже Муркин вестник «Мяу-Мяу» – дневник размышлений о кошках, всегда сопутствовавших писателю и его семье. Сотрудниками его Мемориального дома – музея в Болшеве ведётся подготовка к изданию ещё целого ряда его сочинений из числа более чем 800 работ. Круг его исследований и наблюдений, как творческой личности серебряного века, был необыкновенно широк и художественно осмыслен.

В начале XX в. значительное место в жизни и творчестве Дурылина занимает Русский Север. Первая его поездка, как краткий отпуск, взятый в издательстве «Посредник», где он тогда работал, состоялась в 1906 г. Он побывал в Архангельске, в Олонецком крае, на Соловках, «подышав», - как писал он, «такой свободой, о которой и не снилось нашим мудрецам». [Померанцева Г.Е. На путях и перепутьях. // Сергей Дурылин. В своём углу. М., 2006. С. 21]. В 1908 г. Дурылин начинает посещать лекции в Археологическом институте, а с 1910 г. поступает туда на заочное отделение на факультет археографии со специализацией: история литературы и искусства. Именно в институте в нём пробуждается огромный интерес к культуре Древней Руси, к «красоте русской народности», «открывшейся» ему на Севере, куда его влечёт «неудержимо». В дальнейшем уже по командировкам института Сергей Николаевич совершит ещё несколько незабываемых путешествий. Путевые заметки о них в полной мере ещё не выявлены и не описаны. Ряд личных материалов хранится в РГАЛИ, фонд 2980 «С.Н. Дурылин», дела № 283-284, 290, 293-294. Это тетради 1911 г., дневниковые записи 1914-1916 гг., "Олонецкие записки (по этнографии, фольклору и археологии)" июля 1917-мая 1918 гг. с путевыми наблюдениями, зарисовками пейзажей и портретов, описанием убранства церквей и икон. Их содержание разнообразно, но все они передают образ

Русского Севера как края земли, но не дальнего угла, тупика, периферии, а преобразующего духовного центра, питающего и обогащающего культуру. Дурылин восхищен «дикой, суровой, но беспредельной и незабвенной красотой» Севера. Внимание писателя привлекает не только красочная природа. Его восхищают подвижники веры, центры православия, такие как Соловки и удалённые пустыни. Писателя интересуют реалии северной жизни: загадочные лабиринты-«вавилонны», восстановить план которых невозможно по возвращению из путешествия, убранства храмов и древние иконы. Дурылин практически набрасывает план изучения северной иконописи, особенно обращая внимание на легенды отдельных образов, на особенности старообрядческой традиции и на необходимость собирания рисунков и прорисей икон, что в полной мере было осознано только во второй половине XX века.

На наш взгляд, вклад С.Н. Дурылина в духовное освоение Русского Севера бесценен.

Старообрядческая культура на сломе времени: дневник руководителя хора Рогожской общины Д.Ф. Пышкина 1920-х гг.

В среде старообрядчества достаточно редко встречаются документы личного характера, тем более созданные во время коренного преобразования и слома жизни общества, в том числе и религиозной, воспринимаемого большей частью последователей старой веры как конец времён. О подобном, весьма редком источнике было известно от старообрядческого наставника, коллекционера М.И. Чуванова (1890-1988), после смерти которого «Дневник старообрядческого певца» в составе собрания передали в Отдел рукописей Библиотеки Академии наук в Петербурге (БАН. Собр. Чуванова, № 140), где он был введён в научный оборот. [Панченко Ф.В. Рукописные памятники старообрядческой певческой культуры в собрании М.И. Чуванова // Петербургский музыкальный архив. Вып. 2. СПб., 1998. С. 50-52]. Имя Дмитрия Фёдоровича Пышкина сегодня забыто, но из Архива Рогожского кладбища, хранящегося в отделе рукописей РГБ, фонд 246, а также периодики, удалось установить, что он происходит из знаменитой династии потомственных рогожских знатоков пения из легендарных Гуслиц. Его предки налаживали хоровое дело среди казаков - старообрядцев Дона и Кавказа, отец Фёдор Степанович был одним из ведущих певцов, хорошо знавший устав, и на склоне лет принявший иночество. Дмитрий Фёдорович родился в 1893 г. в гуслицкой деревне Яковлевской, с 1915 г. жил с отцом в Москве на Рогожском кладбище. Очевидно, сохранился фрагмент дневника

с 26 сентября 1921г. по 17 июля 1924 г., то есть автору было к последней дате 31 год. Несомненно, он получил неплохое образование, так как дневник отличается хорошим слогом, он интересовался музыкальной культурой своего времени. В строгом смысле его дневник нельзя назвать эго-текстом, так как весь он - это развёрнутые размышления о пении, о сочетании традиции и новации в старообрядческой культуре, это летопись музыкальной жизни не только Рогожского хора, но и вообще Москвы. В то же время через рассуждения о художественной самоценности распевов, о теоретических вопросах знаменного пения, о спорах между поколениями, через рассказы о взаимоотношениях между певцами хора, словно прорастает образ старообрядца, несомненно, новой формации, твёрдо усвоившего традиционную основу пения, но считающего художественное впечатление от напевов более ценным, чем их древность: «Важно сам факт вызова настроения и его поддержания, происхождение же мелодии в этом не должно играть ни какой роли». «Заведующий хором», как он себя называет, открыт новым веяниям, вплоть до нарушения одной из главенствующих бытовых заповедей – курения, так как он искренне рад преподнесенному ему хором ко Дню ангела портсигару. В то же время он знает определённую меру преобразования традиции и не согласен с некоторыми крайними новаторами, решающимися вообще внедрить многоголосное пение. Большое место в дневнике занимают мысленные диалоги с его старшим другом, выдающимся деятелем той эпохи, теоретиком и знатоком знаменного пения, реставратором и иконописцем Яковом Алексеевичем Богатенко (1875 или 1880 -1941) считавшим, что можно привлекать новое, но его «надо вводить не сразу, а постепенно», и «что неудобно пользоваться переживаемым временем для проведения в жизнь таких идей». Пышкин вообще настроен открыто, он стремится к обсуждению проблем, к широкому диалогу, так как всем даёт свои записи для прочтения. В то же время он глубоко и основательно размышляет не только «вообще о песнопении», но «в особенности о характере исполнения мотивов и искусстве действовать на молящихся не в смысле увлечения дешевыми эффектами, а пробуждения серьёзного чувства». Дальнейшая судьба Д.Ф. Пышкина на сегодня неизвестна.

Агеева Елена Александровна – н.с. Музея истории Московского университета, археограф

В.М. Алпатов

(Москва)

Дневник Е.Г.Ольденбург – источник об истории советской
науки

Дневник Елены Григорьевны Ольденбург (Головачёвой) (1867-1953), второй жены академика С.Ф. Ольденбурга, охватывающий 1925-1930 гг., а также написанные уже после смерти мужа её незаконченные воспоминания, до сих пор полностью не опубликованы. Лишь фрагменты и выдержки из них печатались в 1994 и 1997 гг. в «Вестнике РАН». Представляется, что дневник заслуживает внимания, поскольку в нём содержится много сведений о развитии советской академической науки в 20-е гг. XX в.

С.Ф. Ольденбург, видный востоковед, в течение четверти века (1904-1929) занимал должность неперменного секретаря Академии наук (императорской, потом российской, потом советской). Во многом именно он определял работу академии. В годы, когда писался дневник, академия в основном ещё оставалась такой же, как до революции, но с 1928 г. началась активная её «советизация», в которой С.Ф. Ольденбург на первых этапах активно участвовал, но в конце 1929 г. был отстранён от своих обязанностей.

В центре дневника Елены Григорьевны находится её муж, «выдающийся, сильный, одержимый духом к неукротимой деятельности» человек, как она его характеризует. В то же время она, будучи умной и наблюдательной женщиной, видит и его слабые стороны, и его постоянные внутренние переживания, связанные не только с общественными событиями, но и с неудовлетворённостью своим, казалось бы, блестящим положением. Ольденбург ярко начинал как востоковед, но гигантская административная деятельность постоянно отвлекала его от науки, и в годы, отражённые в дневнике, он уже почти ничего не мог писать, что было источником его постоянных страданий. А уже после смерти мужа Елена Григорьевна даёт его более критические оценки, чем в дневнике. Она пишет, что Сергей Фёдорович при всей вежливости и воспитанности был внутренне сух и лишён тёплых чувств к окружающим, в 20-е гг. он отделился от старых друзей и не приобрёл новых. Сказывались и общественная ситуация, и постоянная занятость неперменного секретаря, у которого просто не было времени на человеческое общение.

Е.Г. Ольденбург хорошо знала ряд видных учёных, работавших в тогдашней академии, и зафиксировала многое из того, что слышала о них от мужа. В дневнике даются интересные и нестандартные характеристики А.П. Карпинского, И.П. Павлова, В.И. Вернадского, А.Н. Крылова, С.Ф. Платонова и многих других академиков.

В дневнике подробно фиксируется обширная административная деятельность С.Ф. Ольденбурга, в которой выделяется главное: его роль, по его собственному определению, посредника между «властными и грубыми людьми» и «изнервничавшейся интеллигенцией». Ему постоянно приходилось лавировать между теми и другими, не вставая до конца ни на одну из сторон. Это давало возможность сглаживать конфликты, сохранять и укреплять академию, забота о которой была делом его жизни, но в конечном итоге ни для одного, ни для другого лагеря он не стал до конца своим.

В дневнике содержится подробная информация о двух очень разных периодах в истории академии: о сравнительно мирных годах нэпа и о бурном и жестоком времени «культурной революции». Дневник Елены Григорьевны опровергает многие привычные стереотипные представления о развитии академической науки в СССР, восстанавливает малоизвестные факты из жизни видных отечественных учёных.

Алпатов Владимир Михайлович – д. филол. н., зам. директора

Института востоковедения РАН

Н.В.Аникина

(Москва)

«Всем бых вся»: святитель Филарет (Дроздов) и его эпистолярное наследие

Имя святителя Филарета (Дроздова; 1782–1867), великого русского богослова и церковного деятеля, почти полвека занимавшего Московскую кафедру, золотыми буквами вписано в историю Русской Церкви и русской культуры. Его слово на протяжении десятилетий было для современников камертоном духовной жизни. Без его участия или совета не решалось ни одно значимое церковное, а часто и государственное дело. «Правилom веры и образом кротости» святитель навсегда остался и в памяти последующих поколений. Богословское и гомилетическое наследие митрополита Филарета на протяжении полутора столетий оставались объектом постоянного

внимания историков и богословов. Переписка же святителя в силу своей обширности и труднодоступности до сих пор остается в поле зрения лишь узкого круга специалистов, хотя в ней освещены многие важные аспекты церковной и государственной жизни России XIX в.

Историографическое значение эпистолярного наследия святителя огромно, что очевидно уже из ознакомления с наиболее крупным корпусом писем митрополита Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву). В письмах, написанных на протяжении 1831–1867 гг., отражены многосторонние проблемы Русской Церкви и общества. Наряду с вопросами, касающимися всех аспектов монастырской жизни, в том числе выработки правил и уставов монашеских общежитий, их духовного и материального устройства, в письмах обсуждаются политические, социальные, экономические и нравственные проблемы, даются психологические оценки целому ряду известных церковных и государственных деятелей. Формулируемые в письмах суждения святителя Филарета зачастую ложились в основу принятых им резолюций, административных и богословских решений. В силу вышесказанного эта многоплановая переписка является неоценимым церковно-историческим и биографическим источником.

Следующий представленный в исследовании корпус писем святителя адресован известному духовному писателю и церковному деятелю Андрею Николаевичу Муравьеву. Существенно отличаясь по тематике от писем к архимандриту Антонию, письма к А.Н. Муравьеву имеют неоспоримое церковно-историческое и культурологическое значение. В них обсуждаются многие вопросы светской и духовной литературы, разбираются сочинения самого Муравьева, впервые инициировавшие в русском обществе массовый интерес к духовному чтению. Письма к А.Н. Муравьеву отражают взаимоотношения святителя с русской аристократией, свидетельствуют о широте кругозора и неиссякаемом интересе Филарета ко всем аспектам русской культуры, искусства, духовности. Кроме того, несомненную ценность этого корпуса писем составляет представленный в них широкий спектр актуальных внутренних и внешних церковных проблем, в числе которых одной из важнейших можно назвать дипломатическую миссию Русской Церкви за рубежом – на Ближнем Востоке и в Европе. Письма к А.Н. Муравьеву выявляют роль митрополита Филарета как выдающегося представителя церковно-дипломатической деятельности России и являются

важнейшим документальным источником по истории межцерковных связей России с Восточными Патриархатами и христианским Западом.

Третий корпус писем – письма митрополита Филарета к Екатерине Владимировне Новосильцевой – представляет собой замечательный образец переписки московского архипастыря с женщинами высшего общества, яркими представительницами которого были Е.В. Новосильцева, княгиня Е.Р. Вяземская, Т.Б. Потемкина, сестры П.А., Е.А. и Т.А. Мухановы, а также принявшие монашеский постриг игумении Мария (Тучкова), Митрофания (Розен) и др. В этих письмах митрополит Филарет проявляет себя как мудрый наставник и духовный руководитель, глубоко укорененный в византийской традиции. Именно в «женской переписке», которая до сих пор остается вне поля зрения читателей и историков, во всей полноте обнаруживает себя личный духовный опыт святителя, основанный на учении святых отцов. На наш взгляд, эта область пастырского богословия митрополита Филарета должна стать предметом специального исследования.

Краткий обзор перечисленных корпусов писем святителя Филарета со всей очевидностью показывает, насколько актуально для нас сегодня обращение к эпистолярному наследию святителя Филарета, которое, к сожалению, до сих пор представляет собой нереализованный историографический и литературоведческий ресурс.

Аникина Наталия Владиславовна

Д.И.Антонов

(Москва)

Автобиографические Жития 17 в. в зеркале "переходной эпохи": Защита "старины" и отход от традиции

1. Переходное» XVII столетие знаменовалось многогранным изменением культурного пространства средневековой Руси. Автобиографические Жития Аввакума и Епифания, созданные соузниками Пустозерской земляной тюрьмы, представляют в этом плане весьма характерную картину: изменения вторгаются здесь в корпус традиционных (конвенциональных) представлений таким образом, что ряд важнейших категорий древнерусской культуры оказывается нарушен в рамках текстов, претендующих на защиту «старины». Говорить при этом следует не только об известных догматических заблуждениях, но о менее заметных, но не менее примечательных аспектах.

2. В Житиях «пустозерских сидельцев» по-разному решается важнейшая для древнерусского книжника проблема авторского смирения. Аввакум стремится утвердить, что смиренномудрие являлось ключевым императивом его поведения в описываемых событиях; кроме этого, принцип смирения постоянно утверждается в авторском плане. В то же время, смиренные самоуничтожения автора оригинально сочетаются в памятнике с прямыми и

скрытыми сопоставлениями себя с ветхозаветными праведниками и с апостолом Павлом. Житие Епифания не включает традиционных утверждений о смиренном отношении героя-автора к самому себе и о смиренном подчинении Господу: соузник Аввакума пишет о своем «роптании» на Небо, о недовольных словах, обращенных ко Христу и Богородице, причем вместо *кары* герой несколько раз подряд получает *награду*, посланную свыше. Этот принцип уже напрямую расходится с древнерусской агиографической традицией.

3. Жития включают совершенно разные представления о взаимоотношении человека с падшими духами. Рассказы Аввакума соответствуют здесь канонам древнерусской книжности: бесы призрачны и бессильны, они получают власть над падшим в грех человеком и изгоняются экзорцистом лишь в случае его крайнего смирения. Попущение беса – результат Божьего промысла, а не «самовластия» дьявола; отношения человека с Господом определяются смиренной готовностью принять любое испытание с благодарностью, как благо.

В «автобиографическом рассказе» Епифания борьба с бесами самоценна: демоны без причины мучают праведника, праведник в ответ мучает бесов. Слов о Божьем попущении здесь нет, более того, не смиренные сетования на Небо «награждаются» ниспосланным чудом, которое позволило иноку отомстить демону. В случае если сатана был попущен на праведника Господом для испытания веры, подобная последовательность была бы нелогичной, в случае самостоятельного нападения беса эта модель вполне оправдана.

В рассказах о противостоянии Епифания бесам речь идет о своеобразной «физической» борьбе, происходящей в реальности видения («тонкого сна»): первый элемент характерен для распространенной на Руси апокрифической литературы, второй традиционен для агиографии. Бесы обладают в Житии не только самостоятельностью, но и определенной «плотскостью»: руки инока, избившего беса «в тонком сне», наяву оказались мокрыми от «мясища бесовского». Убийство беса еще не описано (этот мотив появляется в памятниках конца XVII в.), но своеобразно «обозначено»: один из мучимых старцем демонов упал «мертвым», но затем все же встал и ушел из кельи «аки пьян».

4. Пустозерские автобиографические Жития представляют весьма интересную картину совмещения разных культурных традиций. Совокупность деталей, наполняющих рассказы Епифания, создает контекст, нехарактерный для древнерусской книжности, причем основные моменты эволюции, затронувшие канонические представления в XVII в., четко прослеживаются в источнике. Рассказ Аввакума в ключевых элементах

остается ближе к традиции, однако в свою очередь претерпевает ряд характерных изменений.

Антонов Дмитрий Игоревич, к.и.н., ст. преп. Института русской истории РГГУ,

ст. преп. кафедры Истории России Средневековья

и раннего Нового времени РГГУ, Antonov-dmitriy@list.ru

Францишек Апанович

(Гданьск, Польша)

Изменения образа автора в письмах В.Т. Шаламова

После освобождения из лагеря и возвращения из ссылки Варлам Шаламов вел оживленную переписку с многими корреспондентами, среди которых встречаем, кроме бывших заключенных, сотоварищей по лагерю, между прочим, Бориса Пастернака (переписка с ним началась во время пребывания В.Шаламова в ссылке), Александра Солженицына, Надежду Мандельштам, Юлия Шрейдера, Олега Михайлова, великую любовь писателя Ирину Сиротинскую и др. Как отмечает последняя, вернувшись из ссылки, писатель «буквально воскресает из мертвых, со страстью пишет дни и ночи, пишет стихи и рассказы, словно беря реванш за долгие годы бесправия и молчания». Столь же активно и страстно, словно стремясь наверстать упущенное, отдается он и переписке, в которой, казалось бы, изо всех сил спешит описать и осмыслить все происходящее в жизни страны.

Помимо писем, посвященных обыкновенным жизненным и бытовым вопросам, представляющих собой «записки от себя», без установки на художественную отделку, есть тут, причем в большинстве, письма, приближающиеся, как по своему построению, так и по целевой установке, к эссе и литературному очерку. Эти письма объединили в себе и воспоминания о лагерях, и философские размышления о смысле жизни, и рассуждения о творческом процессе, и критический разбор таких важнейших произведений тех лет, как *Доктор Живаго* Б.Пастернака, *Один день Ивана Денисовича* А.Солженицына, *Воспоминания* Н.Мандельштам. Сопутствуют им размышления о литературе, описание процесса рождения стихотворения и

мысли о семантической функции рифмы как «поискового инструмента» для самых точных поэтических образов, метафор, эпитетов и сравнений. В письмах впервые были сформулированы некоторые идеи теории «новой прозы».

Второй разряд писем ближе по своему характеру к художественным текстам, где «я» текстовое не равно авторскому. Но это не лирический герой и не повествователь, а образ автора. Во всяком высказывании присутствует «я» говорящего, причем оно не тождественно эксплицитно выраженному «я», глобальный смысл высказывания не исчерпывается эксплицитной информацией; всегда сопутствует ей, определяя смысл высказывания в целом, информация имплицитная, укорененная в самой его структуре, то есть в способе высказывания, и это она направлена на автора, создает его образ. Значит, и способ построения частного письма указывает на его автора, имплицитно создает его образ, определяя характер взаимоотношений между ним и адресатом, а также позицию, черты личности, менталитет их обоих. Но образ автора письма составляется в рамках роли, какую принимает на себя реальный автор в процессе его создания, а выбор роли зависит в первую очередь от адресата, к которому направлено данное письмо.

Присматриваясь внимательнее к переписке В.Шаламова, обнаруживаем в ней широкую гамму эпистолярных ролей, не меньшую, чем число его корреспондентов. Уже на первый взгляд заметны различия в выборе приветственных формул, форм обращения, изъявления преданности, автохарактеристик и т. д. в начале писем и в их окончаниях, как и другие черты высказывания, косвенно бросающие свет на ролевые установки и личность адресанта в разных письмах. Так, в письмах Б.Пастернаку автор писем предстает, с одной стороны, как поклонник великого поэта, его ученик, но в то же время как поэт, твердо стоящий на своей позиции даже перед таким авторитетом, и, в некоторых отношениях, как его критик (критикует не только образ лагеря в *Докторе Живаго*, но и язык персонажей из народа). В переписке с Солженицыным он говорит уже как с равным, более того, как тот, кто обладает большим лагерным опытом и более тонким знанием литературного дела. Еще несколько иным видим его в письмах к Н.Мандельштам или И.Сиротинской. Но всегда в его письмах перед глазами читателя предстает вполне зрелый писатель, обладающий, с одной стороны, глубоким знанием жизни, пониманием ее законов, а с другой обширной

литературной и философской эрудицией и глубинным пониманием поэтического дела.

Апанович Францишек – профессор Гданьского университета,

д.ф.н., директор Института восточнославянской филологии,

frapan@wp.pl

Денис Ахапкин

(Санкт-Петербург)

Дейксис и инструкции по нахождению пути в обыденных травелогах

В предлагаемом докладе я собираюсь рассмотреть некоторые стратегии описания путешествия в эго-текстах, сравнив их с каноническими литературными путешествиями. Основной материал исследования — блоги (интернет-дневники), дающие возможность получить широкую панораму современных путевых дневников и заметок.

Одной из интересных особенностей современных «обыденных травелогов» является их потенциальная инструктивность. Совершивший путешествие не только описывает, что он видел и где побывал, но и дает инструкции тем, кто собирается совершить подобное путешествие после него. Наличие таких инструкций является важным критерием оценки данного текста в информационном сообществе или социальной сети и вполне очевидно, что они должны рассматриваться как часть схемы (в терминах когнитивной поэтики) травелога.

Наиболее интересными мне представляются инструкции, связанные с указанием пути. Рассказ о том, как добраться из одного места в другое, вообще занимает чрезвычайно важное место в культуре — от обыденных разговоров до литературных путешествий и путеводителей. До недавнего времени подобному типу дискурса уделялось мало внимания, хотя многие вещи, связанные с рассказом о «нахождении пути» (wayfinding), нетривиальны. В последнее время интерес к подобного рода навигации растет по ряду причин — как технологических (появление большого

количества портативных устройств, обеспечивающих оперативное прокладывание маршрута ставит вопрос об относительной ценности графического или вербального представления маршрута и, соответственно, о принципах такого представления), так и общетеоретических (изучение нарративов разного рода, активизировавшееся в последние годы, невозможно без анализа нескольких базовых нарративных схем, одна из которых относится именно к рассказу о пути).

Автору травелога приходится решать две важных задачи — первая связана с построением когнитивной карты и операциями с этой картой, вторая — с метарепрезентацией, т.е. необходимостью учитывать точку зрения (что непосредственно связано с дейксисом) и объем знаний другого (потенциального читателя). Не всегда эти задачи выполняются успешно. Трудности, связанные с ними, являются интересным материалом для междисциплинарного анализа.

Ахапкин Денис – к. филос. н.,

доцент Смольного института СПбГУ:

«On Deixis and Wayfinding Directions in Travelogues»

С.А. Ахмадеева

(Краснодар)

Жанровый синкретизм записных книжек и сводных тетрадей Марины Цветаевой

Нужно писать только те книги, от отсутствия которых страдаешь. Короче: свои настольные.

М. Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы» Москва, 1919 г.

В записных книжках (ЗК) Марины Цветаевой, которые она вела с 1913 по 1939 г. почти ежедневно, события, мысли, чувства предстают в образах, диалогах, цитатах, объединенных в одно сложное целое. Записи в них появлялись и в строго хронологической последовательности, и в виде выборки из утраченных книжек (так, в ЗК5 собраны «выписки из прежней

записной книжки, верой и правдой служившей мне с 1го июня 1918 г. по 14ое февраля 1919» (ЗК5, I, 259).

По воле поэта записи и озаглавленные фрагменты из них превращаются в *дневниковую и автобиографическую прозу*. Хронологические рамки ее создания – 1917-1920 гг.: 1) «Октябрь в вагоне» (Записи тех дней) – сентябрь-октябрь 1917 г.; 2) «Вольный проезд» – сентябрь-октябрь 1918 г.; 3) «Мои службы» - ноябрь 1918- июль 1919 г.; 4) «О благодарности» (Из дневника 1919 г.) – июль 1919 г.; 5) «О любви» (Из дневника) – 1918–1919 г.; 6) «Из дневника» – 1918-июль 1919 г.; 7) «Отрывки из книги «Земные приметы» – 1919 г.; 8) «О Германии» (Выдержки из дневника 1919) – 1919 г.; 9) «Чердачное» (Из московских записей 1919/1920 г.) – зима 1919-1920 г. Вся она была опубликована в зарубежных изданиях в первые годы эмиграции – в 1924-1927 гг.

Записи о современниках из ЗК также перерабатывались и дополнялись. Так, два озаглавленных фрагмента «Смерть Стаховича» (ЗК5, I, 296-298), «Гражданская панихида по Стаховичу (Художественный театр)» (ЗК5, I, 298-300), написанных в феврале-марте 1919 г., вошли, дополненные главкой «Моя встреча с Стаховичем», в прозу «Смерть Стаховича» (27 февраля 1919 г.) (газета «Последние новости» 21 января 1921 г.). «Юбилей Бальмонта» (ЗК5, I, 147-150) в дополненном и стилистически отредактированном виде было опубликовано в приветствии «Бальмонту. (К тридцатипятилетию поэтического труда)» (Своими путями, Прага, 1925, № 5).

То есть, налицо *первичная* предтекстовая сущность записных книжек (в случае регулярного, каждодневного появления записей). В случае выборочного перенесения записей из одной ЗК в другую или в сводную тетрадь (СТ), представляется, можно говорить о *вторичной* предтекстовой сущности СТ – основе художественной автобиографической и эпистолярной прозы, эссеистики.

ЗК и СТ М.И.Цветаевой – это «предельно точно записанный, не преображенный художественными задачами, голый экзистенциальный опыт» (Е.Б. Коркина) (ЗК, I, 6) и вместе с тем они – некий набросок, эскиз того, что позже будет развито и «прорисовано» в беловике. Это одновременно и черновик, и «попытка беловика» (как сама Цветаева назвала «Письмо к Амазонке»).

Автокоммуникативность цветаевских ЗК и СТ обусловлена наблюдением и самоанализом поэта. Общение с самим собой – это и диалог, и самоанализ, объектами которого становились и собственная внешность, и психология, и отношения поэта с другими людьми, «странами, вещами, книгами, природными явлениями, литературными героями; понятия генетических составляющих человека, красоты, любви, любовности (как качества), материнства, молодости, героизма, старости, смерти, жертвы, природы поэзии, национальных особенностей и т. д. и т. п.» (ЗК, I, 6). В дневнике «воспринимающее сознание выступает и как субъект, и как объект исследования». Важнейшая функция дневника – функция самоконтроля личности, осмысление собственного сознания, языковое оформление мыслей и их фиксирование для себя, в процессе которого идеи, теории и т.д. упорядочиваются в сознании автора.

В ЗК и СТ Цветаевой отразилась работа над поэмами, античной трилогией, прозой. Также, наряду с фактографическими деталями фрагментарно описанных событий *внешней* жизни, диалогами с С.М. Волконским, П.Г. Антокольским, К.Д. Бальмонтом, рассуждениями, письмами Цветаевой к С.Я. Эфрону, А.В. Бахраху, Б.Л. Пастернаку, К.Б. Родзевичу, А.Г. Вишняку, М.А. Кузьмину, А.Ахматовой и др. адресатам, письмами и записями дочери, в ЗК и СТ заносится – как «строительный материал» для будущих произведений – и «отфильтрованные» из речевого потока фрагменты, удачные в интеллектуальном, риторическом, поэтическом или ином отношении – все самое значительное для *внутренней* жизни поэта и для работы по возвращении на Родину.

Соседство эпистолярных, художественных и эссеистических текстов в дневниковом тексте превращает его в автокоммуникативный предтекст, обладающий такими важными характеристиками, как эссеистичность, внешняя фрагментарность в сочетании с внутренней смысловой целостностью и парадоксальной афористичностью. Все это – проявления **жанрового синкретизма** – присутствия в ЗК и СТ – полностью или частично – текстов других жанров: прозы, поэзии, афоризмов (как прецедентных текстов, так и авторских), писем, разговоров, эссеистических законченных фрагментов.

ParlerVS.tchatcher: молодежное койне пригородов в современной Франции

В современной Франции существуют населенные пункты, в которых социальные проблемы (например, проблемы жилья, школьного образования, безработицы) представлены в наиболее явном виде. Это так называемые *cit * – относительно небольшие населенные пункты, в частности, пригороды Парижа, где молодые, являясь по большей части выходцами из среды иммигрантов, ощущают себя «отверженными» («*au ban du lieu*»), выброшенными из общего процесса социализации.

Пригород (*les banlieues*), становится локусом, в котором формируется особый тип молодежной культуры. Представители этой культуры (*banlieusards, zonards* или *loubards*) очерчивают границы своего мира – *le togu * (*le ghetto*), *le t c*, *le t ci* (*le cit *), *le ti quar* (*le quartier*)^[1], – и определяют себя как *la caillera* (*la racaille*)^[2], общность, агрессивно настроенную по отношению к «коренному» населению (*c fran, blondin, fils de Clovis, fromage blanc, gaulois*).^[3] Исследователи отмечают, что идентичность, которую они отстаивают, возникла не без влияния американской негритянской культуры и предполагает наличие разных форм внешней манифестации; в частности, музыкальную (*rep*), графическую (*таги*) и лингвистическую.

Социальный «разлом» сопровождается, таким образом, форсированным размежеванием языковых практик; ср.: «*On en a marre de parler fran ais normal... comme les riches... les petits bourges [...] c' st la banlieue ici*» («Нам надоело говорить по-французски... как говорят богачи... буржуйчики [...] здесь пригород»).^[4] Лозунг «*Nous ne parlons pas comme vous*» («Мы говорим не так, как вы») порождает ответную реакцию: «*Ils ne parlent pas fran ais*» («Они не говорят по-французски») или «*On ne sait plus parler fran ais dans les banlieux*» («В пригородах разучились говорить по-французски»). *Le fran ais* оказывается противопоставленным *le t ci* (или *le c fran des t cis*), а глагол *parler* вытесняется глаголом *tchatcher*.^[5]

«Койне пригорода» формируется путем лексической разработки нескольких магистральных для данного социума понятий; таких, например, как деньги, наркотики, преступления, полиция, защита собственных интересов, секс, алкоголь, работа, семья^[6]. При этом разрастание словаря происходит благодаря следующим процессам:

- заимствования из различных языков, на которых говорят в семьях иммигрантов (например, из арабского, берберского, цыганского, языков Африки);

- заимствования из «традиционного» французского аргю;

- метафорические и метонимические переносы;

- развитие многозначности;

- верланизация верлана
(ср.: femme - meuf - feum или feumeu; comme ça – comme аҫ – askeum - asmeuk);

- использование нескольких вариантов верланизации для одного слова
(ср.: chinois – noiche, oinich);

- усечение слова
(ср.: dégoûtant – dég; racaille – caille; facil – cil ; sandwich – dwich) ;

- верланизация и усечение (ср.: métro – tromé – trom; frère – reufré – reuf);

- усечение и удвоение усеченной основы
(ср.: enfan – fan – fanfan; argent – gen – gengen) ;

- усечение и добавление нового суффикса (ср.: pourri – pourrav).

Бабаева Елизавета Эдуардовна – к.ф.н.,

с. н. с. Института русского языка РАН

Н.П.Баландина

(Москва)

Кинематограф конца 50-х - 60-х годов: дневник как стиль ЭПОХИ

1. Во второй половине 50-х г.г. в истории кино наступает период, связанный с особым присутствием автора в художественной ткани фильма. В первых лентах французской «новой волны», фильмах советской «оттепели», работах польской киношколы, опусах английских «рассерженных», шедеврах великих итальянцев (Ф.Феллини, Л.Висконти) есть нечто, что их объединяет: доминанта «авторского голоса» и высокая степень автобиографизма. Кинематограф открывает себя как способ личного самовыражения, осознает мощь и пластичность своего языка. Не случайно, в среде французских критиков «Кайе дю синема» в эти годы рождается теория «авторского кино» как призыв противопоставить развлекательным коммерческим фильмам понятие произведения, созданного автором-режиссером.

2. «Летят журавли» (1958) Г.Калатозова, «Четыреста ударов» (1959) Ф.Трюффо, «Иваново детство» (1962) А.Тарковского сняты как дневник души героя. «Поколение» (1954) и «Пепел и алмаз» (1958) А.Вайды, «Хиросима, моя любовь» (1959) А.Рене, «До свидания, мальчики» (1964) М.Калика, «Застава Ильича» (1964) и «Июльский дождь» (1968) М.Хуциева звучат как исповедь поколения. Степень лиризма в этих произведениях такова, что впечатление после просмотра сопоставимо с тем пронзительным чувством, которое сегодня рождает чтение дневников поэтов, отразивших сквозь свой собственный повседневный опыт опыт поколения. То есть, в данном случае индивидуальность режиссера как создателя фильма чувствуется почти так же сильно как личность писателя, ведущего дневник.

3. Творчество Геннадия Шпаликова – яркий образец «дневникового стиля» 60-х. Сценариста лент «Я шагаю по Москве» и «Застава Ильича», особенно, интересовало пространство города, возможность передать через характеры, ситуации, диалоги – чувство времени, неуловимую материю повседневной жизни послевоенной Москвы, его волновало то расстояние между историей и героями, где автор встречается со зрителями. Повествовательность его стиля – «стихийная», она постоянно обращена к самоощущению героя, его отношениям с автором, с самим собой... Поэзия – источник такой повествовательности, закон её «неровного дыхания», это поэзия улиц, речных трамваев, танцев под радиолу, неожиданных знакомств, разговоров о чём-то «вокруг», в которых сквозит спрятанное ожидание любви. У Шпаликова есть эссе – запись одного дня его жизни, объясняющее рождение замысла «Я шагаю по Москве». Интонация и атмосфера этого документального рассказа точно отражает поэтику фильма М.Хуциева.

4. На рубеже 50-60-х в практику и теорию кинематографа прочно входят понятия «субъективной камеры» (после выхода картины «Летят журавли»), «внутреннего монолога», «потока сознания», которое связывается, прежде всего, с фильмами Алена Рене, «потока жизни» и «потока времени», с помощью которых часто описывают целый пласт фильмов «оттепели».

5. Франсуа Трюффо как автор автобиографического цикла, посвященного судьбе одного героя – Антуана Дуанеля, который одновременно похож на него самого и исполнителя этой роли – Жана-Пьера Лео. С этим персонажем связана одна из главных тем творчества режиссера «новой волны», которую

он будет развиваться на протяжении 20 лет. В каждую из этих лент, продолжающих рассказывать о судьбе героя после «400 ударов», Ф.Трюффо включает конкретные детали и факты своей биографии. Но если «400 ударов» – серьезный, откровенный разговор режиссера со зрителем о детстве, попытка понять самого себя и того нового героя, который рождался в актерском исполнении Ж.-П. Лео, то в дальнейшем автобиография начинает превращаться в средство художественной игры.

6. Автобиографическая тема в творчестве Ф.Трюффо и в кинематографе А.Тарковского – две линии взаимодействия искусства и судьбы художника. Картина Андрея Тарковского «Зеркало» (1974) – высшая точка жанра «дневника» в отечественном кино, – с одной стороны, выросла из опыта, а с другой стороны, из отрицания стилистики предыдущего десятилетия.

7. «И возвращается ветер...» (1991) Михаила Калика – фильм, сделанный в жанре киномемуаров, и «Бесконечность» (1991) Марлена Хуциева – подведение итогов эпохи 60-х. Общий тон внутреннего диалога и дуэта со временем сменился ощущением остроты и незащищенности личного опыта, драматизма отдельной творческой судьбы.

Баландина Наталья Петровна – н. с. Института искусствознания,
сектор современного искусства Запада

Mira B. Bergelson
(Moscow)

How much culture we need to figure out misunderstanding:
cognitive, cultural and interactional aspects of story telling

0. Communication is knowledge-based interaction. It can be only successful when the participants share culturally determined communicative competence acquired

in the processes of socialization. Thus, cognitive schemas of cultural knowledge and competences are central to the studies of discourse genres.

This paper deals with stories of personal experience as a distinct discourse genre. It looks into interrelations between contents and formal organization of personal stories on the one hand and cultural models as a specific type of common knowledge on the other. The project is based on the personal life stories data taken from the One War Day broadcast by Echo Moskvy.

1. Stories of personal experience are such narratives in which data is introduced into discourse from the point of view of the storyteller. His/her individual experience is communicated against the background of certain cultural models (Barthes 1966), (Polanyi 1989), (Norrick 2000). The rationale behind the Euroamerican tradition of story telling is to introduce some new data into the existing cultural model. Information presented by the story teller as individual experience schemas varies in its relation to cultural models. It may support, contradict, verify, oppose, specify, or summarize the cultural model - cf. analogous rhetorical relations in Rhetorical Structure Theory (Mann, Matthiessen and Thompson 1992)

Components of *Narrative structure* including global and local setting, the main line of the story, evaluation, the world of the narrative, and the narrator's world, are characterized through the use of expressive devices. Their clustering points out the relevant parts of a cultural model. These expressive devices include (though are not restricted to) pauses (length and position), pace of speech, emphatic accents, intonation (as marker of completion vs. non-completion), self-repairs, and certain lexical peculiarities (repetitions, negation, discourse markers).

2. When telling stories people demonstrate sometimes real virtuosity in mastering numerous competencies needed for a person to be a competent member of a given discourse community (Swales 1990), (Scollon, Scollon 2001). Among other things, narrators are fully capable of separating universal knowledge from linguacultural models and individual experiences/memories. The Narrator, as in many other types of discursive interactions, creates an image of the Addressee; more precisely - a dynamic model of his/her consciousness including

her socio- and linguacultural knowledge. Based on this, a skilled narrator provides orientation for the story carefully measuring both his/her own individual informational input needed for understanding the plot and explicit, intentional discussion of the linguacultural models (LCM) (cf. 'cultural models' in Palmer 1996) presumably shared by the Addressee. Besides that, the Narrator makes use of so-called universal (=encyclopedic) knowledge of the world.

Obviously, the narrator has to make judgments about what information belongs to what type of knowledge for the Addressee and to build the story on that. These judgments are reflected in the formal discourse structure in many significant ways. One of them is type of discourse production (passage types) used, which in its turn influences discourse and interaction strategies exploited by the narrator.

3. The main conclusion to be drawn from the analysis of data is a controversial status of so called 'encyclopedic', or 'universal' knowledge. In communication across the boundaries of discourse communities no knowledge can be safely considered universal, but is rather – cultural. The basis of distinction – commonality of knowledge – is undermined. Thus, the concept of universal knowledge is a rather chimerical artifact and only exists to justify the type of discourse production – expository passages – prototypically used to express encyclopedic information.

Бергельсон Мира Борисовна – д. филол. н., доцент,
проф. кафедры лингвистики и информационных технологий
ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ,

тема на русском языке:

«В какой степени культурные знания позволяют преодолеть непонимание:
когнитивные, культурные и интерактивные составляющие рассказывания
историй»

Ф.Н.Блюхер

"Центр" и "периферия" как категории культуры^[7]

«Центр» и «периферия» – категориальная пара, используемая, как и другие категориальные пары («верх» - «низ», «добро» - «зло»), для смысловой ориентации человека в действительности. Перед нами пространственное описание целостности, между выделенными частями которого проходит взаимодействие, обмен от периферии к центру и обратно из центра в периферию. Пока происходит обмен, существует и конкретная целостность, и необходимость в этой целостности. Например, плановое хозяйство СССР обеспечивало целостность России за счет обмена готовой продукции различных периферийных предприятий в рамках единого социалистического народного хозяйства. В постсоциалистической России именно периферийные предприятия пострадали более всего, не выдержав прямой конкуренции с производящими продукты питания межнациональными корпорациями. Включение Российских предприятий в прямые международные связи создало реальную угрозу целостности РФ. Но равновесие восстановилось за счет обмена людскими ресурсами. Из периферии в центр хлынули люди, готовые очень напряженно работать за реальную зарплату, а из центра на периферию – «наглые» москвичи, скупающие все за сравнительно небольшие деньги. А так как основной людской потенциал был вытянут «из глубинки» еще в эпоху «ускоренной индустриализации», вблизи двух столиц начали появляться депопуляционные районы. Такие районы выпадают из обмена и, теряя статус «периферии», становятся «природой», местом не покупки, а охоты и собирательства. Обращаясь к культуре мы должны решить, при каком нарушении обмена «культура» может стать «природой».

Понятно, что категория не может быть жестко привязана к предмету. На любую «Москву» всегда найдется какой-нибудь «Лондон». И если мы можем фиксировать «культурный» обмен между этими точками пространства, то само пространство может быть описано в категориях «центра» и «периферии».

В первом приближении культура сводится к знаниям и навыкам, которые есть у человека. Однако важнейшим элементом культуры являются принятие другими членами человеческого сообщества определенной структуры «знаний – навыков» в качестве необходимой для себя. Если можно так выразиться, принятию необходимости «другой» культуры. Можно сказать, что культурная коммуникация основывается на обмене информации о

культурной инновации. Распространяющий такую инновацию – является «центром», перенимающий – «периферией».

Будучи неспециализированными существами, люди постоянно получают из внешней среды вызовы, которые заставляют их искать ответы. Рост плотности коммуникативного разнообразия ведет к нарастанию вызовов и связанных с ними рисков. Чтобы иметь время для ранжирования рисков, люди придумывают стандартные стратегии ответов.

Мы должны разделить вызовы и риски на те, которые появляются и исчезают в настоящем времени и на те, что имеют циклический характер и в той или иной степени повторяются в будущем. Возникновение культуры как устойчивой стратегии безусловно связано с выходом за рамки повседневного индивидуального опыта человека. Можно предположить, что культура утверждает свою самоценность тем, что связывает настоящее с будущим, понимаемым часто как вечность. Или говоря иначе, с одной стороны, в качестве реального обоснования культуры выступает непосредственное соучастие людей в совместной чувственно воспринимаемой реальной деятельности. Непосредственное переживание нами данного соучастия является фактом, эмпирически подтверждающим действительность культурных связей. С другой стороны, целью данной деятельности является встраивание повседневности в более длительную темпоральную структуру, в идеале в вечность. Но так как «вечность» в своей полноте не дана человеку, в качестве таковой «обожествляется» одна из отчуждаемых структур настоящего. Это может быть передаваемое в культе религиозное видение мира или отчужденные от решения познавательных задач стандарты научной рациональности, сохраняемые в виде образцов результаты художественного творчества или освященные традицией и охраняемые законами формы социальной жизни людей. В полном смысле слова институционализация культуры или превращение ее в средство формирования социума возникает лишь при ее передаче «как ставшего» другому поколению, лишь при ее отчуждении от настоящего и при присвоении ей «вечного» статуса. Культура, ставшая социальным институтом – это передаваемая от поколения к поколению символическая система ценностей, знаний и навыков, созданная в рамках наличной социальной коммуникации по поводу возможной будущей совместной деятельности.

В СССР единство культурного пространства было обусловлено стандартом всеобщего образования и едиными правилами карьерного роста. И в первом, и во втором случае их «вечный» статус утверждался «центром» и принимался «периферией» в качестве правил «честной игры».

Идеологически закрытый «эйкос» создавал постоянно расширяющийся спрос на продукцию отечественной культуры. И в этом плане вся периферийная культура СССР была часть мирового социалистического проекта. «Инновационность» и «вечность» обеспечивались уникальностью проекта и историческим оптимизмом его участников.

В постсоветской России образование регионализируется и становится принципиально периферийным, а сложно формализованные правила «честной игры» монетизируются и размещаются либо за пределами нашей страны, либо на современном российском ТВ.

В культурном взаимодействии «центра» и «периферии» важно, что запрос на «инновацию» идет от периферии. Основная функция «центра» – придание созданному образцу статуса «вечного». Не важно, где и кто создает образец, стандарт, в качестве такового он может прийти на «периферию» только из «центра». Полностью учитывая неустрашимость запроса на «инновацию» со стороны «периферии» мы, тем не менее, должны обозначить условие, при котором межкультурная коммуникация между «центром» и «периферией» становится односторонней. Это происходит в том случае, когда «центр», например, «Москва», становится ретранслятором культурного ответа какого-либо другого «центра», например, «Лондона» или «Парижа». Тем самым «центр» отказывается от выполнения своей функции. Вместо утверждения в качестве «вечного» образца созданного на своей периферии артефакта, он отрицает культурность своей самобытности. Становясь мировой «периферией», например, периферией современного актуального искусства, бывший «центр» теряет свой культурный статус перед собственной периферией. Свято место пусто не бывает и таким центром становится какое-либо альтернативное место, например, Санкт-Петербург или Киев. Так, через процесс институционализации, может возникнуть феномен «двукультурие», известный нам на примере российской культуры XIX века. А так как коммуникативная функция культуры при этом может быть нарушена, то между представителями одной национальной культуры могут возникнуть «вещные» отношения, при которых представитель «иной-своей» культуры воспринимается как некультурный, естественный, «природный». Однако «двукультурие», осуществляясь в рамках одной национальной культуры, создает проблему признания за человеком как природным существом прав на «культуру». Решение же собственно правовых вопросов выводит проблему за рамки исключительно межличностных отношений. Отношения между людьми бюрократизируются и описываются внешними по

отношению к человеку правилами. Последнее и выступает в виде «цивилизации», противоположной как «природе», так и «культуре».

Блюхер Федор Николаевич – к. филос. н.,
с.н.с. Центра методологии и этики науки Института философии РАН

Марина Бобрик
(Мюнхен, Германия)

Берестяные грамоты «для себя»

В корпусе берестяных грамот выделяется небольшая группа текстов «церковного» или «церковно-литургического» характера. Среди них есть записи молитв (грамоты № 419, 652 и 653), записи заговоров (№№ 715 и 930), богослужебных текстов (№№ 128, 727, 906, 914, 916), проповедей (Торж. 17). Назначение грамот этой группы не всегда ясно. В самом общем виде его можно определить как «записи для памяти».

По тематике, языку и прагматике такие записи заметно отличаются от остального массива берестяных документов. В книге о древненовгородском диалекте^[8] эти тексты, написанные по-церковнославянски, часто с чертами диалекта, естественным образом рассматриваются особо. Из поля зрения исследователя коммуникативной организации грамот они оказываются исключены – про них не скажешь, что они отражают «конкретные жизненные ситуации, участниками которых являются авторы грамот и связанные с ними лица»^[9]. Отделенные таким образом от коммуникативной *продукции*, «церковно-литургические» грамоты, наряду с документами «учебного, литературного и фольклорного характера» (там же), попадают в число текстов, в которых некоторый образец подвергается *репродукции*.

Берестяные грамоты такого рода ценны как свидетельства усвоения и бытования текстов христианской культуры в средневековой Руси. Воспроизводя известный текст, авторы грамоты могут вносить в него изменения, очевидно, сообразуясь при этом со своими коммуникативными целями. Некоторые механизмы адаптации будут показаны в докладе на

примере двух грамот XIII века - новгородской № 916 (содержащей текст стихир из службы сочельника Рождества) и новоторжской № 17 (представляющей собой извлечение из «Слова о премудрости», известного как сочинение Кирилла Туровского).

Бобрик Марина Анатольевна –

к. филол. н., преподаватель русского языка

Людви́г-Максимилиан-Университета

Н.Г. Брагина

(Москва)

Личный дневник: границы исчезающего личного пространства

Определяя слово *личный*, толковые словари в числе других фиксируют такое значение: 'касающийся непосредственно какого-н. лица' (*личное счастье*). Фразы: *Я не хочу об этом говорить, это очень личное; Ваш вопрос носит личный характер, я не буду на него отвечать* – показывают, что у человека *область личного* имеет единственного адресата – самого человека. *О чем-то личном* можно рассказать кому-л., но, в любом случае, *личное* мыслится скорее как «закрытая территория»: *не для чужих глаз; не для чужих ушей; то, до чего никому нет и не может быть дела*. Как бы предполагается, что *о личном* говорят с близкими, или вообще не говорят (зависит от характера человека, ср., например: *закрытый человек*). *Личное* не обсуждают на публике: оно противопоставлено *публичному, открытому*, ср. ткж.: *От ответа я уклонилась, заявив, что любовь - дело сугубо личное и ни перед кем отчитываться в этом я не намерена* ((Бухарина) А. Ларина, *Незабываемое*).

Границы *личного* поддерживаются этическими запретами: их нарушение (границ и следовательно этических запретов) может оцениваться как *неделикатность, бесцеремонность, бестактность, вторжение в личную жизнь / сферу* (семантика отглагольного существительного *вторжение* коннотативно связана с агрессией). *Личное* синонимично *интимному* и ассоциативно связано с *секретным, тайным, сокровенным*.

Личный, интимный дневник – это письменно фиксируемый разговор, который человек ведет сам с собой в течение жизни либо жизненного отрезка. *Личный дневник* автор должен (по определению) охранять от чужого глаза, он оказывается в области, закрытой для обсуждения. Вторжение в нее нарушает этические нормы, ср.: ***Дневник – это мой тайный собеседник. Кому еще могу я с такой доверчивостью открыть душу? (Тайный собеседник).***

Между тем контекстные употребления словосочетаний *личный дневник* и *интимный дневник* показывают, что *личный дневник* является: а) объектом публикации и рассматривается специалистами как факт истории, культуры; б) разновидностью литературного произведения (ср. словосочетание: *неопубликованный личный дневник*); в) объектом чтения для другого (ср. *показать кому-л. свой личный дневник*), читающий может попросить автора дневника сделать купюры и отредактировать некоторые фрагменты, ср.: ***Это ведь твой личный дневник, твои чувства и переживания, а я в нем не увидела ничего, кроме компромата на себя и наш бизнес. Я пообещала, что сотру из своего дневника те фрагменты, где сказано о делах в "Пестрой ленте". Анжелика обрадовалась и сказала, чтобы я не тянула с этим (М. Милованов, Кафе «Зоопарк»).*** Кроме того, *личный дневник* выступает как объект политического сыска, в нем представители государственных органов ищут компромат на интересующее лицо (прежде всего, речь идет о сталинском периоде).

Отношение к *интимному (тайному, секретному) дневнику*, сходно с отношением к *личному дневнику*: по своей воле автор может показать его кому-л. или предполагать напечатать; чужие люди, в чьих руках он случайно оказался, могут его читать, изучать, не испытывая душевного дискомфорта, не осознавая, что тем самым нарушаются этические нормы. Анализ контекстов показывает, что чтение *личных / интимных дневников* (с разрешения автора или без), равно как *тайных и секретных дневников* фактически не табуировано культурой. Это как бы в порядке вещей и описывается как норма. Редко встречаются этические реакции, сопровождающие обнародование *личного*, такие, например, как: ***Я воздерживаюсь дальше цитировать это сугубо личное, интимное письмо Достоевского к своей жене, вовсе не предназначавшееся для чужих глаз, но почему-то размноженное в миллионах***

экземпляров (Е.Болотин, *Какой-то крестьянин Опекушин*). В большинстве примеров этическая реакция говорящего / пишущего отсутствует.

Область *личного*, таким образом, может не охраняться ни самим автором, ни социумом. Причина этого лежит либо в недосформированности *личного* в русской культуре, либо в том, что его границы с *публичным пространством* размываются (возможно, и то, и другое), ср.: *"Я согласна с выводом г-на Горелика, что по цитатам, взятым и из Лионской лекции, и из личного дневника, А. Д. (как называли Сахарова в нашем кругу) обладал религиозным чувством (Г. Горелик, Свобода воли и свобода совести).*

В докладе предполагается рассмотреть обе версии и проанализировать формы вхождения «приватного человека и приватной жизни» в публичное пространство (душевное самообнажение в режиме реального времени: *душевный стриптиз, душевный эксгибиционизм*). Это позволит сформулировать вопрос о функции и назначении *личного дневника* в ситуации исчезающего личного пространства.

Брагина Наталья Георгиевна – д. филол. н.,

профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, natasha_bragina@mail.ru

Н.В.Бунтман

(Москва)

«Прошедшее определенное».

Дневниковая проза Жана Кокто (1942-1954). Взгляд на Россию и русских

Одна из дихотомий письменного дискурса Ролана Барта – это оппозиция и сосуществование «текста» и «произведения». Произведение конечно и является неким отрезком, ограниченным началом и концом. Текст – бесконечен, он создается в течение всей жизни человека. Мы намеренно не употребляем слово «писатель», поскольку речь пойдет о дневниковой прозе, которая, на наш взгляд, и является воплощением бартовского «идеального» текста.

Существует, таким образом, три варианта: создание только произведений без ведения дневника (Пастернак), написание дневника без создания произведений (если автор дневника не является литератором) и написание произведений одновременно с ведением дневника. Впрочем, порой автор лукавит, и тогда дневник превращается в произведение, текст искусственно обрезается, становится «куском». Подобное явление может быть задумано заранее (дневник Андре Жида), происходить вопреки изначальному намерению писателя, однако с его разрешения («Замогильные записки» Шатобриана, которые автор вынужден был опубликовать в силу финансовых трудностей) и, наконец, *post mortem*. Что касается дневников творческих, то есть авторы, пускающие в свою творческую мастерскую, и те, кто запирает ее на замок, считая, что к сему таинству не гоже прикасаться.

«Судя по всему, собственно опыт самого произведения, образ, с которого оно начинается, некая растерянность, которую оно вызывает, необычные отношения, которые устанавливаются между тем человеком, кого мы видим каждый день, и кто скрупулезно ведет дневник о самом себе, и тем, кто возвышается за всяким великим произведением, из каждого великого произведения, тем, кто его создает, - все это должно остаться невысказанным».^[10]

В творчестве Жана Кокто сложно провести границу между «текстом» и «произведением». У него есть эссеистика, похожая на дневник («Трудность бытия», «Опиум»), таксономически обозначенная как данный жанр («Дневник незнакомца»), заметки путешественника («Вокруг света за 80 дней» - описание вояжа Кокто, куда он отправился на спор), египетские зарисовки-дневник театрального турне («Маалеш»). «Чистым» жанром, классической дневниковой прозой, тем не менее, являются записи Жана Кокто, которые он вел с 1942 по 1954 годы с небольшими перерывами, изданные в четырех томах в издательстве Галлимар. Записи с 1942 по 1945 год названы Дневником, остальным заметкам Кокто еще при жизни успел сам дать заголовки «Прошедшее определенное».

Помимо истории самих дневниковых записей, чрезвычайно любопытно собрать вместе разрозненные замечания о России и русских, о фактах и слухах тех непростых лет, чтобы попытаться сложить из них пеструю, но единую картину, одновременно состоящую из объективной информации,

стереотипов русского характера, а также исторических событий и множества лиц, с которыми был знаком Жан Кокто.

Надежда Валентиновна Бунтман –
к. филол. н., доцент кафедры французского языка
факультета иностранных языков МГУ

Паола Буонкристиано

(Рим, Италия)

Италия и первая мировая война в письмах Веры В. Хлебниковой

Вера Владимировна Хлебникова провела в Италии три года с 1913 по 1916. Ее итальянский период и ее письма из Италии более чем интересны для итальянских и русских исследователей. Отрезок времени, в течение которого Вера Владимировна живет в Италии, исключительно богат событиями,

связанными с началом первой мировой войной и глубокими изменениями, произошедшими как на международной арене, так и в повседневной жизни итальянцев. Кроме того, Италия оказалась в особом положении, так как вступила в войну не сразу, а только в мае 1915 года, по прошествии почти года, в течение которого наша страна раскололась на «интервенционистов» и «пацифистов». Речь идет о противостоянии, участниками которого стали лучшие представители интеллектуальной элиты нашей страны, первым из которых был Габриэле Д'Аннунцио, ставший глашатаем лагеря интервенционистов, он же и произнес одну из самых известных речей, восхвалявших вступление в военный конфликт - речь в Кварто 5 мая 1915 года по случаю открытия памятника, посвященного «Тысяче» Гарибальди.

Вера Хлебникова стала внимательным и чутким свидетелем этого времени, приводя в своих письмах комментарии, передавая настроения, волнения и страхи, описывая изменения, происходившие день за днем. И она стала, наверное, одним из первых «неофициальных» переводчиков Д'Аннунцио, с большой точностью и убедительностью переведя на русский язык в письме от 24 июня 1915 года отрывок из его вышеназванной речи в Кварто.

В течение этого периода – с момента прибытия Веры Владимировны туда, где она проведет большую часть пребывания в Италии, а именно на Капри и во Флоренции - происходят особые события в жизни этих мест.

На Капри Вера Владимировна прибывает в мае-июне 1913 года. В это время, остров посещает значительное число граждан Российской империи - не только писатели и артисты, привлеченные присутствием Максима Горького, а также студенты, которые учатся в Неаполитанском университете, гостеприимно принявшим в начале Веру Владимировну.

Таким образом, Вера живет на Капри в момент апогея русской колонии: русско-итальянская библиотека пару месяцев, как начала свою работу, жители Капри к этому времени освоили русский язык, а рубль имел обращение на острове.

Ее приезд во Флоренцию совпадает по времени с эпизодом, который взволновал не только этот город, но и всю Европу: арест Винченцо Перуджа, итальянского декоратора, который в 1911 году выкрал из Лувра Джоконду, и обнаружение картины, которую этот «похититель-патриот» два года прятал

под столешницей стола у себя дома с намерением вывезти из Франции и «вернуть» ее Италии.

Вера Владимировна в отличие от других «русских в Италии» провела свои итальянские и особенно флорентийские годы, полностью погрузившись в жизнь страны, большей частью обособленно от своих земляков. Образ Флоренции, который возникает в ее письмах, не несет никаких признаков надуманности, мало того, их главное достоинство и заключается в их подлинности и спонтанности, в том, как Вере Владимировне удалось создать дневник повседневной жизни города, описывая его ритмы, привычки, обычаи и народные праздники, не поддаваясь искушению литературной стилизации.

Начиная с определенного момента написанное ею становится отражением ее душевного состояния, ее тексты становятся больше, а посылы – короче, но они до боли напряжены. Картины, которые она рисует в своих письмах, мрачны, они наполнены знаками и предчувствиями, повествуют о душераздирающих криках солдат, отбывающих на фронт, и о непрерывных молитвах о мире тех, кто остается дома.

Как и многим другим иностранным художникам и писателям Италия несомненно дала Вере Владимировне многое: свои художественные сокровища, свои литературные традиции, свою природу и свои пейзажи, такие богатые многообразием и такие побуждающие. Но многое и получила взамен. Тот вклад, который был преподнесен Верой Владимировной Италии, еще не изучен и не оценен по своему богатству и глубине.

Библиография :

Buoncristiano Paola. Vera Vladimirovna Chlebnikova v Italii. Novye materialy // Tvorčestvo V. Chlebnikova i russkaja literatura, Astrachan' 2005;

Buoncristiano Paola. Chlebnikov declinato al plurale // "Avanguardia" n. 34, 2007; Vera Chlebnikova in Italia (1913-1916) // L'Italia terra di rifugio, (v pechati)

Paola Buoncristiano – Università La Sapienza

p.buoncristiano@tiscali.it

Р.Б.Бутова

Эпистолярное наследие архим. Антонина (Капустина) как исторический источник

[тезисы не представлены]

Бутова Ритта Борисовна

В.М.Быкова

(Петрозаводск)

Житие преподобного Диодора Юрьегорского как памятник севернорусской агиографии^[11]

Житие преподобного Диодора Юрьегорского до сих пор остается одним из малоизученных памятников севернорусской агиографии и не имеет научного издания^[12]. К исследованию этого текста в разное время обращались В.О. Ключевский, К.А. Докучаев-Басков, А.Васильев, М.В. Толстой, Н.Барсуков, иером. Никодим (Кононов), Т.Ф. Волкова, Н.А. Голоскова. В настоящем докладе мы рассмотрим Житие в контексте агиографической традиции (преимущественно севернорусской) и представим некоторые новые данные к истории его текста.

Преподобный Диодор Юрьегорский, основавший Троицкий монастырь на Юрьевой горе (Водлозеро, современный Пудожский район Карелии) около 1626 г., - местночтимый святой (соборы Новгородских, Соловецких и Карельских святых), ставший последним в ряду подвижников северной Фиваиды, последователей преподобного Сергия Радонежского.

Житие преподобного Диодора – памятник севернорусской агиографии XVII в., сочетающий в себе черты отшельнического и преподобнического житийных канонов. Он связан с богатой традицией переводной отшельнической агиографии: рассказы о египетских пустынножителях, Жития Антония Великого, Марии Египетской и др., – и с оригинальной древнерусской агиографией, отразившей важное для русской святости стремление к пустынному житию и уединенной молитве: Киево-Печерский патерик, Житие Сергия Радонежского и др.

Наиболее близкий контекст для Жития преподобного Диодора – севернорусская агиография XVI–XVII вв., в ней тема отшельничества звучит с особой силой, поскольку именно в это время на Русском Севере распространяется пустынножительство. Особенно тесной является связь Диодора с соловецкими пустынножителями (повести о пустынножителях Соловецкого острова) и святым Александром Ошевенским, отразившаяся в тексте Жития: святой являлся преподобному Диодору во время голода в монастыре и укреплял его.

В рукописной и печатной традиции к Житию преподобного Диодора примыкают тропарь и кондак, в которых особое внимание уделяется именно подвигу пустынного жития святого. Эти служебные тексты практически полностью совпадают с тропарем и кондаком святому Антонию Сийскому.

Изучение Жития преподобного Диодора проводится на рукописном материале. К настоящему моменту исследовательская работа проводилась нами в Санкт-Петербурге (ИРЛИ, РНБ и БАН) и Москве (ГИМ). В результате были изучены 11 списков Жития, из них 4 списка, неизвестные исследователям Жития (РНБ, собр. Волкова, № 74, конец XVII в.; РНБ, Новое собрание рукописных книг (НСРК), Q. 148, 1720-е гг.; БАН, собр. Дружинина, № 837, XVIII в., ГИМ, Музейское собр., № 1510, перв. пол. XVIII в.). Новые списки укладываются в предварительную историю текста Жития следующим образом. Волковский список – один из ранних списков Жития, представляет полный текст в раннем его варианте, о чем позволяет судить близость списка к тексту в составе Миней Четых Иоанна Милютина. Список НСРК, Q. 148 также полностью сохранил текст Жития, он представляет более поздний по сравнению с волковским и милютинским списками этап истории текста, так как содержит чудо о пророчестве Диодора «некоему человеку о смерти дочери его». Оба найденных списка можно отнести к Первоначальной редакции, хотя уже сейчас очевидно, что они представляют разные этапы в истории текста. Список из собрания Дружинина дефектен и содержит Житие не полностью, поэтому его место даже в предварительной рукописной истории исследуемого произведения определить сложно. Музейский список – сохраняет полный текст ранней редакции Жития, он интересен также тем, что рукопись находилась в Выговской библиотеке.

Быкова Виктория Михайловна – к. филол. н.,

старший преподаватель кафедры русской литературы

Кэй Ватанабэ

(Токио, Япония)

Мир «Фрэнни» и «Зуи» с точки зрения исихазма — мистической традиции православного христианства

В данном докладе мы попытаемся дать новую интерпретацию повестей американского писателя Джерома Д. Сэлинджера (р. 1919) «Фрэнни» (1955) и «Зуи» (1957) с точки зрения мистической традиции православного христианства, именуемой исихазмом. В этих повестях Сэлинджера очень важную роль играет одно из произведений духовной литературы Русской Православной Церкви XIX века «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», которое рассказывает нам о традиции Иисусовой молитвы. Иисусова молитва — это непрерывная молитва-обращение к Иисусу Христу, являющаяся основой православного мистицизма — исихазма, использование которой особенно развито в среде монашества. В традиции исихазма монах-исихаст, находясь в полной тишине, стремится к единению с Богом путем произнесения Иисусовой молитвы. Многие люди, незнакомые с Православным Христианством, узнали о традиции Иисусовой молитвы именно из повестей «Фрэнни» и «Зуи».

В начале повести «Фрэнни», главная героиня, студентка Фрэнни Гласс, находится в состоянии депрессии от всего, что ее окружает. Разочаровавшись в студенческой жизни, в которой господствуют эгоизм и снобизм, она с увлечением начинает читать религиозные книги, которые называются «The Way of a Pilgrim» и «Pilgrim Continues His Way». Эти книги представляют собой перевод вышеупомянутого произведения «Откровенные рассказы» («The Way of a Pilgrim» — перевод первой части этих рассказов, а «Pilgrim Continues His Way» — перевод второй части). В повести «Зуи» разъясняется, что эти две книги ей оставил покойный старший брат Симор. На наш взгляд, именно Симор был в семье Глассов своего рода духовным отцом и главой. (Отец семейства, мистер Гласс, — человек незаметный.). Однако в 1948 году, находясь во Флориде, Симор покончил

жизнь самоубийством, застрелившись из пистолета. После этого трагического случая семья Глассов потеряла духовную опору, и Фрэнни уже не к кому было обратиться за помощью.

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» появились во второй половине XIX века и широко распространились среди верующих Русской Православной Церкви (уже в 1884 году в Москве было опубликовано четвертое издание). Говорят, что эти рассказы написал некий странник, однако их действительный автор по-прежнему неизвестен. В начале рассказов герой-странник услышал, как в церкви читали Апостол из послания к Солунянам, зачало 273, в котором сказано: *«непрестанно молитесь»*. Странник стал искать человека, который знает, как *молиться непрестанно*. Наконец он нашел старца, который смог ему это объяснить. По православной традиции старец — это подвижник, монах, достигший высокого уровня духовного совершенствования. Старчество как способ духовного существования нашло яркое воплощение в образе старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). Старцы являются не только наставниками неопытных монахов, но и духовными отцами народа. У старцев есть «прозорливость», посредством которой они наставляют народ на истинный христианский путь. В первом рассказе старец научил странника Иисусовой молитве как способу непрерывного моления. Скитаясь по России, странник без конца повторял эту молитву. Благодаря этому, его странничество стало процессом достижения духовного совершенства.

Образ странника из «Откровенных рассказов» привлекает Фрэнни, скорбящую о человеческом несовершенстве. Ей нужен духовный наставник, который заменил бы покойного брата Симора. Фрэнни искала поддержку у странника и старца из «Откровенных рассказов», то есть, говоря иначе, у исихастов.

Цель данного доклада — анализ повестей Джерома Д. Сэлинджера «Фрэнни» и «Зуи». Используя термины православного мистицизма — «исихазма», мы рассмотрим мир «Фрэнни» и «Зуи», подробно останавливаясь на религиозном аспекте этих повестей. Ключевыми понятиями данного анализа станут «Иисусова молитва», «старец» и т. д. Данным исследованием мы надеемся внести посильный вклад в развитие литературоведения и феноменологии религии.

Ватанабэ Кэй – докторант университета Чибэ,

Библиотека парламента Токио

Watanabe Kei

The world of “Franny” and “Zooey” in terms of the Orthodox Mystic Tradition “hesychasm”

In the present paper, we will try to give a new interpretation of the novels of the American writer J.D. Salinger (1919-) “Franny” (1955) and “Zooey” (1957) using the means of the Orthodox Mystic Tradition “hesychasm”. We assume that these two novels are strongly influenced by the spiritual literature of the Russian Orthodox Church in the 19th centuries. With regard to this, using the terms of “hesychasm” we will try to analyze the world of “Franny” and “Zooey” and shed light on the religious aspect of the novels.

И.Г. Венявкин

(Москва)

Роман для Сталина: поиски литературной формы в дневниках Александра Афиногенова 1937-1938 гг.

В 1937 году до этого чрезвычайно успешный советский драматург Александр Афиногенов пережил самые тяжелые моменты в своей литературной карьере. Вслед за арестом его литературного покровителя Ягоды, в апреле стартовала кампания по разоблачению «параллельного центра в литературе», направленная против бывших рапповцев. Драматурга

исключили из партии, все его пьесы были запрещены, у него отобрали московскую квартиру, а сам он в ожидании ареста переехал в писательский городок в Переделкино.

На протяжении всей писательской карьеры Афиногенов старательно пытался перенести генеральную линию партии на театральную сцену: запрет на его пьесы поставил драматурга перед необходимостью резкой смены литературной стратегии, в центр которой с этого момента помещается дневник. К 1937 году писатель вел записи уже больше десяти лет и преимущественно заносил в них наброски и наблюдения, которые затем использовал в литературной работе. Однако с началом опалы характер дневника резко поменялся – основной массив его составили записи, посвященные рефлексии над происходящими событиями и фиксации психологических состояний.

Очевидно, что дневник не был сугубо интимным документом. Можно предположить, что дневник предназначался и для ближайшего окружения писателя. Известно, что драматург давал читать один из своих дневников американскому журналисту Морису Хиндусу. Кроме того, Афиногенов жил в Переделкино, а, значит, общался со многими литераторами и был на виду у представителей контролирующих органов. Таким образом, и те и другие не могли не знать о дневнике писателя, а, главное, имели возможность оценить его поведение в тот момент, когда он столкнулся с необходимостью переосмыслить свою прежнюю литературную стратегию и выработать новую модель поведения для того, чтобы решить задачу скорейшей реинтеграции в советское общество.

Сам текст дневника недвусмысленно говорит о том, что в качестве предполагаемого читателя должен был выступать следователь, а за ним проступал идеальный читатель – Сталин, с которым драматурга связывали многолетние личные отношения. Установка на внешнее прочтение привела к тому, что Афиногенов решился на фальсификацию и, переместив несколько дневниковых записей, попытался представить дело так, что его душевные переживания и описываемый им процесс собственного перерождения были подготовлены всем ходом его жизни, а не внезапной опалой. Таким образом, человеческое перерождение оказывалось тесно связано с литературной учебой – именно чтение литературной классики и общение с Пастернаком выступают на страницах дневника силой способной убедить

читателя в случившемся перерождении драматурга. Эти духовные перемены подразумевали и чисто литературные задачи – Афиногенов объявляет о решении больше не писать пьесы и освоить более авторитетный жанр романа.

В попытке удовлетворить вкусы высокого читателя в дневник включались отрывки будущего автобиографического романа, о писателе, пережившем чистку и благодаря книгам классиков литературы, ставшим настоящим мастером и коммунистом. То есть дневник сам становился романом о творящейся на глазах перековке писателя.

Венявкин Илья Геннадиевич

к. ист. н., преподаватель Международной языковой школы "Inlingua",

Катрин Виолле

(Париж, Франция)

Русские путешественницы в Европе: межкультурный аспект (на основании журналов-дневников, которые они вели по- французски, 1820-1850)

[ниже тезисы по-французски:]

Catherine Viollet

Voyageuses russes en Europe: aspects transculturels (d'après leurs Journaux rédigés en français, 1820-1850)

Les journaux personnels rédigés en langue française par des femmes et jeunes filles de la noblesse russe, des la fin du XVIIIe siècle jusqu'au milieu du XIXe, forment un ensemble de documents riche d'informations. La plupart de ces diaristes a l'occasion de voyager en Europe, parfois à plusieurs reprises, et souvent sur de longues périodes.

Écrits de nature privée, leurs journaux nous renseignent de manière très précise sur les conditions matérielles de ces voyages, sur les personnes

rencontres ou frequentees, sur les diverses activites sociales, culturelles ou autres. Ces voyages ont principalement (mais pas seulement) pour objectif – un peu a la maniere du «Grand Tour» propose a leurs homologues masculins – de leur offrir une meilleure connaissance, «sur le vif», des pays d'Europe.

Beneficiant d'une education genéralement soignee, incluant l'apprentissage de plusieurs langues etrangeres, de notions d'histoire et de pratiques artistiques, ces jeunes filles manifestent, a l'egard des pays visites, interet et curiosite, mais aussi un certain regard critique. Il est donc interessant de retracer, au fil de ces ecrits, l'etat d'esprit de ces voyageuses – d'autant qu'elles representent un point de vue souvent meconnu ou ignore : celui des femmes.

Nous examinerons notamment les traces, dans ces journaux, des reactions formulees au cours de ces rencontres avec les pays «etrangers», depuis l'impression de familiarite (due aux abondantes lectures et descriptions livresques) jusqu'aux eventuels «chocs» culturels, en passant par les nombreuses comparaisons de tous ordres (mode de vie, nourriture, costumes, transports, paysages, climat, vie religieuse, spectacles etc.) developpees dans ces textes. Ces notations sont d'ailleurs frequemment pretexte à l'expression de jugements ou de sentiments de la part des diaristes.

D'une part, la confrontation avec les pays «etrangers» suscite des sujets d'admiration; d'autre part, elle amene les diaristes a reexaminer, et souvent a affirmer avec vigueur, leur identite – et ce d'autant qu'elles voyagent genéralement en groupe familial ou amical, frequentent en Europe le meme milieu aristocratique que dans leur patrie, et maintiennent en cours de route une part de leurs habitudes de vie en Russie.

Catherine Viollet

Institut des Textes et Manuscrits modernes, CNRS-ENS, Paris

cviollet@wanadoo.fr, cath.viollet@yahoo.fr

Г.А.Воропаева

(Москва)

Текст на границе художественного на сайте «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»

Разрабатывая устройство сайта, мы с самого начала решили расширить рамки привычной схемы антологии: краткая биографическая справка плюс подборка стихотворений. Хотелось по возможности дать менее формальное, пусть порой и субъективное, представление и о личности поэта и о его времени – учитывая, что речь идёт о временном отрезке в 250 лет. Ясно было, что в силу обилия материала нельзя идти по пути всеядности, что и отбор по «качеству» или «степени интересности» материала не спасает дела. Нужна была жёсткая форма. В результате появились две рубрики, соответствующие ключевым словам темы: «Поэты и университет» и «Поэты о поэзии». Но поскольку самая устойчивая конструкция – треугольник, и мы ощущали, что чего-то не хватает, то решили ввести ещё и третью. Мы назвали её «Курьёзы», имея ввиду, что здесь будут собираться забавные факты, истории, ситуации, реально имевшие место и связанные с тем или иным поэтом. И это то место, где читатель может расслабиться, перевести дух – а заодно что-то понять в человеке или времени.

Все три рубрики являются факультативными и заполняются вполне случайно – теми материалами, которые попадают в процессе работы. Чаще всего это отрывки из воспоминаний, реже – из дневников, писем, статей или даже устных рассказов. В основном это уже опубликованные ранее материалы, но есть и публикуемые впервые – как, к примеру, воспоминания об университете конца 1890-х литературоведа и историка литературы В.Ф. Саводника, однокурсника и приятеля Брюсова. Текст из семейного архива, представляющий собой рукописную копию воспоминаний Саводника 1924 г., сделанную его дочерью, принесла нам правнучка автора, Ирина Владыченская. Большая часть его ранее не публиковалась: опубликован лишь кусок, в котором речь идёт о Брюсове.

Тексты располагаются вблизи, но по обе стороны границы между художественным и нехудожественным: есть, к примеру, фрагменты из мемуаров Андрея Белого, а есть многоступенчатая казённая переписка, в которой задействованы попечитель Московского учебного округа кн. А.П.Оболенский, министр духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицын и Совет Московского университета, затеянная лишь для того, чтобы своекоштному студенту Фёдору Тютчеву было разрешено сдать досрочно выпускной экзамен.

Вот далеко неполный и притом обрезанный сверху по времени перечень материалов рубрики «Университет», помимо уже упомянутых: письмо Ломоносова Шувалову о создании университета, воспоминания об университете 1760-х (Д.Фонвизин), об университете накануне и вскоре после войны 1812 г. (М.Дмитриев), конца 1820-х (связанные с попечителем А.А. Писаревым), начала 1830-х (связанные с Лермонтовым), 1830–1850-х (связанные с С.П. Шевырёвым), рубежа 1830-х и 1840-х (Я.Полонский, А.Фет), 1832–1835 (К.Аксаков), рубежа 19 и 20-х веков (А.Белый), времён 1-й мировой войны (А.Уйттенховен), 1916–1919 (Б.Горнунг), 1921–1922 (А.Чичерин). Отсюда видно, что несмотря на разрозненность, случайность и фрагментарность, материалы рубрики постепенно складываются в мозаичную, но всё более полную и, главное, живую историю Alma mater.

[Воропаева Галина Антоновна – к. физ.-мат. н.,](#)

ведущий специалист НИВЦ МГУ

П.А.Гаджикурбанова

(Подольск)

«Философские медитации» Марка Аврелия^[13]

«Размышления» Марка Аврелия Антонина – знаменитое и в определенном смысле уникальное произведение античной философской литературы. При очевидном внутреннем единстве и согласованности оно представляет собой сочетание элементов, достаточно разноплановых, если не сказать разнородных, как по своей форме, так и по содержанию. Жанровая принадлежность «Размышлений», их адресат и назначение и по сей день являются предметом дискуссий. Спектр жанров, к которым относят данное произведение, располагается между двумя полюсами: личного дневника и философского трактата. Однако обе версии вызывают серьезные возражения. С одной стороны, отсутствие событийности и развития во времени говорит о том, что это не интимный дневник – собственные чувства императора, связь с реальными событиями его жизни прослеживается в нем довольно слабо, а большинство записей носят безличный характер. С другой стороны, отсутствие логической последовательности и систематичности

изложения, строгой аргументации и доказательств не позволяет видеть в данном произведении классический философский трактат.

В этом контексте представляется весьма продуктивной позиция П.Адо, который считает, что «Размышления» Марка Аврелия следует отнести к жанру, вероятно широко распространенному в античности, но в силу своего характера склонного к легкому исчезновению: к жанру письменных философских медитаций. В эпоху эллинизма философия главным образом выполняла роль духовного руководства нравственной жизни, ставила перед собой задачу преобразования души ученика. Философское учение было неотделимо от бесконечного возврата к фундаментальным догматам, представленным в форме *epitome* или катехизиса. Сформулированные в них положения ученик должен был запоминать наизусть, чтобы непрестанно к ним возвращаться. Философские медитации позволяли непрестанно иметь «под рукой» фундаментальные догматы школы и служили в качестве инструмента постоянного психологического воздействия на человеческую душу.

Идею письма как особого рода практики фиксации опыта человеческой души и дисциплины изменения и формирования себя развивает М.Фуко. Однако в понимании конечных целей данной техники Адо и Фуко существенно расходятся. Адо полагает, что в процессе индивидуального письма речь идет не о конституировании субъекта, не о создании его духовной идентичности (на чем настаивает Фуко), а прежде всего об освобождении от самой его индивидуальности и возвышения ее до универсального, космического статуса. Эта мысль французского эллиниста весьма показательна: Адо говорит о некорректности определения письма как «письма себя», поскольку с его точки зрения, в этом случае «мы не только не пишем самих себя, но письмо не составляет «самость»: как и другие духовные упражнения, оно изменяет «я», оно его универсализирует»^[14]. Врачевательная ценность письма (на нем основана душевная терапия) состоит именно в этой универсализирующей способности. Если Фуко в своей интерпретации практики письма акцентирует процесс интериоризации субъекта, движения его души внутрь себя, то для Адо оно неотделимо от движения экстериоризации, от внешнего вектора направленности души, соединяющего человеческого индивидуума с универсумом Природы.

Гаджикурбанова Полина Аслановна – к. филос. н.,

н.с. Сектора этики Института философии РАН

Целевая установка автора автобиографического нарратива и проблема воссоздания его личности (на материале «Записок» Е.Г. Киселевой)

В работе историка и историка культуры мы имеем дело с письменными источниками и у нас нет других материалов для реконструкции личности. Дневники и мемуары представляют собой, на первый взгляд, наиболее благодатный материал для такой реконструкции – это не взгляд на человека извне, в котором соединяются личность описывающего и личность описываемого, которые необходимо как-то разделять, это наиболее чистый случай, когда личность одна. Как в этом случае должна строиться реконструкция?

Прежде всего, важно, какие события попадают в поле зрения автора, а какие остаются «за кадром», на что он обращает внимание. Первый ключевой момент здесь – цель, движущая автором. Второй, отчасти вытекающий из первого, – канон, на который он опирается. Охарактеризуем основные возможные варианты.

1. Человек пишет о себе для того, чтобы создать продаваемый и приносящий доход продукт, его усилия направлены на то, чтобы написать бестселлер (вряд ли с этой целью будут писаться дневники, но написание мемуаров вполне возможно). В этом случае он будет ориентироваться на факты, наиболее интересные для потенциального читателя и использовать в качестве образцов мемуарные бестселлеры, которые ему довелось прочесть, а также наиболее читаемые романы. При таком подходе он, скорее всего, будет позиционировать себя как героя увлекательного романа, в идеале соединяющего в себе авантюрные, лирические и эпические элементы.

2. Человек осознанно пишет, чтобы оставить свой светлый образ для потомства, считая свой уникальный опыт важным для других, считая, что он оставил свой след в истории и этот след может быть использован другими как образец. В этой установке соединяются апологетические и дидактические мотивы. Скорее всего, здесь автор будет ориентироваться на образцы мемуарной литературы о «ярких личностях» в его понимании и выбирать факты так, чтобы и сам он предстал как «яркая личность». Выбор образцов здесь зависит от образованности, начитанности автора, от того, создает ли он законченный продукт или надеется, что другие воспользуются его материалами и создадут законченный продукт сами

(поставят фильм, спектакль, сделают героем литературного произведения и т.д.).

3. Человек пишет для того, чтобы разобраться в себе, понять себя. Дневник (менее вероятно, хотя и возможно – мемуары) выступает в этом случае как способ рефлексии, способ самопознания. Здесь, видимо, сложно говорить о явных образцах, но неявно контуры текста могут создавать как образцы исповедального жанра (Августин, Толстой, Руссо), так и сюжетные произведения с отчетливо выраженной рефлексией героев (Достоевский, например).

4. Человек пишет потому, что в его окружении это модно. В этом случае роль канона выполняют образцы, показанные, рассказанные или написанные сверстниками или коллегами.

5. Человек рассматривает процесс письма как терапевтическое средство. Описывая события, он избавляется от преследующих его кошмаров, обретает душевный покой. Именно так, судя по исследованиям Подороги, следует воспринимать творчество Кафки. В этом случае отбор событий производится памятью и часто здесь воспроизводятся наиболее страшные, наиболее трагичные из них. Другой вариант здесь – дневник как диалог с не отвечающим тебе собеседником, обидевшим или оскорбившим автора. Описывая конфликт или отвечая на обвинения, автор как бы взывает к читающему как к судье (смотрите, люди добрые, как он меня обидел) и, выступая сам в качестве читающего, оправдывает себя.

5а. Другой вариант сформулированной выше установки – отношение к письму как средству социализации. Социально активный человек внезапно оказывается одиноким и тогда процесс письма заменяет собой рассказ какому-то, пусть даже незнакомому собеседнику, который молчит и кивает головой. Основное здесь – не оправдание, а возможность общения.

Разумеется, в реальном тексте совмещается несколько установок, но чаще всего одна из них является доминирующей, и правильная реконструкция, правильное определение доминирующей установки – необходимое условие осознания степени адекватности использования данного текста для реконструкции личности автора, а также выбора инструментария, которым эта личность будет выявляться.

В докладе обозначенные возможности будут проиллюстрированы на материале «Записок» Е.Г. Киселевой, для которой ключевые цели выражаются пунктами 5 и 5а, что определяет специфику текста и его интерпретации.

Глебкин Владимир Владиславович – к. филос. н.,

руководитель ОТИМК гимназии № 1514 г. Москвы

Н.А.Гоманюк
(Херсон, Украина)

Социологические индикаторы наррации в наивной эпистоле

Наивный дискурс, выраженный посредством наивного письма, или «документов жизни», как их называет Пламер – это одна из форм отражения личной жизни, характерная для миллионов людей. Изучение наивных текстов способствует расширению круга социологических представлений о мире повседневности, результатах социальной перцепции, познанию имплицитных составляющих социальных явлений. Рассматривая социальную реальность в письмах, биографиях, историях семей, фотографиях и др. мы сталкиваемся не только с миром повседневности автора, но и с миром повседневности его референтных групп, их дискурсивными практиками, историческими и культурными коннотациями текста [2,3]. «Сторонники постмодернизма стремятся к тому, чтобы повествованиям, реализующим другое, немодерное видение происходящего, - глазами женщин, расовых или сексуальных меньшинств, “других” культур, “эмпирических” индивидов - также нашлось место.» [4]. Повествования в рамках наивного дискурса тесно связаны с социальными процессами и являются ценным эмпирическим материалом для социальных исследований.

Анализ наивных текстов можно проводить с разных позиций. Тем или иным задачам соответствуют свои подходы. При изучении качества жизни, например, важна и формальная, и содержательная организации текста (Корман). Необходимо учитывать, что наивное письмо в большинстве случаев является еще и нарративом. События и процессы в наивном письме – это информация «из первых рук», наррация и дескрипция не прошедшие мозг интерпретатора.

Авторство в наивном письме, в частности в наивной эпистоле, не укладывается в концепцию «смерти автора». Личная переписка (не эпистороман) т.е. то, что было написано для прочтения конкретным адресатом является исключением, когда текст имеет автора, но этот автор не адресант, а адресат, потому что именно адресант своим социальным статусом «заказывает» содержание. Это можно было бы назвать «цензурой

адресата». Формы репрезентации качества жизни адресата находятся в зависимости от типа интерсубъективных отношений лиц состоящих в переписке. Каждому – СВОЁ! «Свое» в классических методиках достается и исследователю. Включение в область изучаемого наивного дискурса позволяет не просто глубже постичь изучаемую проблемы, но и посмотреть на нее как бы с обратной со стороны – глазами предмета исследования.

В качестве примера, иллюстрирующего некоторые особенности наррации при переписке, приведем анализ одного письма написанного жительницей Российской Федерации. Автор письма - пожилая женщина, пенсионерка, вдова. Текст написан в мае 2001 года и адресован из азиатской части России (Сибири) в украинский Крым.

В тексте 4 авторских абзаца (кроме обращения и подписи), но количество смысловых фрагментов не совпадает с количеством абзацев. Хотя в социальном плане эти абзацы – суть семейные кластеры. В каждый кластер (абзац) вкладывается информация об одной из генеалогических ветвей.

Особенностью текста письма является широко распространенная «скомканность» его завершающего/завершающих сюжетов. Это диктуется физическим фреймом письма. Начинать новую страницу нет желания – значит надо сконцентрировать оставшуюся информацию в последних нескольких строчках, сократить текст до простых однозначных предложений. Автор вычленяет наиболее существенные, значимые элементы. В данном случае – это состояние собственного здоровья и message к потомкам: не забывайте меня на этом и том свете. *«Как ваше здоровье, как трудитесь»*, – этим высказыванием Адресат высказывает пожелание о продлении коммуникации. Переписка представляет собой как бы полимер, связующими звеньями которого являются конвенциональные формы приветствия и прощания. *«Жду ответа как соловей лета»* – предусматривает *«Привет, получил твое письмо я сразу же отвечаю»*.

Автор несколько раз указывает на дыры в своей скудном семейном бюджете и, одновременно, на свою кредитоспособность. Бабушкиной пенсии теперь ждут не только влекомые мороженым внуки, но и запивший сын, и собирающаяся поехать на свадьбу дочь. Особое место занимают долговые отношения, своеобразно отражающие семейную иерархию и не

отражающие до конца и адекватно финансово-материальный рейтинг родственников.

Положительные эмоции связаны, главным образом, с еще детьми – внуками. Радуют школьные успехи не только «популярных», но и «опальных» потомков. Дети дают повод для наррации. Первый зуб, крестины, четвертные оценки, выпускные экзамены, золотая медаль – события, о которых просто необходимо знать в другом городе, стране, на другом континенте.

В наивной эпистоле значимыми знаковыми системами является не только речь, но и написание. Кроме нескольких орфографических, в тексте обилие грамматических ошибок. Отсутствие точек (даже перед заглавной буквой нового предложения), запятых как бы подчеркивают то, что письмо – поток сознания автора. Возникшая в конце предложения ассоциация дает начало новому – непредвиденному сюжету. Это придает целостность эклектичному переплетению экзистенциальных и бытовых сюжетов: *«Купила немного ягод наварила варенья, компотов закрутила готовлюсь к осени. Хочется еще хоть годик прожить, вряд ли.»*

Отдельно следует отметить ошибки в словах иностранного происхождения – кодирование, бухгалтер, декрет и характерное написание слова «бог» – с маленькой буквы, что этого слова практиковалось с 1917 по 1991 гг. А образование автором, пожилой женщиной, было получено именно в предвоенные годы.

Ключевыми словами, описывающими социальную реальность, являются: деньги, работа, здоровье, дети – нехитрая формула житейского счастья. Автора не беспокоят судьбы человечества, государства, народа. Макроструктуры и макропроцессы сконцентрированы в микрокосмосе Автора. Важность покупки телевизора заслоняет собой полеты в космос.

Анализ других писем показывает, что наивный дискурс в системе культуры занимает особенное место. Прежде всего, – это монолог, самовысказывание, форма самораскрытия и самоопределения. Существует и тематический охват, и тематические ограничения, сопряженные с реальным (фактуальность) и фикциональным (допредикативные очевидности, стереотипы) наивного дискурса.

Одной из особенностей такого типа высказываний является насыщенность нарратива экзистенциальными состояниями (смерть,

болезнь, рождение, стресс, любовь) и тем, что является индикаторами качества жизни: питание, одежды, комфорт жилища, состояние окружающей среды, степень удовлетворения различных потребностей. Письмо – это проявление личностных чаяний, апеллирующих не к Великому Нарративу (большой политике), а к политике прозаичной – разрешения мелких бытовых вопросов, повседневных забот. Таков один из рукавов политической дельты постмодернистского толка [5]. Это отображается в превалировании самоидентификации на уровне малых или партикулярных структур. Эклектика потока сознания, хотя бы в постмодернистском понимании, придают наивному письму целостность в своем эклектизме. Трансляция потока сознания тем не менее структурирована в тех же социолектах. Социолекты в наивном дискурсе выступают как индикаторы субкультурного позиционирования, что позволяет делать привязку не только к социально-демографическим переменным, но и к культуре. А это личностная и социальная идентичность, гендерные, экономические, политические, возрастные характеристики автора и сценариста. Мы можем говорить о специфике отражения исследуемого предмета в дискурсах город/село, «отцы»/«дети», патрон/клиент и др. Характерным является и повседневная принадлежность наивного письма. Наивные тексты при этом выступают как артефакты вездесущей повседневности.

Литература

1. Gee, J. P. An introduction to discourse analysis. Theory and method. New York: Routledge, 1999.
2. Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии, 1996.- №7.-С.152-186
3. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию.- М.: Добросвет, 1998.-292 с.
4. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Материалы к специальному курсу. Сост.: Е. Г. Трубина // www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html
5. Szczerski K. Tożsamość kulturalna – tożsamość jako kontekst // Odczyt na Konferencji Zmieniająca się Europa - przyszłość Unii Europejskiej, 2004-04-23

Гоманюк Николай Анатольевич – к. социол. н.,

ст.преподаватель кафедры философии и социологии

Херсонского национального технического университета

Гречаная Е.П.

(Москва)

Функции французского и русского языков в дневниках русских дворян XVIII – начала XIX вв.

Во второй половине XVIII в., когда идет формирование русской автобиографической культуры, дневники зачастую ведутся на французском языке, нередко включая при этом отдельные слова или пассажи на русском. Автобиографические тексты, созданные в России на французском языке, практически не изучены и составляют маргинальный корпус, привлекавшийся прежде всего историками и частично опубликованный в основном в переводе на русский язык. Между тем эти весьма многочисленные тексты заслуживают изучения в оригинале с точки зрения автобиографической практики.

Цель настоящего доклада – показать, опираясь на мало изученные и в особенности неизданные тексты, что именно означает обращение к французскому и русскому языкам в дневниках, написанных в первую очередь женщинами преимущественно по-французски (княгиня Н.П. Голицына, Мария Бахметева, княгиня Елизавета Шаховская, графиня Мария Толстая и др.) или двуязычных (Анна Керн, Анна Оленина, Анастасия Колечицкая), как формируются и функционируют французский и русский дискурсы. Предполагается также рассмотреть французский и русский варианты (дневник и семейная хроника) описания заграничного путешествия баронессы Н.М. Строгановой (1780-1782).

Если французский язык способствует вхождению в европейский литературный и культурный контекст, поставляет светские модели самовыражения (почерпнутые во французских аристократических мемуарах, сентименталистской, позднее романтической литературе), то русский, с одной стороны, поддерживает связи с традиционными религиозным и летописным дискурсами, а, с другой, противостоит «формульности» и автоматизму французского «письма», служит для своеобразного самоутверждения и более выраженной индивидуализации своего образа. Обращение к тому или иному языку означает внесение корректив в само- и

мировосприятие, использование разных средств для конструирования своего образа, а также в определенной мере включение игрового начала.

Совершенное владение французским языком, сформировавшимся благодаря французской литературе XVII – XVIII вв., которая развивалась в тесной связи с французской салонной культурой, и в то же время использование русского языка, прежде всего в его простонародной форме, было отличительной чертой русского дворянства, которая нередко становилась в то время в России предметом карикатурного изображения. Предлагаемые для изучения тексты позволяют переоценить эту особенность языковой практики. Владение различными способами выражения, непосредственная смена регистра свидетельствуют о своего рода культурной гибкости, позволявшей свободно ориентироваться в различных культурных ареалах. Двуязычие (а иногда и многоязычие) ведет к своеобразному столкновению различных культур, в результате которого высвечиваются их особенности, в том числе особенности той или иной автобиографической практики.

Гречаная Елена Павловна – д. филол. н.,
в.н.с. Института мировой литературы РАН

Валерий Гречко
(Токио, Япония)

«Непонятное слово» в дневниковых и художественных текстах Даниила Хармса

Рукописное наследие Даниила Хармса включает в себя значительное количество дневниковых и иных текстов, прямо не относящихся к художественной литературе, но представляющих большой интерес для исследователей. Записные книжки и дневники Хармса, которые он вел на протяжении многих лет, необычайно разнообразны как по тематике, так и по своей структуре. Интересной особенностью дневниковых записей Хармса является инкорпорирование в них фрагментов, в которых стандартный код русского языка заменяется на какой-либо другой, что делает подобные

фрагменты непонятными для незнакомого с этим кодом читателя. В качестве основных типов «чужого» кода можно отметить следующие:

1. Иностранный язык. Хотя в основном тексты Хармса написаны по-русски, иногда можно отметить неожиданные вкрапления слов или целых предложений на иностранном языке (обычно этим языком является немецкий – как известно, Хармс учился в немецкой школе и хорошо этим языком владел).

2. Тайнопись. Некоторые фрагменты своего дневника Хармс записывает специальными символами, которые он использует вместо букв русского алфавита. В этом случае лексико-семантическая сторона кода русского языка остается неизменной (зашифрованы по-прежнему русские слова), но изменяется способ их кодирования в графические символы.

3. Заумные слова. Продолжая традиции русских футуристов, Хармс нередко использует так называемые заумные слова, т. е. неологизмы без фиксированного значения в коде русского языка. В этом случае неизменной остается графическая сторона (заумные слова пишутся буквами русского алфавита), однако сами лексические единицы и их семантическое наполнение существенным образом изменяются.

Три названные группы существенно отличаются по степени непонятности. Наиболее доступны пониманию фрагменты, написанные на иностранном языке. Так как в них полностью используется стандартный языковой код (хотя язык этот и не русский), они могут быть поняты любым человеком, который с этим кодом знаком. Понимание фрагментов, написанных тайнописью, предполагает знакомство уже с двумя разными кодами: во-первых, кодом стандартного русского языка и, дополнительно, с особыми правилами фонетического кодирования, разработанными Хармсом. Еще сложнее обстоит дело с пониманием заумных слов. Хотя они могут быть прочитаны каждым, кто знает буквы русского алфавита, понимание смысла подобных слов весьма затруднено. Так как лексико-семантические соответствия здесь не кодифицированы, читатель остается без ключа к их пониманию.

В отношении функций чужого кода можно отметить, что типичные функции, с которыми используются тайнопись или иностранный язык (например, скрыть свои мысли от окружающих), в дневниках Хармса

существенной роли не играют, в то время как на первый план выдвигается то, что можно назвать «магической» функцией. Текст, записанный чужим кодом, повышается в статусе и приобретает в глазах Хармса характер магического заклинания. То же назначение имеет и использование семантически затемненных заумных слов. Кроме того, один и тот же чужой код может применяться с различными функциями в зависимости от того, используется ли он в дневниковых или литературных текстах Хармса. Эти функциональные различия связаны с различной коммуникативной направленностью дневниковых (или эго-) текстов и текстов художественных («я – я» vs. «я – другие»).

Valerij Gretchko – PhD, Tokyo University,

Lecturer, VGretchko@hotmail.com

“Unintelligible word” in the diaries and literary texts of Daniil Kharms

The writings of Daniil Kharms include diaries and notebooks that he kept for many years. Some fragments of these diaries are opaque or unintelligible to the common reader because Kharms uses linguistic codes that are different from the ordinary Russian language. The paper deals with different types of foreign codes and examines their functions in the diaries and literary texts of Daniil Kharms.

Яна Гришина
(Москва)

Затем и пишу от своего «я», из-за правды

Дневник Михаила Пришвина – уникальный документ, который можно считать летописью жизни России. Первые сохранившиеся страницы дневника относятся к 1905 году, обозначившему начало новой политической ситуации в России, последние сделаны в январе 1954 года – дата, позволяющая говорить о начале кризиса политической системы, сложившейся после Октябрьской революции.

Миф о Пришвине-«певце природы», который оформился в советские годы, включает в себя и расхожее мнение многих писателей, критиков и части читающей публики, что Пришвин писатель детский и простой. Хотя у Пришвина, безусловно, есть «детское и простое», но одновременно оно

каким-то образом и очень сложное: в любом тексте Пришвина всегда есть глубина, незавершенность, в нем угадываются иные смыслы. На самом деле, он – «трудный» писатель, и читать его нелегко; его текст представляет собой сплетение идей и зрительных образов, культурных реминисценций и исторических событий, собственного опыта и культуры (*Иные глупцы говорят, будто пишу от своего имени, оттого что ношусь со своим «я», и что нужно писать не «субъективно», а «объективно». Вот именно затем и пишу от своего «я», из-за правды*). Кроме реалий, Пришвину всегда нужно ухватиться за культурную традицию, что только и дает возможность понять смысл происходящего, собрать разнообразие жизни воедино и не только сложить эту новую, небывалую картину мира, но и осознать ее, культурно обжить, художественно осмыслить – по Пришвину, «поэтически описать» (*какое же счастье написать такой рассказ, чтобы в нем созвучно дрожали общие струны души следопыта-охотника и человека, искушенного довольно близким соприкосновением с мировой культурой*).

Дневник Пришвина как художественное целое складывается из событий, разговоров, философских, эстетических, нравственных рассуждений, органично вплетенных в ткань жизни, из многочисленных биографических фактов, воспоминаний, снов, поэтического вымысла, набросков, отрывочных записей без начала и конца, черновых вариантов писем, а также рассказов или очерков.

Бесконечное разнообразие мира в дневнике собирается в единую картину бытия – где бы Пришвин ни оказался (в течение 20 послереволюционных лет он живет в разных местах провинциальной России), и что бы он ни увидел (Пришвин побывал на Уралмаше и Дальнем Востоке, Беломорском канале и Кабардино-Балкарии), какой бы страшной ни оказывалась эта картина, он ее в дневнике воссоздает. Он пытается преодолеть фундаментальное разделение мира на идеальное и материальное, причем теперь, в самом что ни на есть прикладном смысле этого разделения, очевидном и характерном для современной истории: в реальной жизни столкнулись победившая утопия и побежденная органическая жизнь (*жизнь разбивается на две, потому что мы распадается в себе на великих людей, двигающих историю, и на “быдло” наше, дремлющее в своем болоте, все от этого*). Существенно, что Пришвин не задает этот известный в русской культуре риторический вопрос «кто виноват?», но отвечает на него: «мы».

В течение полувека изо дня в день создается дневник писателя, придающий ежедневному и преходящему статус вечности – по определению современных культурологов, текстуальный аналог истории.

В писательской среде он всегда если не странный, то уж точно необычный человек, который и выглядит и ведет себя самобытно и не так как принято. Это не только потому, что он появляется в редакции в сапогах и с рукописями в ягдташе, а потому, что он человек свободный и

неидеологизированный, не вписывающийся в парадигму противостояния «за или *против*».

Дневник Пришвина – это не только и не столько природа и охота, не только рассуждения и идеи (что, конечно, есть), но и повседневная жизнь конкретных людей, которые пытаются выжить – кто как; это судьбы людей, от известных до маргинальных – их в дневнике Пришвина десятки и десятки; сама жизнь обрела голос, и этот голос не громкий, тон не пафосный – жизнь идет, и от нее никуда невозможно деться, можно только жить. Об этой повседневной жизни Пришвин пишет и в дневнике, и в художественных произведениях, сам сознательно выбрав для себя, по сути, маргинальный образ жизни и работы («чувствую себя в СССР как Робинзон... очень много людей в СССР живут Робинзонами... среди людоедов»).

Гришина Яна Зиновьевна – н.с. Музея М.М.Пришвина
(филиал ГЛМ), grishina@comtv.ru

С.Л.Гурко

(Москва)

Периферия Смысла^[15]

Почему гуманитарные исследования по меньшей мере с начала XX века систематически сосредоточиваются на рассмотрении «маргинальных», «периферийных» явлений и объектов? Этнографы занимаются малочисленными народностями, живущими в сравнительной отделенности от большого мира, историки анализируют структуры повседневности вместо заметных «исторических событий», социологи работают с малыми группами и субкультурами, языковеды изучают диалекты, при исследовании психики в центре внимания оказываются прежде всего «необычные» состояния, вроде детства или безумия. Едва ли дело в постепенно проявляющейся исчерпанности теоретической задачи, подобно ситуации, сложившейся в географии, когда континенты и другие крупные образования вместе с наиболее значительными объектами на них уже описаны, и остается заниматься малыми островками и труднодоступными регионами, да уточнять ранее полученные данные. Это явно не так, поскольку и притязания нарождающихся в русле этой тенденции теоретических направлений (зачастую весьма обширных, перерастающих исходные дисциплинарные рамки, как, например, в случае со структурализмом), и достигнутые результаты указывают скорее на революционность этих типов

теоретизирования, чем на мирное эволюционное совершенствование теорий, унаследованных от предшествующей – «классической» поры. Неуклюжие, вызывающие законное раздражение, содержащие логическое противоречие языковые монстры, вроде «постсовременности» или «постнеклассики», при помощи которых обыкновенно описывают такие направления, невольно побуждают видеть в них нечто вроде индивидуальной стилистической причуды, капризного движения моды, или даже хитроумного рекламного трюка, имеющего ясную экономическую цель. Однако, исследователей, разрабатывающих подобные направления, слишком много, чтобы можно было сослаться на индивидуальные особенности, проявились эти тенденции пожалуй раньше, чем сформировалось общество потребления с модой в современном смысле, как регулирующим спрос механизмом, но, что важнее всего, теоретическая сложность работ «постнеклассического» типа заведомо исключает самую возможность их массового потребления, а значит делает бессмысленными любые рекламные ухищрения. Скорее следует признать, что теоретический поворот в гуманитаристике структурно подобен революциям в естественных науках, явившихся ответом на системный кризис и заставивших естественников отказаться от наглядности, инкорпорировать в теории парадоксы (вроде принципа неопределенности Гейзенберга в квантовой физике) и усвоить крайне изощренный математический аппарат, чрезвычайно далекий от обыденных представлений о «математическом подходе».

В основании научных разысканий во все времена лежала проблема Смысла, в попытке разрешения которой регулярно порождались многообразные методологии различения знания и мнения. Поскольку же как то, так и другое типологически представляют собой сведение обширного многообразия частных случаев к более ограниченной множественности какого-либо рода (например, к закону или привычке), речь шла об отыскании наиболее предпочтительного, привилегированного способа такой редукции. Решение, известное по меньшей мере со времен Древней Греции, состояло во вполне логичном требовании отдать предпочтение Единству, гарантированно одолевающему в споре конкурирующих множественностей. Эмпирическая ненаблюдаемость единства понуждала конструировать его как идеальную сущность, способ построения которой постепенно усложнялся, не удаляясь, однако, от практического положения, вложенного

Платоном в уста Сократа «нет необходимости знать ничего, кроме самого лучшего и совершенного». Естественно, такое решение обеспечивало познанию оптимистическую перспективу и со временем открыло дорогу науке в классическом смысле слова. Однако именно это решение приводило к непреодолимым трудностям при попытке рассмотрения темпоральной проблематики. Любой анализ времени упирался в неустранимо присущую ему множественность, а, следовательно, и неподлинность. Но невозможность теоретического описания времени влечет за собой невозможность введения в теорию аспекта развития. Даже если теории развития и строились, сама «центрированная» структура смысла, задаваемого понятием единства, неминуемо приводила к чему-либо вроде представления о предзаданной цели или актуализации потенциалов. В свою очередь, статичность теорий приводила к известным парадоксам, связанным с понятием свободы. Это относится даже к монументальной попытке ухватить развитие в гегелевской диалектической схеме.

Огрубляя, можно сказать, что общим моментом всех революционных, «неклассических» теорий современности является попытка отыскания принципиально иного решения проблемы смысла, решения, базирующегося на признании фундаментальной первичности различия и множественности по отношению к производным (!) от них понятиям тождественности и единства. Именно этот глубинный поворот в области «логики смысла» и отвечает за «странное» пристрастие современных исследователей ко всякого рода «маргиналиям».

Гурко Сергей Львович – н.с. Центра методологии и этики науки

Института философии РАН

М.А.Дзюбенко
(Москва)

Пелевин – это Пушкин сегодня

[текст тезисов не представлен]

Дзюбенко Михаил Александрович – научный сотрудник Государственного Литературного музея

В.В.Дубовик
(Москва)

Переписка Лжешуйского – Тимофея Акиндинова и
Константина Конюхова

Вместе с бежавшим в 1644 году из Москвы подъячим Новой четверти Тимофеем Акиндиновым на поиски места, где им «будет добре», отправился и «молодой подъячий» того же приказа Константин Конюхов. Когда за пределами московского государства Тимофей Акиндинов принял имя князя Иоанна Тимофея Шуйского, наследника царя Василия Шуйского, то Константина Конюхова он назвал своим слугой, которого князь Борис Михайлович Лыков дал ему при отъезде из Москвы. Все годы странствий они были вместе, однако «князь Шуйский» часто отправлял «своего слугу» с различными поручениями, наставляя того перед отъездом: «не забывай писать ко мне и часто учащай грамотки писать», ты должен «ни одново почты даром не пропуститъ и даватъ снатъ обо всемъ», «чтоб ни одной нити верности своеи не оторвати».

Сам «князь Шуйский» писал «своему слуге» не менее часто. Его писем дошло до нашего времени намного больше, чем ответов Константина Конюхова: вероятно, «слуга князя Шуйского» гораздо бережнее хранил весточки своего господина, да и московское правительство, благодаря разыскной деятельности которого сохранились эти документы, интересовали в первую очередь бумаги Лжешуйского. Письма Тимофея Акиндинова хранятся в РГАДА и архиве югославской академии наук, Константина Конюхова – в стокгольмском архиве.

Письма содержат указания практического свойства и посвящены текущим делам: «для чево се писаніе . да няруководствует і наставит ... не мешкаючи *тот* час насад едь в ревень там тебя нарочно жду и дела у меня в ревели есть много ... тебе ж насад поворотитца в ревенъ» *допоможет* петръ белоусов друг мои которому я изустно все прикасал . і что б тебе *будет* понадо[...] дал всаумы і денег . а присываючи б<о>га в помочъ едь са мною в ревень *тот* час».

Однако пишет эти, не предназначенные, казалось бы, для посторонних глаз письма, «іван иж<е> тимофеемъ имянуем последіе бл<а>городну родителю *от* москвы», «іван іже во с<вя>том кр<е>щеніи тимофеи імянуем . последіе бл<а>городных кн<я>жат . *от* славнаго ц<а>рства московского» и адресует «целоверному рабу», «вернемилому служебникови моему константину конюховскому». В посланиях, которые составляет «пан м<и>л<о>стивыи слуге целоверному», используются все приемы

«великокняжеской» канцелярии, выработанные Лжешуйским для «внешних» адресатов.

Ответные письма направлены от «княжеі ясності наинижшего раба и служебника Костянтина Конюховского» к «ясносияющему князю, государю милосерднеишему» и заключаются обращениями как к Богу: «О милостивыи Господи, Исусе Христе, Боже мой! Услыши отъ недостоіныхъ и скверныхъ устенъ моление раба своего и даждь ми видеть моего Милостивого Государя и природнаго Князя, его же желаетъ душа моя. Аминь», так и к своему господину «Ясносияющіи Княже! Государю, Государю мой милосерднеишии! Приими мя, не яко раба, но яко единаго отъ наемникъ твоіхъ и здравствуи счастливо на многа лета! А поклонившися о землю, целую твоі нозе».

Очевидно, что в этих текстах и адресат и адресант не выходят за пределы своей роли, остаются за выбранными для себя масками «князя Шуйского» и «преданного слуги»; частная переписка оказывается тщательно продуманной игрой, ориентированной на внешнего наблюдателя. Поэтому мы не найдем в них никаких тайн Лжешуйского: их содержание, оформление, так же, как и сам факт написания, являются элементами самозванческого сценария и составными частями легенды «князя Шуйского».

Дубовик Валерия Валерьевна –

к. филол. н., доцент, докторант филологического

факультета МГУ, dubovik@list.ru

Виктор Живов

(Москва)

Православная периферия между раем и адом – что там бывает?

1. У католиков между адом и раем располагается чистилище. Учение о чистилище не только решает ряд сложных богословских проблем (способ существования душ от смерти человека до Страшного Суда; необходимость молитв за усопших, заступничество святых), но и служит важнейшим средством институализации спасения. Чистилищные муки восполняют те

покаянные труды, которые священник возложил на грешника в качестве условия отпущения грехов, а грешник не успел довершить в земной жизни. Спасение не только не мыслится вне церкви, но церковь наделяется различными инструментами регулирования процесса спасения: уменьшения загробного наказания, полного избавления от него (например, в форме индульгенции) и т.д.

2. В Восточной церкви чистилище отсутствует, и это соответствует слабо институализованному характеру спасения. Покаянная дисциплина не отличается строгостью, что связано с постоянно ожидаемым спасением из неинституциональных источников (заступничество святых, вмешательство подвижников, чудотворных икон, священных источников). В этих надеждах на милосердие Божие подсчет грехов не ведется, время между смертью человека и Страшным Судом повышенного интереса не вызывает, и для рождения чистилища с его вымеренными наказаниями условий не появляется.

3. Хотя в принципе у православных между раем и адом не должно быть ничего, в византийских текстах порой появляется неопределенная маргинальная область, в которую попадают те, которых Господь за те или иные заслуги избавил от вечных мук, но которые в силу своих прегрешений не могут попасть в Царствие Небесное. Такова, например, история о милостивом блуднике, с XV в. изображаемом на иконах Страшного Суда привязанным к столбу, стоящему между адом и раем. Когда в XIV в. учение о чистилище становится одним из догматических различий между Западной и Восточной церквями, больше таких историй в византийской литературе не появляется.

4. В Волоколамском патерике, составленном, по-видимому, Досифеем Топорковым в 1530-1540-х годах, среди рассказов, приписанных Пафнутию Боровскому, имеется повествование о видении одной монахини во время мора 1423 г. Эта монахиня по пути от рая к аду видела пса, лежащего на постели и одетого в соболью шубу. Ее спутник объяснил ей, что в пса Господь превратил милостивого агарянина, который искупал пленных. За его милость он был награжден шубой и избавлен вечных мук, а за свое иноверие оставлен вне рая и превращен в пса. Таким образом, у русских в XVI в. вновь появляется промежуточное между раем и адом пространство, своего рода иосифлянское проточистилище.

5. Эту странную аномалию можно связать с политикой религиозного дисциплинирования, проводившейся иосифлянами. Эта политика требовала не только изничтожения ереси, но и устроения покаянной дисциплины. Хотя проточистилице Волоколамского патерика выглядит скромно, оно указывает на важное сближение иосифлянских воззрений с западными практиками утверждения религиозной дисциплины (ср. восхищение архиепископа Геннадия (Гонзова) испанской инквизицией). Об этом же говорит увлеченное цитирование иосифлянскими авторами «Диалогов» Григория Великого, одного из «отцов чистилица». Хотя иосифляне негативно относились к «латинской ереси», в устройстве покаянной дисциплины и институализации спасения католический Запад был привлекательным примером. Из стремления взять духовную жизнь общества под контроль и институализировать спасение у иосифлян появляются и потусторонняя периферия, напоминающая западные образцы.

Живов Виктор Маркович – д. филол. н.,

профессор, зам. директора ИРЯ РАН

АннаЗализняк
(Москва)

Дневник: к определению жанра

Дневники и дневниковые тексты могут изучаться для разных целей и, соответственно, разными науками. Можно назвать по крайней мере четыре таких цели (список безусловно не исчерпывающий: например, может изучаться ведение дневника как психотерапевтическая практика).

1. Извлечение фактов **биографии пишущего**: особенностей его личности, факты его внешней и внутренней жизни, отношения с другими людьми и т.д. Обычно с этой точки зрения изучаются дневники известных, чем-то замечательных людей – писателей, художников, музыкантов, ученых, политических деятелей и т.д. Условно обозначим эту область знаний как «жизнь замечательных людей». Если «замечательным человеком» оказался писатель, то это можно отнести также к литературоведению (ср. понятие «биографическое литературоведение»).

2. Извлечение сведений, касающихся описываемых в дневнике **исторических событий**: реальных людей, фактов и обстоятельств. Для этого могут быть использованы дневники любых авторов. Заведующую этим область знаний можно условно назвать «история».

3. Извлечение сведений, касающихся **устройства человеческого сознания**: механизмов работы памяти, рефлексии, оценки, эмоций, мышления, творческой деятельности, вербализации опыта и т.д. Область знаний – психология.

4. Изучение дневника как **типа текста**. Это задача литературоведения и лингвистики.

Я исхожу из того, что категория **жанра** формируется принятой для данного текста конвенцией отношений автора с адресатом. Мой основной тезис состоит в том, что **адресатом дневника является его автор**. Дело в том, что адресат и круг предполагаемых читателей – это две разные функции. Дневник отличается от художественного текста, в частности, тем, что в нем эти две категории расходятся. Человек пишет дневник, имея в виду, что его могут/будут читать такие-то люди – или что его не прочтет никто. Однако **адресатом** своего текста является он сам. Именно потому, что адресатом дневника является его автор, дневник – это **интимный** текст, и **показать кому-то** свой дневник означает допустить этого человека в свою интимную сферу. Этим дневник отличается как от письма, так и от художественного текста, в которых категория адресата и читателя совпадают.

Итак, основные признаки жанра дневника:

1. Наличие даты записи; привязанность самой записи и ее содержания к этой дате; некоторая продолжительность процесса ведения записей;

2. Нефикциональность текста дневника.

3. Совпадение адресата с автором.

4. Отсутствие авторского замысла.

Дневник – это текст о себе. О чем бы в нем не писалось – о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли и переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, – это документ о личности пишущего, и именно как таковой он пишущим воспринимается. Ощущение **ценности этой личности** является тем стержнем, который объединяет содержательно, сюжетно и стилистически разнородные фрагменты. В художественном тексте таким стержнем служит **замысел автора**, отсутствие которого в дневнике также является признаком жанра.

Главное отличие настоящего дневника от художественного произведения в форме одного состоит, очевидно, в том, что в дневнике все настоящее, а в романе, написанном в форме дневника, все вымышленное. Все вымышленное, даже если на самом деле – не менее «настоящее», чем в настоящем дневнике (в теории нарратологии это свойство художественного текста называется «фикциональность»; ср. английский термин «fiction» как эквивалент русского «художественная литература»). То, что в художественном тексте все вымышленное, – это одно из условий жанра: персонажи художественного произведения не существуют вне мира данного текста (даже если они «списаны с натуры», и даже если автор в предисловии сообщил, кто является прототипом кого – подобное предисловие есть часть художественного текста, и тем самым обладает той же неистребимой фикциональностью).

Жанр дневника противопоставлен, по разным признакам, двум наиболее близким к нему жанрам:

1. Дневник vs. художественные тексты: воспоминания/мемуары, автобиографическая проза, с одной стороны, и художественные произведения *в форме дневника* (ср. «Дневник Печорина», «Дневник Коли Синицына») – с другой.

2. Дневник vs. другие типы дневниковых текстов: записные книжки, письма (в особенности, если они пишутся регулярно одному адресату в течение продолжительного времени).

Зализняк Анна Андреевна – д. филол. н.,

в.н.с. Ин-та языкознания РАН

Наталья Зандер
(Констанц, Германия)

Гиперколлаж Андрея Сергеева

Начиная с 90-х годов в русской литературе можно наблюдать продвижение документальных жанров от периферии литературного дискурса к его центру. Несмотря на исчерпанность ранее запрещенных тем, интерес к мемуарной и биографической прозе не ослабевает, как не ослабевает и поток новых произведений. На смену художественному слову, утратившему свой «сакральный» статус, поддерживавшийся советской идеологией в собственных пропагандистских целях, приходит документальное, верифицируемое слово. Повышение роли маргинальных жанров сопровождается выдвиганием на литературную сцену авторов из провинции, эмиграции, а также людей смежных профессий (переводчиков, филологов, режиссеров).

На примере книги воспоминаний Андрея Сергеева «Альбом для марок», отмеченной в 1996 году Букеровской премией как роман (!), мне хотелось бы показать, как литература, расширяя рамки художественного, ставя под угрозу собственную дискурсивную независимость, стремится к восстановлению своей центральной роли в культуре.

Прежде всего, тексту становится тесно в рамках жанра: «Альбом» представляет собой жанровый и стилистический коллаж. В тексте представлены почти все жанры, традиционно относимые к документалистике: цитаты из дневника, письма, очерковые заметки на фоне автобиографических воспоминаний, подкрепленных скрупулезно воспроизводимыми документами (справками, дипломами и пр.). Пародийное остранение штампов и стереотипов документальной литературы позволяет автору вновь использовать ее приемы. Подобным образом дело обстоит и с авторефлексивностью, являющейся отличительной чертой современной мемуарной прозы. Свои претензии на научность текст сигнализирует на графическом уровне наличием сносок, интер- и интратекстуальных отсылок. Присвоение и эстетизация собственного метадискурса освобождает литературный текст от власти последнего без необходимости его отмены. Стиль протокола перемежается с исполненной лиризма ритмизованной прозой. Активизируется визуальный потенциал текста. Так, для описания дороги в школу страницы текста графически

разделяются на две «стороны улицы». Выход за рамки фикционального, жанровый, стилистический и медиальный синкретизм произведения демонстрируют его притязания на статус некоего первотекста.

Великолепное владение «поэтикой списка» позволяет Сергееву собрать коллекцию разнообразнейших реалий и мифологем времени, создающую впечатление их полной деиерархизации. Списки известных деятелей культуры, полководцев и ученых соседствуют с перечислением прозвищ одноклассников или соседей по коммунальной квартире. Наряду с перечнем литературных течений, просмотренных театральных спектаклей, прочитанных книг приводятся примеры скабрёзных песенок и анекдотов, уличного и школьного жаргона. Комментарий к перечисляемому в большинстве случаев отсутствует. Антинарративный прием деиктического, безоценочного накопления обнаруживает близость автора к «мусорному» искусству и философии московских концептуалистов, в частности – Ильи Кабакова, на что, кроме прочего, указывает уже само название книги.

Наследие прошлого подвергается, однако, в «Альбоме» весьма провокационному отбору. Если матерному фольклору отводится в тексте значительное место, он систематизируется в своего рода словарь, названный в честь прославленного отечественного лингвиста «Мой Бодуэн», то официальное советское искусство удостоивается упоминания лишь в монструозном гибриде из имен своих основных представителей: «Исаковский-Твардовский-Долматовский-Матусовский и Маршак с Симоновым».

Свои воспоминания Сергеев посвящает, главным образом, рассуждениям о художественном слове, литературе и ее воздействии на человека, а также предоставляет страницы книги для собственных стихов и стихов своих единомышленников, не пожелавших войти в антологию советской литературы. Автобиографическое «я» теряется среди бесконечных перечислений, но утверждается Я авторское.

Таким образом, отводимая Сергееву критикой роль беспристрастного «архивариуса эпохи» вряд ли отражает амбиции автора, хотя и она позволила бы ему «ненавязчиво» вписать свое имя в культурный архив, более того – на его обложку.

Yuri Zaretsky

(Moscow)

Questioning old Russian autobiographical writings?

The process of detection of the autobiographical substance in various traditional forms of Old Russian writings has been taking place in scholarship since the 1950s., and since then most of the scholars have been concerned with the issue of autobiographical genre. What is the place of “autobiography” in the structure of genres of the Old Russian literature? Is it possible to identify a separate autobiographical genre (or more delicately “autobiographical tradition”) in it? If yes, where this tradition starts from and what text should be considered “the first Russian autobiography”? What genres and what particular writings should be treated as predecessors of autobiographical tradition in the Old Russian literature and what as its successors?

Meanwhile recent theoretical developments in humanities and social sciences suggest a variety of new approaches to the studies of pre-modern autobiographical texts. Some of these approaches have considerably influenced the reading of Western self-narratives. In very general terms, the main impact of this influence may be reduced to one straightforward argument: the very notions of “autobiography” and the “self” should be approached not as universal categories but as specific phenomena imbedded in a given culture and shaped by its “codes.”

Correspondingly, it may be suggested that these insights may have considerable implications for the reading of Old Russian autobiographical texts and constitute a meaningful background for questioning them. Four directions for such questioning are proposed: 1) refusal of the holistic approach; 2) tracing the main patterns of early Russian autobiographical discourse and their historical changes; 3) grouping and reading the texts on the basis of similarity of their social function rather than on their attribution to a certain literary genre; 4) studying Old Russian autobiographical texts in comparative perspective.

Зарецкий Юрий Петрович – д. ист. н.,
профессор кафедры истории философии
(Государственный университет – Высшая школа экономики)

Древнерусские автобиографические сочинения: новые вопросы?

В докладе рассматриваются история исследований древнерусских автобиографических сочинений и их основная проблематика (с середины 1950-х гг. по настоящее время). Делается вывод об актуальности поиска новых подходов к изучению этих сочинений, в частности исходя из утвердившихся в современном гуманитарном знании представлений о проблематичности и историчности понятий «автобиография» и «личность». Формулируются наиболее перспективные из таких подходов.

Ю.В.Кагарлицкий
(Москва)

Благочестивая словесность нового века: Переводчик Стефан Писарев и причины маргинальности его творчества^[16]

Начало XVIII в., а в известной мере и всё столетие, со всем основанием принято рассматривать как время колоссального культурного слома. Этот слом принято описывать серией бинарных оппозиций: старое — новое, духовное — секулярное, традиционное — инновационное, исконное — заимствованное и т.д. Как всегда, подобные оппозиции в той или иной степени адекватно описывают глобальные тенденции эпохи и в то же время чрезмерно упрощают реальный ход культурного развития. Скажем, в допетровскую эпоху православная духовная традиция служит основным источником авторитетных общих мест, в значительной мере определяет образовательные и нравственные ориентиры. Различные дискурсивные и интеллектуальные практики так или иначе апеллируют к этой традиции. После реформ Петра ситуация существенным образом меняется: формируются новые стандарты поведения, закладываются основы светского, утилитарного образования, происходит бурное, ранее невиданное развитие литературы, искусства, науки, политики как самоценных, преимущественно секулярных сфер человеческого творчества. Это позволяет рассматривать старую культуру как глубоко укорененную в духовной традиции и

противопоставлять ей сменившую ее новую как секулярную. Принято считать, что именно после петровских реформ произошло расщепление культурного языка надвое: язык религиозных образов и представлений остался актуальным для недворянского населения, дворянская же элита использовала новый язык, вторичный по отношению к европейским культурным ценностям.

Между тем, культурная пропасть между просвещенным дворянством и остальным народом не возникла в одночасье. Дворянство получило доступ к образованию западного типа, перенимало многое из европейского культурного обихода, но это отнюдь не означало отказа от традиционного благочестия. Напротив, чем теснее дворянин соприкасался с чужими ценностями, тем больше он тяготел к глубокому осмыслению своей конфессиональной идентичности. Однако важно и другое: его едва ли устраивал прежний тип духовной литературы, ориентированный на консервацию шаблонов поведения, привычного уклада жизни в целом. Новый, послепетровский индивид постоянно попадал в новые, заранее не предсказуемые ситуации: он сталкивался с носителями других культурных традиций, вынужден был принимать сложные, незнакомые его предкам решения; следовательно, он должен был научиться рефлексии, самоанализу, индивидуальной интроспекции. Традиционный круг чтения православного мирянина его, вероятнее всего, устраивал не вполне — ни содержательно, ни эстетически.

В этой связи надо обратить внимание на переводческую деятельность Стефана Ивановича Писарева (1708?–1775), и в первую очередь на его переводы трудов греческого епископа Ильи Минятия (1669–1714) (проповедей, богословского трактата «Камень соблазна»). С. И. Писарев, переводчик Коллегии иностранных дел, учился в Московской славяно-греко-латинской академии, затем был включен в состав посольства в Китай, возглавляемого С.Л. Владиславичем-Рагузинским. Биографические данные о Писареве скудны, но можно предположить, что в этот период он сблизился с главой посольства, известным русским дипломатом. Полагаю вполне вероятным, что в дальнейшем Писарев так или иначе был связан с кругом просвещенных дипломатов нового поколения, кругом, который сложился как раз в эти годы и в который входили А.Д. Кантемир, А.А. Вешняков, А.Б. Куракин, А.Г. Головкин, С.Д. Голицын, С.К. Нарышкин и другие. По

крайней мере, достоверно известно о знакомстве Писарева с С.К. Нарышкиным.

Кажется вполне вероятным, что именно кто-то из числа его друзей-покровителей подал ему впервые идею перевести на русский язык проповеди Ильи Минятия, церковного деятеля и дипломата, широко известного в странах Юго-Восточной Европы. Сама судьба Минятия, образованного грека, почти современника, выполнявшего поручения то молдавского господаря, то венецианского чиновника, соединявшего гибкость и толерантность со строгими конфессиональными пристрастиями, должна была быть близка русским дипломатам 1730-х гг. Его проповеди, написанные живым, образным языком, были посвящены проблемам индивидуальной этики, анализу человеческих поступков, путям личного самосовершенствования индивида. Судя по всему, Писарев, переводя Минятия на русский (не гибридный церковнославянский) язык, полагал, что собрание его поучений станет душеполезным чтением для людей новой культуры и даст им то, чего они не получают из житийных и дидактических сочинений прошлого.

Участь переводов Писарева была и удачной, и неудачной. Первая читательская реакция была, по-видимому, весьма благоприятной: если верить переводчику, плоды его трудов переписывались от руки и ходили в рукописи. Издание же задержалось почти на двадцать лет (известна беловая рукопись 1741 г., издание же вышло двумя томами, в 1759 и 1760 гг.). Сходной была судьба и других переводов Писарева; я полагаю, что непосредственной причиной этих задержек было ослабевание влияния тех, кто мог бы оказать ему протекцию. Многие переводы так и не увидели свет. Однако к поучениям Ильи Минятия это не относится: они неоднократно переиздавались уже в XVIII в., в том числе Н.И. Новиковым в Типографической компании (1787). Таким образом, нельзя не признать, что Писареву сопутствовал известный литературный успех.

В то же время сам путь развития духовной литературы, намеченный Писаревым, оказался маргинальным. На русской почве не появилось сколько-нибудь значительного корпуса духовных сочинений, написанных на языке новой культуры и адресованных образованному дворянству. В последней трети столетия возникает и крепнет интерес социальной элиты к различным формам западной духовности, прежде всего к масонству. Так

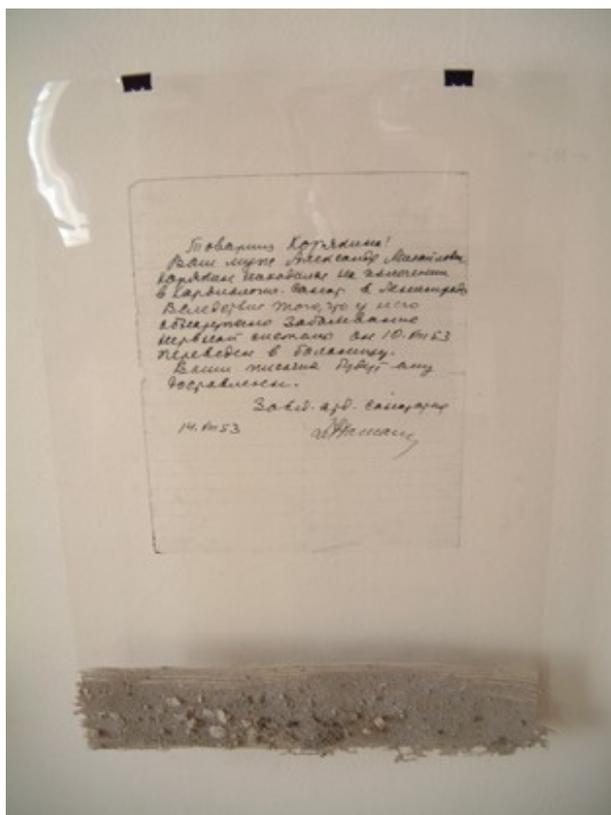
постепенно расширяется тот разрыв между европеизированной культурой верхов и православной традицией, которая, так или иначе, оставалась актуальной для низов.

Причины, по которым попытка Писарева оказалась маргинальной, заслуживают внимательного анализа. Мне представляется, что, во-первых, духовенство было ориентировано не столько на решение подобных задач, сколько на сохранение традиционного наследия; написание же религиозных книг мирянами не приветствовалось. Во-вторых, читательские вкусы дворян уже в 1750-е гг. тяготели к науке, публицистике, изящной словесности — риторика поучений воспринималась как чересчур архаичная и незатейливая. Наконец, в-третьих, социальное обособление дворянства (в особенности после 1762 г.) способствовало обособлению культурному.

Кагарлицкий Юрий Валентинович – к. филол. н.,

н.с. Сектора истории русского литературного языка

Ин-та русского языка РАН

О.А. Казакевич

(Москва)

Дневник директора северной школы^[17]

Летом 1925 г. выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета, ученик В.Г. Богораза-Тана и Л.Я. Штернберга Георгий Николаевич Прокофьев вместе со своей женой Екатериной Дмитриевной Прокофьевой, тоже будущим этнографом, и десятимесячной дочкой отправился в экспедицию в Туруханск для обследования экономического и культурного состояния местного населения. В Туруханске ему предложили поработать заведующим инородческой школой, за год до того открытой на фактории Янов Стан^[18], расположенной в 470 км. от Туруханска вверх по Турухану. Г.Н. Прокофьев проработал в яновстанской школе три года. Тазовская тундра^[19], административным центром которой в то время была фактория Янов Стан, представляла собой зону интенсивных контактов селькупов, ненцев, эвенков, отчасти кетов, но основную массу населения территории составляли селькупы. Работая в школе, Г.Н. Прокофьев выучил селькупский язык, составил рукописный букварь и обучал школьников не только русской, но и селькупской грамоте, Параллельно он использовал любую возможность для сбора этнографического материала. Впоследствии он подготовил и издал первую после очерков М.А. Кастрена селькупскую грамматику [Прокофьев 1925]. Ему и Е.Д. Прокофьевой принадлежат основополагающие работы по селькупской этнографии. Г.Н. Прокофьев умер в блокадном Ленинграде в январе 1942 г. Значительная часть его архива погибла во время пожара, возникшего от попадания в дом зажигательной бомбы. Сохранившаяся часть архива в 1960 г. была передана Е.Д.Прокофьевой в архив Музея антропологии и этнографии. Туда же был передан архив самой Е.Д. Прокофьевой после ее смерти в 1978 г.

В докладе речь пойдет о фрагменте дневников Г.Н. Прокофьева, охватывающем период с 28 сентября 1925 г. по 17 сентября 1926 г., то есть первый год его работы в яновстанской школе^[20]. Это не личный, а скорее экспедиционный, полевой дневник исследователя. В нем подробно рассказывается о повседневной жизни школы, о встречах с людьми, приезжающими на факторию, о бурлящей политической жизни, о беседах с учениками, о полученной этнографической информации, о шаманских

камланиях и о других вещах, с точки зрения автора, важных для его работы. Можно предположить, что Г.Н. Прокофьев вел дневник на протяжении всех трех лет своего пребывания в Туруханске и Яновом Стане, но сохранились лишь записи первого года. Кроме самого дневника в архиве имеется его рукописная копия, сделанная Е.Д. Прокофьевой в 1955 г. Кто-кто, а уж она-то хорошо понимала, какую ценность представляют записи ее покойного мужа^[21].

Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы работали в Яновом Стане до «великого перелома», когда жизнь Тазовской тундры шла еще вполне традиционно, и ее основы не были особенно затронуты инновациями, вводимыми новой властью. Все было живо: и языки, и традиционная культура. При этом нельзя не признать, что роль самих Прокофьевых была амбивалентна: с одной стороны, они трудились на ниве просвещения, знакомя своих учеников и приезжавших на фабрику окрестных жителей с плодами цивилизации, тем самым расшатывая устои их традиционной культуры; с другой стороны, они старались зафиксировать все наблюдаемые ими проявления материальной и духовной культуры жителей Тазовской тундры, и таким образом способствовали сохранению и осмыслению этой культуры.

Дневник Г.Н. Прокофьева дает возможность увидеть в мельчайших подробностях жизнь отдаленной сибирской фабрики середины 1920-х гг. и почувствовать, как решения, принимавшиеся в центре, отражались на этой жизни. Наряду с содержательным анализом текста в докладе предполагается кратко остановиться на форме изложения материала (специфических особенностях построения текста).

Литература

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91-110.

Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935.

Казакевич Ольга Анатольевна –

к. филол. н., с.н.с., и.о.зав.лаб. НИВЦ МГУ

Крестьянский дневник

Во время экспедиций по сбору материалов для “Архангельского областного словаря” в руки диалектологов регулярно попадают письменные источники. Чаще всего это фольклорные записи разных жанров, но также и мемуары, письма, записные книжки, дневники, стихи и проза (имеющая мемуарный характер).

1. Крестьянский дневник может представлять собой ежедневник.

Из дневника **Александры Ивановны Кокотковой**^[22] [*Не знай пошто я стала записывать*]:

1993 г.^[23] Январь # Пятница # 1/1. Ходили в яму # 5 вед.<ер> # Маме было 2 года смерти. # суббота 2/1. # Пекла шаньги # спускали сено. # воскресенье 3/1- # Приехали Вовка и Люда # к вечеру. # Малышке 5 м-<есяце>в. # Понедельник # 4/1 Коля забо#лел спина. # Красову был год. # Вовка ходил # обряжятся. # Ходили за билет.<ами> # Вторник # 5/1 Никуда не # ходили. # Наставляли # капусту хрушам. # от Марьи откр.<ытка>.

2. К ежедневникам относятся “дневники природы”.

Из “записей погоды” **Анастасии Кузьмовны Кузнецовой**^[24]:

Март 1977 г. # 21 Ясно ветер восток северный 1 м<ороза> д<нем> 2 м<ороза> # 22 Ясно ветер юго запад примерзло ут<ром> 10 м<ороза> д<нем> 2 м<ороза> # 23 Ясно ветер сев восток примерзло 3 8 м д 3 м # 24 пасмурно ветер юго восток метель ут 11 г<радусов> д 5 м<ороза>.

Помимо записей состояния погоды, время от времени строкой ниже под нужной датой включаются приписки:

Родился ягняш Боря (26 янв. 1977); В Чекуево ходила зуб ташила (4 апр. 1977); Скоро лед пойдет Вода приб (27 апр.); Пришел первой теплоход (1 мая).

Из дневника **Евдокии Яковлевны Чухиной**^[25]:

Сентябрь 1993. # 20 Полетела Маниха. Первый заигрыш снега. # 21 Богородицы было без дождя. # 26 День ясный безосадков, прокидывало снег ветер северо восточн. # Октябрь 1993 # 22 Началась шуга. # 31 стал лед. Вес ноябр был куржывина.

3. Иногда записи не ежедневные, более или менее регулярные. Из дневника **Раисы Александровны Поповой**^[26]:

21 сентября 1996 года Коля Ж. на д.р. Толи принес три кедра посадила я 16 сентября 1996 г. В честь тридцатипятилетия Толи # 18/III Толя с Ирой приехали. Погода сбилась. Совсем мокро. # 30/6 Взяла поросюшку # 14/XII Овечка об'егнилась не удачно - один умер другого долго держали дома. # 22/XII Сегодня погода хотя и не очень морозная, но этот снег, (что несет каждый будущий день), - надоел. # Навалило полно. Надо как-то возить дрова # 6/II Давно не писала, Вчера 5-го например был дождь, сегодня утром не чище, но немного подморозило. Сегодня по-старому значитса день "Аксиньи- Полузимницы" если ведро - Весна красная Но пока не видится, что будет днем.

4. Александр Васильевич Артемьев^[27] вел несколько дневников. В школьных тетрадях имеются "Заметки ремонтных работ по дому и сбор урожая с усадьбы по годам", "Старые праздники", "Тетрадь котажских жителей, живых и умерших", "Охота и рыбалка":

1979 год. ТОК. ОХОТА # 10/V На Кривом. разведка тока - # 13/V Середн Мост. 1 глухарь # 16/V Нивгора 3 " # 17/V Середн. Мост 1 " # 19/V Нивгоры 3 # Итого 8 шт. # 21/V Ездил в лученно ничего не нашол дошдь # был. Куда ушол или погода плохая. Ненашол тока # На Этом охота закончилась # 1980 год ОХОТА # с 6 на 7/V Ездил в нивгоры. На ток. глухари есть # Но непоют, перелетают сместа на место только кыркают, но одного все- же убил Глухаря 1 один # Глухарка ищо натоку = Ветер запад. был. # с 10 на 11/V в Нивгоры 2 глухаря пели слабо # один остался На болоте поет хорошо # но светло не подойти пусть живет # до следующей весны погода была ясная # тихая температура Воздуха -0 # 2 шт. # Всего 4 глухаря # Луна последняя. четверть 30/V будет полнолуния

5. Оказиональный дневник в стихах, написанный **Николаем Семушиным**^[28] в сентябре 1995 года "в связи с задержкой отъезда из деревни":

21 сентября # Опять идет задержка до утра, а вот до какого? мы и сами не знаем. # 23 сентября. # Ходили в Верховье к Ваське Феколкиному. # получили отказ Незнай когда уедем. # До смеялись, и до пили # и никто нас не везёт # вот где горюшко берёт # Витька-Пан шуры копает # Да мама рыбку добывает # Ай и Витька молодец # Рузудалый удалец. # Смейся не смейся, а ехать # нада. Где машина? # Кто нас повезет # Валька пишет и ревет # нас не кто не увезёт <...> # 23 сентября вечером 1995 г # Валя книжечку читает # Мамку нашу развлекает # Жбана про себя ругает
- и т.д., до 28 сентября.

6. “Книга Статистики по хозяйству Ежова Якова Васильевича^[29] # начата с 1го Мая 1925 года”:

Краткия набросы прошлого # времени с Начала года и до 1го мая. # Зима текущего 1925 года была не долгая и с частыми большими оттепелями, морозов не было больших. работы были выполнены в зимнее # время следующие. вывезено навозу в Просаковое поле около 300т возовъ навозу, 5ти душевых на 5ть полос. и в везено во двор трунды из-за Кукую 170 возов. На Мельницу с"езжано бть раз смолото ржи 5- пудов 25 фунтов, жита 52 пуда 20 фунтов толочна смолото 4 пуда.

7. Фольклорные тексты как дневники.

а) Солдатский песенник 1904-1905 годов Федора Николаевича Семушина^[30], “стрелка” “5и роты архангилской губерны шенкурского уезда емского-ск<ой> волости”.

б) Частушка как дневник деревни.

8. Значимость крестьянского дневника и других письменных источников для диалектологической работы. Историческая грамматика XX века.

Качинская Ирина Борисовна – м.н.с. кафедры русского языка

Филологического ф-та МГУ, kacza@rambler.ru

М.В.Китайгородская, Н.Н.Розанова

(Москва)

«Художественные» жанры в «нехудожественной» речи. Рассказы-пластинки: тематика, композиция, стилистические особенности

Принято считать, что разговорная речь (РР), отражающая будничное языковое существование людей с их повседневными заботами и «приземленным» бытом, утилитарна и обыденна. Она, в отличие от языка художественного, не обладает эстетической функцией. Однако это не совсем так. Особенно ярко эстетические установки партнеров коммуникации (часто даже не вполне осознанные) обнаруживаются в разнообразных ситуациях фатического общения, когда речевые интенции собеседников не ограничены жесткими «утилитарными» рамками и они ведут разговоры «просто так». На художественную значимость подобного типа взаимодействия указывала Т.Г. Винокур, отмечая, что с историко-культурной и социально-этнической точек зрения фатические беседы можно квалифицировать как своего рода искусство [Винокур 1993: 156].

Поэтическая функция разговорных текстов довольно отчетливо проявляется в монологических нарративных жанрах. К наиболее эстетически ценным монологическим жанрам разговорной речи можно отнести особый тип нарратива, для которого нами в 1995 году был предложен термин рассказ-пластинка [Китайгородская, Розанова 1995].

Чаще всего сферой функционирования рассказов-пластинок являются малые социальные группы: семья, круг друзей, профессиональный коллектив и т.п.

Рассказы-пластинки – это многократно репродуцируемые тексты, словесная форма которых достаточно выверена и отточена. При повторении рассказа говорящий может его немного видоизменить под влиянием ситуации или адресата, однако все основные композиционно-стилистические особенности текста остаются неизменными.

Основные текстовые особенности рассказа-пластинки во многом определяются устной формой представления. Здесь важны не только собственно вербальные средства выражения, которые могут быть переданы на письме, но и невербальные маркеры: интонация, жесты, мимика. Именно поэтому тексты этого жанра многое теряют при их публикации.

Определяющим, наиболее значимым признаком рассказов-пластинок является установка рассказчика на художественность изложения.

Заметим, что многократность воспроизведения и, как следствие этого, выверенная, «застывшая» форма, хотя, безусловно, и существенны для характеристики данного типа текстов, все же не являются ведущими. Эти же характеристики могут иметь и другие жанры РР, например, так называемые городские стереотипы (застывшие речевые формулы-клише, реализующиеся в типовых ситуациях городского общения). Выверенность лексико-грамматического состава в текстах этого типа, их «формульность» задана функционально. Большинство городских стереотипов тесно связано с ситуациями повседневного «рутинного» и главным образом целеориентированного речевого взаимодействия, т.е. в этих случаях за максимальной воспроизводимостью текста стоит тенденция к регулярности. В противоположность им рассматриваемые монологические нарративные жанры связаны преимущественно с ситуациями фатического общения, где наиболее выражена тенденция к экспрессивности. В отличие от стереотипных жанров городского (обезличенного, анонимного) общения в рассказах-пластинках речевая индивидуальность рассказчика выявляется особенно ярко.

В докладе предполагается рассмотреть основные тематические группы рассказов-пластинок, а также представить содержательно-композиционные и стилистические особенности текстов данного жанрового типа.

Литература

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. М., 1995.

Китайгородская Маргарита Васильевна – к. филол. н.,
с.н.с. Отдела современного русского языка ИРЯ РАН;
Розанова Нина Николаевна – к. филол. н., с.н.с. того же отдела

Н.Ю.Костенко

(Москва)

«Записки» О.М.Фрейденберг

«Записки» О.М. Фрейденберг (1890-1955), известного филолога-классика, имеют несколько названий, смена которых сама по себе интересна. Пока мы будем пользоваться этим нейтральным словом, которым в русской традиции называют как собственно мемуары, так и художественные («Записки сумасшедшего») или биографические в основе произведения («Записки из Мертвого дома») и, наконец, научные работы в свободной форме. По объему «Записки» следует отнести к наиболее пространным из

биографических текстов, сравнимых, к примеру, с «Былое и думы» Герцена. Изучения истории текста, его структуры, источников, а также технологии написания привело к некоторым выводам: текст складывался из частей, задуманных и оформленных в разное время, в разных жизненных ситуациях и не в хронологическом порядке. В докладе мы ставим себе задачу объяснить установленный нами порядок написания частей мемуаров и выяснить, что в биографии автора и конкретной жизненной и исторической ситуации было поводом и провокацией к написанию того или иного большого и разом созданного фрагмента, каким образом та или иная часть воспоминаний связана с актуально переживаемым моментом автора и какое место занимает в ней.

Первая часть «Записок» охватывает период жизни Фрейденберг с раннего детства и до 1917 г. Но революция служит окончанием этой части не столько потому, что это смена государственного устройства с изменением быта, уклада и всего образа жизни, но потому, что пережив тяжелый душевный кризис – смерть близкого человека, – Фрейденберг резко меняет жизнь: поступает в университет, где после революции стала возможной учеба женщин.

Следующая по времени написания часть («Осада человека») посвящена блокаде Ленинграда. Она заканчивается не прорывом блокады или окончанием войны, а смертью матери (апрель 1944). И если в первой части кризис вызван первой близкой встречей со смертью, то во второй – это уже потеря жизненной опоры, которой являлась для Фрейденберг ее мать. Возобновление «Записок» следует в 1945, а затем, после перерыва, в 1947 и поначалу имеет столь же определенную цель, что и вся жизнь Фрейденберг этого периода: «Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив».

В 1947 г. Фрейденберг объединяет все записи мемуарного характера под общим заглавием «Пробег жизни», оставив неопианным довольно значительный этап (1917-1941), когда происходило ее становление и развитие как ученого, создателя и заведующего кафедрой классической филологии ЛГУ. Эта часть («Венок из укропа») была написана за очень короткое время — осень-зима 1948-49 гг., — а это десять толстых тетрадей. В ЛГУ шла кампания по борьбе с космополитизмом, разгром кафедры и дискредитация Фрейденберг как ученого — а она «воскрешала» свою

научную биографию. «Записки» завершены в декабре 1950 г. — Фрейденберг отстранена от заведования кафедрой, а затем выходит на пенсию, хотя научная работа на этом не заканчивается – в 1954 г. она завершает итоговую монографию «Образ и понятие». Не прекращается и работа над «Записками» — в архиве сохранилась обложка тетради с названием «После изгнания, 1951-55» и вложенными записями. Но в 1955 г. Фрейденберг умерла.

Любое творчество, в том числе создание различных видов эго-текстов, является по сути средством борьбы с забвением, а значит, и со смертью. Мы видим, что каждая часть «Записок» в той или иной степени отражает переживание автором встречи со смертью. И если первая и вторая (блокадная) части — переживание физической смерти конкретных людей, то последующие — разные фазы интеллектуальной и духовной смерти, забвения, протестом против которых в том числе и являются «Записки». В этом смысле символична дата, которой Фрейденберг предполагала закончить последнюю, ненаписанную, часть, совпавшая с годом ее смерти.

Костенко Наталья Юрьевна – н.с. Института
высших гуманитарных исследований РГГУ

А.Г.Кравецкий
(Москва)

От маргинального к сакральному: библейские переводы начала XIX века^[31]

1. Историк, анализируя события прошлого, не может не опираться на результат, на свои знания о том, каким образом события прошлого повлияли на настоящее. Подобный взгляд зачастую приводит к серьезным искажениям. Явления культуры, в которых современники видели лишь маргинальный литературный эксперимент, потомки считают главными событиями эпохи, в то время литературные имена, известные читающей публике прошлого, теперь известны лишь историкам литературы. Примером подобного несовпадения взгляда очевидца и историка является судьба переводов книг Священного Писания на русский язык, осуществленных "иждивением Российского библейского общества (РБО)".

2. Историки РБО и русского перевода Писания (И.А. Чистович, А.Н. Пыпин и др.) в своих построениях опираются на современную им языковую ситуацию. Для них является очевидным, что язык выполненных в 1816-1825 гг. переводов книг Священного Писания очень близок языку появившегося в 1876 г. так называемого синодального перевода Библии. Поэтому они не подвергают сомнению декларации РБО о том, что русский библейский текст был для подавляющего большинства населения России более понятным, чем текст славянский. Однако в реальности дело обстояло не так.

3. В начале XIX в. русский литературный язык еще не стал общенациональным. Им владела лишь ничтожно малая часть населения Империи, принадлежащая к культурной элите и читающая Писание на европейских языках. Подавляющее большинство грамотного населения (в первую очередь, крестьян) училось грамоте по славянскому Букварю, Часослову и Псалтири. Для людей, получивших такое образование, массовым чтением были не тексты, написанные на русском языке, а ориентированные на церковнославянский язык лубочные тексты. Даже пушкинская Татьяна, которая "по-русски плохо знала, романов наших не читала", могла читать славянизированный текст сонника Мартына Задеки. Поэтому декларации отчетов РБО о том, что русский библейский текст понятней славянского, справедливы не для крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения страны, а для людей, принадлежащих к образованной части общества.

4. Согласно уставу, Российское библейское общество предполагало "снабжать всякое христианское вероисповедание Библиями тех самых изданий, кои оными почитаются исправнейшими". Для России такой версией был текст Елизаветинской Библии (первое издание вышло в 1751 г.). Как известно, РБО организовало издание славянской Библии массовыми тиражами, причем в отчетах Общества славянская Библия называлась русской ("попечение об умножении числа экземпляров <...> Библии на славянском языке, то есть, Библии Русской, издаваемой от Святейшего Синода"). В качестве иллюстрации приведем две выдержки из печатного отчета РБО за 1813 г., где содержатся просьбы читателей. ("Я приемлю смелость всепокорнейше просить Санкт-Петербургское библейское общество снабдить одним экземпляром Библии <...> на отечественном моем языке",

"Прошу снабдить меня для бедных сирот <...> двумя экземплярами Библии Ветхого и Нового завета на отечественном моем языке").

5. Учитывая социолингвистическую ситуацию в России первой четверти XIX в., можно утверждать, что библейские переводы на русский язык были не миссионерским проектом, стремящимся сделать Библию доступной как можно большему числу людей, а скорее проектом литературным, экспериментальным переводом Писания на один из вариантов литературного языка. Именно этим, на наш взгляд, следует объяснять роль А.С. Шишкова в разгроме РБО. Споры вокруг переводов Писания на русский язык оказались в контексте литературной полемики начала XIX в. Учитывая административные возможности архаистов, разгром РБО можно считать событием вполне предсказуемым.

6. Если в начале века перевод РБО носил характер языкового эксперимента, то спустя несколько десятилетий, когда именно эта разновидность русского литературного языка оказалась господствующей, возникла иллюзия, что так было всегда. В языковом отношении Синодальный перевод близок переводу РБО, поэтому к концу XIX века протесты против РБО стали рассматривать в связи с придворными интригами, а не языковой полемикой.

7. История перевода Библии на русский язык оказывается примером того, как удавшийся языковой эксперимент по переводу Писания на язык, понятный лишь ничтожной части населения страны, спустя непродолжительное время начинает восприниматься как культуртрегерский проект, направленный на то, чтобы Библия стала понятна всем жителям России.

Кравецкий Александр Геннадиевич –
к. филол. н., с.н.с. Ин-та русского языка РАН

Р.Н. Кривко
(Москва)

За гранью понимания: ошибки писца как причина
догматического искажения переводного текста

В истории славянской переводной литературы часто высказывалась справедливая мысль, что буквализм и пословная точность переводов является не столько следствием плохого знания языка оригинала или неумения писать на своём литературном языке, сколько желанием сохранить неискажённым богословский, догматический смысл текста. Столь же ответственно, как переводчики, должны были подходить к тексту и переписчики, в том числе византийские: известно, что Феодор Студит применял к писцам дисциплинарные наказания. На материале рукописной традиции Нового Завета были описаны случаи, когда ошибки в переписывании приводили к опасной двусмысленности или к прямому искажению богословского содержания. На славянском материале, однако, пока ещё не было указано ни на один достоверный пример, когда ошибки переписчиков приводили к догматическому искажению текста, хотя опыт издания и лингвистического комментирования переводных памятников, в особенности гимнографических, в последние годы обогатился многими плодотворными исследованиями.

Вниманию читателей тезисов и слушателей доклада предлагается один пример, который заставляет ещё раз задуматься, как и в какой полноте воспринимался редактором, писцом, слушателем, регентом или членом хора гимнографический текст. Речь идёт о богородичном тропаре первой песни канона прор. Самуилу, автором греческого текста которого является прп. Иосиф Песнописец († 883 год) по древнейшему списку служебной минеи за август XI–XII вв. РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125. Перевод тропаря в древнейшем списке выглядит так:

Ѣ Сѣ оцѣмъ ако снѣ . прѣже вѣкѣ въ / послѣдѣ въпл
сътворенѣ въ прѣста . оустынева васа (!) . / бо
лѣтоу/моу ворьцу л. 64 об.

Сразу в глаза бросается только одна описка — *васа* вместо предшествующего слога. При более внимательном чтении первой фразе тропаря пропущена предикативная часть обстоятельства *прѣже вѣкѣ* и *послѣдѣ*, которые не могут э действие. Пропуск предикативной части объясняется гап механической опиской графического свойства: в первоначальном тексте быть *с(ын с)ѣ оцѣмъ..., о чём свидетельствует и греческий (артикуль, указывающий на субстантивацию причастия, оста две описки, мы получим грамматически связный текст. При переводе на современный русский литературный язык. Из в соображений все *potina sacra* в этом переводе переданы с пр

«Будучи с отцом, как (будто?) сын, прежде всех веков, <и> дни, он сотворился, о пречистая, истинным сыном, сделав господу богу, порабощённого лютому борителю».

Финальным аккордом славянского перевода в версии д согласование эпитета *порабощённыи* по форме м.р., ед.ч., дат.п. за чего оказывается, что Бог был порабощён лютому б Люциферу... В переводе неясно, почему только после во

истинным сыном? Из такого определения как будто следует, что до воплощения, то есть до последних дней, *сын* не был *истинным сыном*, когда находился *прежде век с отцом*. А значит, союз *яко* получает в таком контексте сравнительное значение — *подобно сыну, словно сын*, но не в качестве сына, как (*и*) положено сыну. Благодаря такому набору искажений и последовательной порче текста догматически и поэтически безупречный богородичный тропарь, отсутствующий, кстати сказать, в южнославянских

списках этого канона, приобрёл грамматически ясно выраженное манихейское содержание. В рукописи имеются маргиналии XVII века, из чего следует, что памятником в каком-то виде пользовались, и, возможно, даже читали, но за все несколько столетий его бытования в монастырской или приходской среде ни у кого не дрогнула рука, чтобы взять нож, перо и исправить эту вопиющую ересь.

Сопоставление с более поздним списком конца XII в. (ГИМ, Син. 168) доказывает, что версия древнейшего списка всё же не отражает какую-либо традицию, а является, скорее всего, плодом индивидуальной рассеянности:

Съ отьцьнъ сынъ · прѣже вѣкѣ и послѣдъ же / въплъ
· ис те/бе вѣистъ прѣвнстага · оусыневавъ вьса · / воу
порабоще/нѣга лютоуоумоу ворьцоу

Ὁ ὢν σὺν τῷ Πατρὶ * ὡς Υἱὸς πρὸ αἰώνων, * ἐπ' ἐσ
σου ἀληθῶς * ἐχρημάτισεν, Ἄχραντε, * ἅπαντας
πίστεως * δουλωθέντας δεινῷ πολεμήτορι.

Гаплография, о которой шла речь, восходит к прототипу
богородична. В более позднем списке пропущены слова *яко*
показывает сравнение с греческим оригиналом, является р
ἀληθῶς с прилагательным ἀληθός, которое могло иметь мес
фонематического неразличения ω и ο. В древнейшем списке
ис тебе, которые указывают, что речь идёт о Христе как о
ложное его противопоставление с Сыном, сущим прежде
Неясно, однако, как появилось в древнем списке чтение
сотворень стоит на том месте, где должно находится обстоя
ли отдалённое созвучие обеих форм ошибку слуха, когда
сверить написанный текст с оригиналом? Наконец, в б
порабощенная правильно согласован с формой *вься*: речь
человеческого от власти дьявола через усыновление Б
церковнославянском переводе этот тропарь мог бы выглядеть

Сыи со Отцемъ яко Сынъ прежде векъ, въ
оболкѣйся, поистине Сынъ Твой бысть, Пречис
лютому борителю, чадами содалавъ Богу вѣроу

Е.В.Кудрина

(Москва)

Жанровое своеобразие «Записок нетрезвого человека» А.М. Володина

«Записки нетрезвого человека» — результат многолетних обращений драматурга Александра Моисеевича Володина к дневнику. «Записки» Володина — это, если выразиться словами его друга С. Юрского, «доверительный разговор, который бывает на Руси только за рюмкой»^[32] и «проба пера», если обратиться к первой володинской записи (С. 404).

«Записки нетрезвого человека» Володина представляют собой собрание небольших рассказов-воспоминаний (иногда с заголовком), афоризмов, цитат, анекдотов, размышлений об искусстве, о жизни и смерти, о политике, о судьбе, о своей семье. «Записки» — это еще и записи встреч Володина с людьми искусства, его друзьями. Они пестрят именами современников автора. Если перечислить всех персонажей, по тому или

иному поводу появляющихся в володинских записках, получится довольно внушительный список. Назову лишь некоторых, наиболее значимых для раскрытия образа автора. Это, во-первых, Б. Пастернак, полюбившийся Володину с детства и не перестающий его восхищать всю оставшуюся жизнь. Володин в своих записках выступает как тонкий ценитель слова и поэзии, вдумчивый филолог. Не раз иллюстрируя ту или иную мысль, он прибегает к стихам Пастернака. Приведу лишь два примера. «Однажды увидев его (преподавателя сценарного мастерства, — Е.К.) на улице, я бросился от него бежать. Как в стихах Пастернака: «Голоса приближаются. Скрябин. О, куда мне бежать от шагов моего божества!» (С. 454); «Некогда Дождь – как в стихах Пастернака – это было Прекрасное. Теперь дождь – это шапку надеть. Впрочем, все, что у Пастернака, было Прекрасным.

В кашне, ладонью заслоняясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое милые, у нас
Тысячелетие на дворе?

Я тогда считал, что кашне – это не шарфик, а какая-то странная кашня, в смысле – каша, в которой сидит Пастернак, одинокий, как зверек в норе, в перловой каше, из которой и выглядывает в форточку» (С. 455). Володин будто сверяет по Пастернаку-камертону свои чувства.

Во-вторых, Зощенко. Не столько само творчество писателя, сколько его трагическая судьба, травля отразилась в душе Володина. Он, кажется, не решается говорить о нем, предваряя свою запись словами: «Об этом трудно, об этом надо» (С. 442). В записке о ждановском постановлении о журнале «Звезда» и последовавшем за ним судом над «пошляком» Зощенко проявилась замечательная черта Володина-человека: его совестливость и бесстрашие.

С нескрываемым пиететом говорит Володин о режиссерах, с которыми ему пришлось работать: Г. Товстоногове, О. Ефремове, Ю. Любимове, С. Герасимове, М. Ромме, А. Митте, — о режиссерах, чьи спектакли на него сильно повлияли и остались в памяти: Мейерхольде, Эфросе, Някрошюсе. Самые большие по объему записки он посвятил Е. Евстигнееву, талантливому

актеру и незаурядному человеку, и Б. Окуджаве, людям духовно родственным самому Володину.

«Записки» — кладезь афоризмов. В них Володин предстает как человек эрудированный, с чувством юмора и меры, наделенный умением по-чеховски просто и остроумно излагать свои мысли. Вот один пример. Об учебе на сценарном факультете: «Готовились утверждать утвержденное и ограждать огражденное. Для этого у нас были творческие дни, просмотры иностранных фильмов и Чехов, у которого мы учились. Но у него герои пили чай и незаметно погибали, а у нас герои пили чай и незаметно процветали» (С. 416).

«Записки» — это еще и творческая лаборатория Володина. Мы в них найдем не только сюжеты его пьес, разъяснения образов и характеров героев (Тамары из «Пяти вечеров», Матери Иисуса), но и историю замысла «Записок нетрезвого человека»: «Началось все с того, что однажды утром, когда, как обычно, одолевали черные мысли, я, чтобы снять напряжение, принял рюмашку-другую. Что неожиданно толкнуло меня к пишущей машинке. И вот стал выстукивать отдельные соображения и воспоминания. С тех пор и пишу это преимущественно в нетрезвом состоянии» (С. 406). Справедливости ради надо сказать, что «Записки нетрезвого человека», как бы парадоксально это не звучало, трезвы в оценках событий и ситуаций, необыкновенно правдивы и скромны. «Нетрезвое состояние» — володинская маска, дающая автору свободу самовыражения. «Записки нетрезвого человека» притягивают читателя своей откровенностью, искренностью, душевностью, фиксируют сомнения драматурга, попытки разобраться в себе и окружающем мире.

А еще «Записки» — замечательная находка для биографов Александра Моисеевича. Это дорогой подарок всем, кто любит творчество Володина, кто смотрит фильмы, снятые по его произведениям, ходит на спектакли, поставленные по его пьесам. Чего стоит один только эпизод о том, как воодушевленный начинающий писатель со своим сыном пришел в редакцию альманаха «Молодой Ленинград», чтобы напечатать свой первый рассказ: «...Моя фамилия немислима в оглавлении среди хороших молодых русских писателей^[33]. — Что же делать? — спрашиваю. — Это кто — ваш сын? - Да. - Как его зовут? — Володя. — Вот и будьте Володиным. И я стал» (С. 417).

Естественность, простота, легкость, свобода, грусть – слова, применимые к характеристике самого Володина и всего его творчества. «Записки нетрезвого человека», написанные драматургом, органично сочетают в себе лирическое и эпическое, юмор и иронию, простоту и драматичность. «Простые» заметки-соображения стали у Володина «летописью эпохи», а сам автор – уже давно – одна из ключевых фигур отечественного искусства XX века.

Кудрина Елена Викторовна – к. филол. н.,
ст. преподаватель кафедры русской литературы XX века
Московского городского педагогического университета

Н.В. Кузина
(Смоленск)

Вибрационный ряд текста и биоритм: проблема субтекста

В процессе исследования проводился анализ голосовых текстов, текстов интернет-дневников, количественный анализ словарей художественных прозаических текстов (лексика, звуковая система) [1].

Целостный в аудиальном, ассоциативном, по структуре колебаний фрагмент, отражающий одно состояние организма, обозначался как субтекст.

Каждая ситуация имеет свой вибрационный контур, образованный сочетанием воздействовавших на воспринимающий субъект (организм) полей, и фиксируется посредством изменений гомеостаза, давления сред организма – пульса, сердечного ритма, состояний зон и слоев мозга, реакций вегетативной нервной системы. Специфика состояния внутренней среды отражается в отборе звуков, ритма разных типов – синтаксического, длительности фрагментов устного и письменного текста, тематического, акцентологического.

В дневниках и устном говорении переходы от субтекста к субтексту наиболее заметны.

Субтексты, предъявляющие ракурсы, интерпретации восприятия реальности, образованы фрагментами усвоенных языковым сознанием функциональных стилей, личных идиостилей. Источником субтекста говорящей личности является нейрофизиологический импринт. Каждая импринтная [2] (национальная, мировоззренческая, государственная, конфессиональная, иная социальная, профессиональная, региональная, семейная) ценностная система образует свой субтекст.

Состояния организма и импринтный набор, контролирующей совокупность намерений, поведение субъекта, описываются через расшифровку

физиологического кода субтекстов. Несовпадение речи, самопрезентации говорящей личности и внутренних вибраций организма порождает конфликт: характеристики данного субтекста не совпадают с характеристиками организма носителя сознания (см. в том числе классические исследования рассогласованности вербалики и моторики или мимики, сопряженная моторная методика исследования) [3].

Одна из наиболее продуктивных теорий, объясняющих взаимосвязь состояния организма и особенностей вербально-образной и поведенческой реакции – глиальная теория памяти, описывающая «участие в сохранении следов раз возникшего возбуждения не только нервной клетки, но и окружающей ее глии. Эти исследования показали, что процессы возбуждения в нейроне и глии (в момент запечатления) протекают с разным латентным периодом (который в глии в несколько сот раз больше, чем в нейроне) и находятся в реципрокных отношениях, выражающихся в том, что в момент возбуждения уровень РНК в нейроне повышается, а в окружающей глии падает, в то время как в последующем периоде (видимо, связанном с сохранением следа) он резко падает в нейроне, но столь же резко и длительно возрастает в глии. Положение об участии глии в процессах сохранения следов, бесспорно, относится к числу наиболее важных открытий современной нейрофизиологии» [4].

В разных ветвях психологии исследуется вопрос о выведении остаточных субтекстов.

В терапевтических практиках сформировалось два основных подхода:

1) снизу: формирование гармонического потока колебаний всего тела через физические упражнения на напряжение-расслабление, выводящие блоки в осознанное состояние (активность зажатых зон увеличивается, напряжение спадает, сенсорные каналы получают ответную информацию о «забытых» ситуациях);

2) сверху: обращение непосредственно (преобладает образное или логическое знание) к эмоционально значимым ситуациям, влияющим на картину активности зон мозга и устранение через работу с реакцией на слово корковых очагов, дезадаптивно влияющих на поведение, вербальный ряд и т.п.

Литература

1. Начальный этап исследования в изданиях: PRO=3A. Анализ текста. Учебные материалы. Смоленск, 2003. С. 164-199 и др.; PRO=3A: Тезисы международной научной конференции «Поэтика прозы». Смоленск, 2003. С. 54-57; PRO=3A 2. Строение текста. Синтагматика. Парадигматика. Материалы к обсуждению. Смоленск, 2004. С. 12 – 18, 62 – 76, 102 – 112; PRO=3A 3. Предмет. Смоленск, 2005; Алфавит. Филологический сборник. Смоленск, 2002. С. 71-105; Алфавит 2: Строение повествовательного текста. Смоленск, 2004. С. 92-138.

2. Биологический термин понимается в значении, используемом в системах Т. Лири, Р. Уилсона (семантический импринт), Р. Бэндлера, Д. Гриндера, Д. Делозье, Р. Дилтса (нейролингвистический импринт).

3. Лурия А.Р. Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций, Лурия А.Р. Пути и средства кодирования смысла // Лурия А.Р. Психологическое наследие. С. 51-106; 203-211.

4. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 2007. С. 277-278.

Кузина Наталья Владимировна –

к. филол. н., доцент, г. Смоленск, nvkuzina@mail.ru

Е.Е. Левкиевская

(Москва)

"Надо описать свою жизнь"

Гимназические сочинения русских детей в изгнании

В докладе анализируется корпус сочинений, написанных в 1923-1925 гг. учениками русских эмигрантских гимназий в Турции, Болгарии, Югославии, Чехословакии. Тема сочинений - "Мои воспоминания с 1917 года до поступления в гимназию". Авторами сочинений стали дети со старшего подготовительного по седьмой класс (1603 мальчика и 781 девочка). Инициатором сбора и публикации детских воспоминаний о революции выступило "Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей", созданное в 1923 году в Праге силами Всеэмигрантского съезда русских учителей.

Формально данные тексты представляют собой сочинения, писавшиеся детьми на уроке по заданию преподавателей и сохраняющие некоторые структурные черты этого жанра, особенно заметные у детей младших классов (например, наличие обязательного заключения, не имеющего смысловой связи с остальным текстом и (у девочек) содержащего желание в будущем стать учительницей). По сути же - это автобиографические воспоминания, эго-тексты, отразившие исторические события революции,

гражданской войны и отъезда в эмиграцию, пережитые в рамках индивидуального жизненного опыта ребенка и сохраненные в его памяти.

Корпус сочинений тематически ограничен одним хронологическим периодом (1917-1923/5 гг.). Тексты расположены последовательно от воспоминаний самых младших детей (которым на момент революции было 4-6 лет) до воспоминаний учеников старших классов (которым к 1917 году исполнилось 12-13 лет). Это дает возможность проанализировать структуру детской памяти в зависимости от возраста ребенка и способность выражать свои воспоминания в текстах разной сложности и с разной степенью рефлексии. Психологическая, культурная и историческая память детей разных возрастных категорий является основной темой нашего доклада. Доклад строится на пересечении нескольких дисциплинарных аспектов. Лингвистический аспект включает анализ структуры текста, прагматики, основных элементов картины мира, развития детского языка (в том числе синтаксических структур).

Проблема детской психологии: переживание революции как душевной травмы, личностной, семейной и (для старших детей) общественной трагедии.

Для анализа данного корпуса текстов важно, что именно дети помнят из событий описываемого периода и какими способами выражают. Речь идет о выявлении картины “революционного мира” в детской памяти и ее релевантных составляющих. Здесь можно выявить типологически общий набор составляющих для детей разных возрастов и единую последовательность повествования (дореволюционная жизнь, семья, начало революции, гражданская война, поведение “врагов” и “своих”, голод, болезни, смерть родных, разрушение семьи, отъезд в эмиграцию).

В зависимости от возраста ребенка усложняется картина мира и средства ее выражения, изменяется структура текста, его семантические и прагматические особенности.

Существует ряд специфических черт для детей младшей и старшей возрастных групп. Среди них - способы восприятия своего “я” по отношению к остальному миру, формы описания “врагов” и др. Воспоминания детей младших классов отражают характерные для этого возраста особенности восприятия мира и уровень развития речи - осознание себя через свою

семью, прежде всего - через мать и отца. Типологически эти тексты имеют ряд общих черт с фольклорными текстами, описывающими эпические события. Это касается, в частности, личностных способов изображения "своих" (по именам, по родству) и безличностного изображения врагов - "большевиков" как недискретной и стихийной силы, в которой неразличимы отдельные лица. Это правило сохраняется, даже если речь идет о небольшой группе, с которой приходится вступать в прямую коммуникацию (например, в ситуации обыска, расстрела): "Однажды, когда к нам пришли большевики и спрашивали меня, где твой папа..."; "большевики хотели убить маму..." и др. Ср. аналогичное изображение врагов в русском эпосе - "литвы", "татарвы" и др.). Впервые индивидуализированные образы "большевиков" начинают появляться в сочинениях учеников, начиная с третьего класса.

Доклад коснется также форм рефлексии ребенка по поводу описываемых событий и своего бытия в рамках этих событий - как дети переживают происходившее с ними и обществом, как объясняют и как оценивают.

Можно констатировать изменение объема картины мира, полноты ее основных элементов, подробностей в описании исторических событий и потребностей в их оценке по мере социального взросления личности. Корпус исследуемых текстов дает возможность увидеть способность ребенка не просто помнить себя, но осознавать свое "я" в широком социальном контексте (выходящем за пределы ближайшего семейного круга) и рефлексировать по поводу исторической катастрофы, частью которой оказалась их собственная жизнь.

Левкиевская Елена Евгеньевна – к. филол. н.,

с.н.с. Института славяноведения РАН

Н.Н.Лисовой
(Москва)

Архимандрит Антонин (Капустин): личность, язык, время

[тезисы не представлены]

Лисовой Николай Николаевич – д. ист. н., к.филос. н.,
с.н.с. Института российской истории РАН

Л.Ф. Луцевич

(Варшава, Польша)

Маргинальность, эго-документ, личность

1. Концепции маргинальности разрабатывались в разных областях гуманитарного знания (субстанциональная полидисциплинарность) на протяжении всего XX в. Первоначально американский социолог Роберт Парк использовал слово «маргинал» (R.E. Park: *Human migration and the marginal man* // *American Journal of Sociology*. Chicago, 1928. Vol. 33. № 6. P. 881-893) для обозначения последствий социально-психологической неприспособленности личности (в частности, сельских мигрантов к условиям городской среды). С течением времени «маргинальность» (лат. *marginalis* - *расположенный на границе, у края*) приобрела более широкий смысл, обозначая в целом явления пограничные, периферийные, промежуточные, переходные, структурно неопределенные.

2. Маргинальность философская указывает на специфику ряда культурных феноменов, развивающихся вне законов и правил, которые доминируют в определенный исторический период, и не вписывающихся в господствующую, современную им парадигму мышления. Таким образом, выявляются какие-либо противоречия в магистральных направлениях развития культуры.

3. Маргинальные тексты (т.е. находящиеся на «окраине», на «обочине», «на полях», за рамками характерных структур, вне системы, вне господствующих норм и традиций; в литературе, например, вне основных типов художественного мышления, определенных литературных направлений, течений, школ, стилей) оказываются идеальным материалом, позволяющим отследить тенденции развития культуры (такова, например, литература русского андеграунда 60-80-х гг. XX в.). При этом необходимо

иметь в виду возможность ситуативной смены доминанты (то, что сегодня вне системы, завтра может войти в систему, и наоборот, то, что сегодня системно и даже господствует, завтра может оказаться на обочине культуры).

4. Также в качестве маргинальных на протяжении веков в истории словесности воспринимались не столько художественные, сколько скорее аутентичные (лат. *authentikos* – подлинный) эго-тексты, к которым можно отнести письма, дневники, записки, мемуары, др. письменные свидетельства. Понятие эго-текста использовал в своей новой книге М.Ю. Михеев, выделив два существенных признака в его толковании: „(1) это текст о себе самом, то есть имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции...” (М.Ю. Михеев: Дневник в России XIX-XX века – эго-текст или пред-текст. М., 2007, с. 6). Разумеется, любой эго-документ («текст о самом себе» + субъективная позиция автора) является эго-текстом, но не всякий эго-текст становится эго-документом.

5. К настоящему времени эго-документ – понятие, уже достаточно широко используемое в литературоведении, лингвистике, психологии, истории, однако в современных справочниках ни его теоретического определения, ни его описания нет. А между тем эго-документ обладает специфическими чертами и свойствами, определяемыми прежде всего первой частью понятия – эго.

6. На разных этапах развития культуры личность осваивала свои эго-свойства по-разному. Так, например, античность выработала космокритериальную трактовку человека; средневековье артикулировало присущую христианству персонализацию индивида; для Ренессанса характерен антропоцентризм; для Реформации – антиавторитаризм; Просвещение акцентировало гуманизм; в эпоху романтизма возрос личностный пафос; позитивизм сосредоточился на индивидууме в его разнообразных связях и т.д. и т.п. Однако наиболее значимым фактором в европейской культуре выступал христианский теизм с его напряженной артикуляцией эго как личностного, индивидуального начала. XX в., ориентируясь на психологические концепции, выработал разнообразные подходы к рассмотрению эго, видя в нем субъект или объект познания, первичный эгоизм, доминирующую силу, организатора ментальных

процессов (обусловленных противоречиями подсознания), «борца» за какие-либо цели, поведенческую систему, субъективную форму организации культуры, самоотождествление личности, др.

7. Особое значение в процессе самоотождествления личности с эго приобретают рефлексия как самопознание индивидом внутренних психических актов и состояний (самоанализ, осмысление, оценка собственной внутренней жизни); память, обеспечивающая накопление впечатлений об окружающем мире, а также знаний, умений, навыков и осуществляющая связь времён (прошлого, настоящего, будущего); интерпретация как способ бытия, которое существует в определенном понимании.

8. Личность автора является смысло- и структурообразующей в эго-документе, именно ее рефлексии, память, интерпретации обуславливают повествование. «Записи для себя» в их многообразных вариантах раскрывают «кухню» личностного мышления и творчества.

Луцевич Людмила Федоровна – д. филол. н.,

проф. каф. русской литературы Варшавского университета

диакон Федор Людоговский

(Москва)

Церковнославянские акафисты на перекрестке лингвистики и литургики

Специалистам по литургике прекрасно известен Великий акафист (= Акафист Благовещению) – замечательное произведение византийской гимнографии, созданное не позднее первой четверти VII в. Гораздо меньшее внимание со стороны литургистов привлекают тексты, созданные по образцу Великого акафиста в последующие столетия и также именуемые акафистами: само их проникновение в практику общественного богослужения является вопиющим нарушением устава, а содержание акафистов (равно как и их язык) во многих случаях удручающе шаблонны, а подчас содержат идеи, мысли и выражения, идущие вразрез с христианским миропониманием.

Между тем в современной словесной культуре русского православия данный гимнографический жанр занимает хотя и периферийное, но, несомненно, заметное место. По нашим оценкам, на сегодняшний день известно порядка 700 акафистов, написанных на церковнославянском (цсл.) языке или же переведенных на этот язык, при этом подавляющее большинство этих текстов создано в России. Акафисты интенсивно писались и издавались в XIX в., немало текстов данного жанра было создано в XX в. В последние же 15–20 лет в нашей стране наблюдается небывалый всплеск акафистографии: можно указать годы, когда появлялось несколько десятков (40–50–60) новых текстов. Есть основания полагать, что в самом ближайшем будущем количество начнет переходить в качество: слабые акафисты будут отредактированы или заменены новыми, начнется планомерная работа по переводу иноязычных (прежде всего – греческих) акафистов на цсл.

Будучи жанром православной гимнографии, акафист должен был бы исследоваться в рамках литургики. Однако отечественные литургисты – как прошлых столетий, так и современные – невысоко оценивают интересующие нас тексты (причины были указаны выше). Но для лингвиста акафист представляется чрезвычайно заманчивым объектом для исследования, причем привлекательным является и то, что лежит на поверхности и задает методику исследования (прежде всего – предельно четкая многоуровневая структура), так и те стороны акафиста, которые требуют выработки новых подходов, творческого осмысления (например – определение места рассматриваемого жанра на оси «художественный – нехудожественный текст» или же в стороне от этой оси).

Внутри массива акафистов можно выделить центр и периферию. К центральным областям тяготеют акафисты вселенским или же общерусским святым, опубликованные тем или иным столичным издательством по благословию Патриарха или же с разрешения Издательского совета Русской православной церкви. Язык таких акафистов обычно довольно правильный, степень следования традициям жанра – высокая. Периферию отечественной акафистографии образуют тексты, посвященные местночтитимым святым или же лицам, (еще) не прославленным. Подобные акафисты практически всегда печатаются без архиерейского благословения в провинциальных (но иногда – и в столичных) издательствах, отличаются низким качеством цсл. языка и нередко содержат сильный заряд публицистичности и политизированности.

Что касается цсл. языка, на котором написано большинство акафистов, то в языковой ситуации современной России он занимает периферийное положение, являясь актуальным для сравнительно небольшой части российского социума. При этом большинством филологов цсл. язык воспринимается как объект исследования палеославистики, в то время как на этом языке создаются новые тексты в начале XXI в. Таким образом, не только жанр акафиста и – шире – православная гимнография, но и сам цсл. язык оказывается «неприкаянным», не вписывающимся в имеющуюся сетку лингвистических направлений и специальностей.

Людоговский Федор Борисович – к. филол. н.,

н.с. Института славяноведения РАН

преподаватель Московской духовной академии и семинарии,

диакон Русской православной церкви (Московский патриархат)

К.А.Максимович

(Москва)

Церковные наказания (епитимьи) в средневековой Руси и Западной Европе (сравнительный аспект)

Интереснейшим источником культурологической информации являются средневековые сборники церковных епитимий, получившие на латинском Западе название «пенитенциалы» (*libri poenitentiales*), а на православном Востоке – «канонарии». Эти сборники содержат списки различных грехов средневековой паствы, за которые назначались наказания в виде поста в течение определенного времени. Особый научный интерес представляет сопоставление латинских пенитенциалов с их славянскими переводами и редакциями. Такие переводы возникают уже в X в. и в дальнейшем претерпевают любопытную эволюцию, распространяясь в списках среди различных славянских народов. В докладе рассмотрены некоторые типичные грехи средневековых христиан и особенности оригинальных латинских епитимий в сопоставлении с их славянскими версиями.

Максимович Кирилл Александрович, д. филол. н.,

с.н.с. Отдела исторической лексикографии и

С.А.Мартьянова

(Владимир)

Литература и искусство в «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана

Публикация «Дневников. 1973-1983» протопресвитера Александра Шмемана стала настоящим событием в жизни современной русской культуры, как церковной, так и светской. «Сокровенные» записи несут в себе отклик на многие явления внешней жизни, в том числе – литературу и искусство. Эти суждения, с одной стороны, обогащают современное литературоведение, которое ищет новые подходы к изучению художественного текста, вне классовой идеологии и модного релятивизма. С другой стороны, они способны послужить ориентиром для современного христианина, если всерьез задумывается о соотношении Церкви и культуры.

Современные литературоведы все больше говорят о необходимости возвращения к принципам холизма в изучении художественной литературы. Но чаще всего холистический (целостный) подход игнорирует фундаментальный пласт человеческой культуры – религиозный. В этом смысле в высказываниях о. Александра присутствует подлинный «холизм», поскольку все явления культуры возводятся к религиозному основанию: «Вся культура и все в культуре – в конце концов – о Царстве Божиим, за или против. Ибо культура состоит из реализаций «сокровищ сердца».

При этом о. Александр весьма высоко оценивал искусство и его плоды, ставя поэзию выше богословия: «...в «идеях» богословия, философии, живет, остается лишь одно то, что сродни искусству, и только в ту меру, в какую оно сродни искусству». По его мнению, в чеховском «Архиерее» «больше какой-то внутренней сущности христианства и Православия, чем в богословских триумфалистических определениях».

На страницах «Дневника» он нередко рассказывает о своих многочисленных литературных впечатлениях (А.Платонов, И.Чиннов, В.Набоков и мн. др.), восхищаясь языком, ритмом произведений. Кроме того, чтение литературных произведений сближало его с далекой Россией. Россия прорастала в о. Александре сквозь эмигрантский опыт во многом благодаря литературе, через «подвалы» по четвергам в «Последних новостях» Адамовича и Ходасевича.

Примерами христианского подхода к оценке литературного творчества могут служить определение демонического в искусстве (ложь, которая так подана, как правда, убеждает, как правда»), оценка романа В.Набокова «Дар». В этом же ценностном контексте воспринимается и история взаимоотношений о. Александра с А.Солженицыным (первоначальное восхищение широтой ума, сердца, наметившийся надлом в отношениях, рождение трезвой, взвешенной оценки, попытка разобраться в соблазнах, определить «опухоли» Солженицына и, наконец, итоговое суждение о судьбе Солженицына как реализации присущей для русского сознания «абсолютизации относительного»).

Вместе с тем религиозный подход к искусству требовал различения подлинной религиозности и ее многочисленных «темных двойников». О. Александр часто брал слово «религиозность» в кавычки и определял его как фальшь, безрадостную серьезность, как «религию без Бога». В частности, он различал пророческий пафос литературы, ее способность являть свидетельство о «христианском человеке» и противопоставлял их нелюбимой «идейности» и «учительству» как чему-то негативному: «Идеям и идеологиям предпочитаю конкретное, живое, единичное». В этом ключе воспринимаются суждения о. Александра о творчестве Л.Толстого и Ф.Достоевского, о русской, английской и французской литературах.

О. Александр решается даже на столь смелое утверждение, как утверждение о том, что литературоведы, далекие от церковности, часто обладают лучшей богословской интуицией. В работах таких литературоведов нет апологетики, стремления непременно извлечь «духовную пользу»: «Достаточно человеку усвоить ключ «благочестия» и для него уже не обязательны – правда, честность, в нем отмирает чувство удивления и восхищения, критерий подлинности». Так, о. Александр высоко оценивает «Литературный дневник» «воинствующего атеиста» Поля Леото, книгу

А.Синявского «В тени Гоголя», которую ставит выше работ К.Мочульского и В.Зеньковского.

Дневниковые записи о. Александра, не будучи рассчитанными на широкую профессиональную аудиторию, все же заслуживают особенного внимания. Они представляют неоценимую пользу для современных литературоведов, ищущих путей построения «религиозной филологии» в диалоге с ведущими научными идеями последних двух веков и нашей современности.

Мартьянова Светлана Алексеевна – к. филол. н.,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы ВГГУ,
преподаватель Владимирской Свято-Феофановской
духовной семинарии.martyanova62@list.ru

HirokoMasumoto

(Kobe,Japan)

[ниже тезисы по-немецки:]

AutobiographiealsFiktion:

paraliterarische Texte im Spätwerk Friedrich Dürrenmatts

Friedrich Dürrenmatt (1921-1990) bleibt bis heute für den Großteil seiner Leser als der Autor der Komödien und der Kriminalromane bekannt, die er in den 50er und 60er Jahren schrieb. Weniger bekannt ist die Tatsache, dass der Schweizer Autor auch in den weiteren 20 Jahren ein sehr umfangreiches essayistisches Werk hinterließ, das die Texte der früheren Jahrzehnte an Weite und Tiefe des Blicks überragt.

Die Wende in der schriftstellerischen Tätigkeit Dürrenmatts markiert die sogenannte „*Mitmacher*-Krise“, die von dem Misserfolg seines Stücks *Der Mitmacher* bei der Premiere am 8. März 1973 ausgelöst wurde. Diese Krise führt zu tiefgreifenden Änderungen in seinem dramatischen Schaffen. Für die Buchausgabe des *Mitmachers* (1976) schrieb Dürrenmatt ein mehr als 200-seitiges Nachwort, das doppelt so lang wie der Text des Stücks selbst ist. Der als

„Nachwort“ bezeichnete Komplex, zu dem ca. 6600 Manuskriptseiten vorliegen, besteht aus dramaturgischen und philosophischen Gedanken, Erzählungen und autobiographischen Passagen. Seine entscheidende Frage ist, wie das schreibende Subjekt sich selbst zum Objekt des Schreibens machen kann. Dieser Gedanke löste einen Arbeitsschub für das nicht gefilmte Filmdrehbuch *Midas oder Die Schwarze Leinwand* (1990) und das autobiographische Prosawerk *Stoffe* (1981/1990) aus.

In *Midas* versucht der Erzähler sein eigenes Leben objektiv zu rekonstruieren und kommt zu dem Schluss: „Auch die Erinnerung arbeitet mit Fiktionen, auch für sie ist eine Ereignis ohne ‚als ob‘ nicht darstellbar.“ Seiner Meinung nach ist die Wirklichkeit nicht etwas Objektives, eine selbstständig existierende Außenwelt, sondern letztendlich nur eine Empfindung (bzw. Erfindung) des Menschen. So stellt der Erzähler fest, dass „auch ein Gedanke ein Teil der Wirklichkeit ist.“ Diese Idee beschäftigte Dürrenmatt auch in den *Stoffen*, an denen er fast 30 Jahre lang arbeitete. Der Nachlass von den *Stoffen* umfasst rund 25000 Manuskriptseiten. Hier geht es ebenfalls um die Darstellbarkeit der Autobiographie, und so rekonstruiert Dürrenmatt seine Vita nicht als die Geschichte seiner Erlebnisse, sondern als die Geschichte der Metamorphosen der Stoffe seiner geschriebenen und ungeschriebenen Werke, also als Geschichte seiner Einfälle und Gedanken. Der letzte (gedruckte) Stoff, der *Das Hirn* heißt, verfolgt die Idee, auch ein Gedanke sei ein Teil der Wirklichkeit, besonders radikal, indem die Welt ausschließlich als Gedanke des Hirns dargestellt wird.

Hiroko Masumoto – Ph. D., Associate Professor, Kobe University
hmasumoto@ruby.kobe-u.ac.jp

Хироко Масумото

(Кобе, Япония)

Автобиография как фикция:

паралитературные тексты в позднем творчестве Фридриха Дюрренматта

Швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт оставил огромное количество примечаний к своим художественным текстам, драматургических и философских заметок, размышлений о собственной жизни и т. д. В данной работе рассматриваются наброски автобиографического характера Дюрренматта, в которых писатель предпринимает интересную попытку инсценировать свою жизнь сквозь призму своих же художественных произведений.

Е.Г. Местергази

(Москва)

О жанровом своеобразии наивного письма.

На примере романа А.Е.Чистяковой «Не много ли для одной?»

В качестве яркого примера «наивного письма» интересен автобиографический роман Александры Чистяковой «Не много ли для одной?» (1997).

В красноярском журнале «День и ночь» «Не много ли для одной?» А.Е. Чистяковой открывало раздел прозы и сопровождалось фотографией автора. Что касается жанра произведения, то редакция сочла необходимым дать определение: «быль». На Букеровскую премию его выдвигали уже как роман. Позднее в прессе прозвучало: «роман-дневник». Но с таким определением трудно согласиться, несмотря на то, что на него как будто «наводит» внутренняя авторская установка на придание своему повествованию вида «дневника». Все-таки перед нами роман с его главной проблемой «“развития” или “становления социального характера отдельной, обособленной личности” “в столкновениях с нравственными нормами и бытовыми случайностями своей социальной среды”»^[34], точнее, роман-исповедь, по Бахтину, одна из разновидностей биографического романа. Эгоцентризм самого авторского рассказывания, сосредоточение на главных моментах жизненного пути, наличие биографического времени – эти признаки суть общие для жанров автобиографии и исповеди.

На уровне содержательном черты романа-исповеди проявляются в изображении истории личной жизни в ее становлении.

Жанровая специфика этого произведения (роман-исповедь) определяется также его повествовательными особенностями, которые при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не «наивными».

Роман Александры Чистяковой представляет собой тот редкий случай, когда автор полностью отождествляет себя со своей героиней, тем самым вводя свое произведение в круг так называемых «человеческих документов», для которых именно характерно отсутствие какой-либо «внутренней» дистанции между автором и героем.

Рассказ ведется от первого лица как чистосердечная исповедь. Однако, вопреки ожиданиям, мы имеем дело не с линейным одноуровневым повествованием, характерным для разного рода воспоминаний. В романе «Не много ли для одной?» можно различить три разведенных по времени и

способу функционирования авторского «я» повествовательных плана. И это заслуживает отдельного рассмотрения.

Первый план – своего рода рамка, замыкающая в круг собственно рассказывание. По ритму и интонации он заключает в себе «прямое» обращение к незримому читателю, «к людям». Здесь воедино сливаются «я» автора, повествователя и героини. Время повествования соответствует «настоящему» моменту. Положение читателя сродни положению слушателя: он наедине со словами-суждениями, за которыми должен разглядеть лик *того, кто рассказывает о себе*.

Переход от первого ко второму повествовательному плану осуществляется в резком смещении «я» героини и «я» автора-повествователя в процессе непосредственного рассказывания. Героиня отделяется от автора-повествователя, превращаясь в одного из персонажей действия, протекающего прямо на глазах у читателя.

Третий повествовательный план составляют многочисленные монологи-обращения и нерифмованные стихи, которые оформлены не как «слово» повествователя, а как «слово» персонажа. Это то, что выходит из-под пера самой героини, и потому в тексте романа выделено кавычками.

Именно в третьем повествовательном плане реализуются некоторые принципы построения текста, характерные для эпистолярного жанра. Таким образом, повествовательная структура «наивного» романа-исповеди, будучи стихийно, спонтанно избранной автором, оказывается вполне соотносимой с аналогами, вышедшими из-под «профессионального» пера.

Местергази Елена Георгиевна –
к. филол. н., с. н. с. Отдела комплексных
теоретических проблем ИМЛИ РАН, elm-i@mail.ru

М.Ю.Михеев

(Москва)

Повествователь Достоевского: от «Пьяненьких» – к «Преступлению и наказанию»

(в чем преимущества перехода от *ЯкОн*)^[35]

Буду говорить, в основном, о трех вещах в романе. Во-первых, о способах выделения в тексте чужой – прямой и внешней – речи, как это в чистом виде представлено в драматическом произведении (в пьесе или киносценарии), где нет пространственных ремарок, лирических отступлений автора и не

предполагается, так сказать, «залезаний в душу» кого-то из героев с помощью такого инструмента, как слово повествователя, всегда описывающее события с той или иной долей эмпатии (или антипатии) к герою.

Во-вторых, о закавыченной внутренней речи какого-то героя, к которому повествователь как раз проникается сиюминутной эмпатией, передавая нам теми или иными средствами свое «вчувствование» к нему, в его мир, свое предпочтение именно его точки зрения (хотя это отношение не обязательно бывает положительным).

В-третьих, об их, героев, несобственно-прямой речи, уже без кавычек, стоящей прямо в тексте и передаваемой косвенным дискурсом, несобственно-прямой речью. (Ну, и в-четвертых, о собственно повествовательской речи, речи от автора, или о его метадискурсе.)

Первый из видов текста, на которые мне таким образом можно разбить всякое прозаическое художественное произведение, представлен в диалогах героев, реплики в которых следуют друг за другом – после красной строки и тире. Второй – в их монологах, проговариваемых "про себя", обычно отстоящих друг от друга по тексту на значительное расстояние (если это монологи разных людей, за перемещениями которых в пространстве следит повествователь) и заключаемых в кавычки. Единственным главным героем является Раскольников, а других, способных сколько-нибудь тягаться с ним персонажей в романе, по части повествовательской эмпатии, в романе нет. Ну, а третий, без кавычек, в полифоническом романе обычно рассеян по всему тексту.

Оказывается, что первого вида текста, считая по абзацам, в романе чуть ли не 2/3, т.е. «Преступление и наказание» можно считать практически драмой. Повествователь в романе Достоевского – преимущественно безличен, и только изредка он как бы маячит в тумане, скрываясь за пятью-шестью глаголами и единственным появлением местоимения 1 л.мн.ч., из-за которого выглядывает повествователь (4 тип, метатекст): Заметим мимоходом...; Кстати заметим...; Опускаем подробности...; мы и без того слишком забежали вперед...

Весь же остальной текст романа написан безлично, как бы от лица некоего постороннего наблюдателя. Между тем, как известно, Достоевский в

Подготовительных записях к роману вначале вел повествование от 1-го лица (тогда текст должен был быть – повестью и называться «Пьяненькие»). Это была исповедь Раскольникова, и была бы она написана наподобие предшествующих «Записок из подполья». В дальнейшем Достоевский в своих романах разработает фигуру «подставного повествователя», или «хроникера», доведя эту манеру повествования до совершенства, но в «ПиН» она только оттачивается. Нет, конечно и раньше был этот второй голос – двойник или рассказчик, который, по выражению Бахтина, «кричал ему», т.е. герою, «в ухо его собственные слова и мысли, но в ином, безнадежно чужом, безнадежно осуждающем и издевательском тоне», с изменением «акцента», когда в главное предложение переносится то, что «было лишь в придаточном и произносилось вполголоса без самостоятельного акцента, а содержание главного делает[ся] безакцентным придаточным предложением»^[36]. Таков был герой «Записок из подполья». И таким мог стать Раскольников, если бы Достоевский не придумал своего «хроникера».

Что удастся передать при помощи такой остраниченной позиции? Во-первых, помимо монологической «исповедальной» становится возможной еще и авторская оценка фактов, фиксация отношения повествователя к событиям и персонажам романа (оценочные, модальные слова, частицы с их коннотациями). Во-вторых, оценки персонажами фактов или других персонажей, со взглядом автора на ту или иную персонажную оценку фактов и с авторским же «заглядыванием в сердце» персонажа – с эмпатией или, напротив, отвращением к нему. Далее то что можно назвать «скачками в сторону от предмета избранной повествователем эмпатии»: когда при эмпатии к главному герою повествователь на некоторое время от него отдалается, чтобы отметить в своем поле зрения (и ввести в поле зрения читателя) факты, выходящие за пределы ограниченного сознания главного героя, ну, а потом вновь может воссоединиться с избранным предметом эмпатии. Одним из редких «отлетов», или отдалений, точки зрения повествователя от своей объективной позиции и от позиции главного героя является тот эпизод в романе, когда Свидригайлов стоит под выстрелами Дуни. Нечто подобное можно наблюдать в моментальном перескоке, с вкраплением точки зрения одного персонажа внутрь ментальной установки другого: например, когда внутри первоначальной передачи мыслей Катерины Ивановны, вдовы Мармеладова, вставляются оценочные слова враждебно настроенной к ней квартирной хозяйки Амалии. Такая позиция

позволяет рассказчику вести как бы одновременно игру «на нескольких досках». При монологически закреплённой позиции повествователя это невозможно. Другие грамматические средства выражения эмпатии к персонажу: она может выражаться и косвенным вопросом, и несобственно-прямой речью, с изъявлением обычно скрывааемых, тайных желаний и помыслов.

Михеев Михаил Юрьевич – д. филол. н.,

в.н.с. НИВЦ МГУ, m-miheev@rambler.ru

А.Б. Мороз

(Москва)

"Народная агиография": к постановке вопроса

Фольклорные тексты, содержащие сведения о святых и отражающие их культ (легенды, предания, паремии, календарные приметы и др.), принадлежат к разным жанровым группам и традиционно рассматриваются фольклористикой порознь. Между тем, именно их связь с культом святых выделяет их в особую группу. Сюда же можно отнести и несколько категорий текстов, обычно не принимаемых к рассмотрению, таких, как пересказы житий святых, народноэтимологические интерпретации имен святых и названий календарных праздников, описания икон и т. п. Будучи текстами книжного происхождения, даже если они основываются на устных преданиях, жития святых в процессе пересказывания "переводятся на фольклорный язык", то есть подвергаются серьёзной интерпретации и адаптации на структурном, сюжетном, лексическом и др. уровнях. Особенности этого "перевода" ярко отражают особенности народного культа святых.

При пересказывании житий обычно происходит отбор эпизодов – житие целиком никогда не пересказывается. Каждый нарратив основан на одном эпизоде. Но и весь круг таких эпизодов значительно уже, чем в житии, и ограничивается, как правило тремя-пятью наиболее яркими с точки зрения фольклорной традиции (и, вполне возможно, третьестепенными и "проходными" для самого жития) фактами, как правило из прижизненных чудес святого. Часто это чудеса, соотносимые с народными верованиями, не

относящимися непосредственно к культу святых: чудесные камни, источники, деревья, почитание которых распространено и вне зависимости от культа святых, часто соотносятся с ними и становятся сакральными объектами вследствие вмешательства святого. В местах особого почитания того или иного святого (например, в населенном пункте, где он родился или в окрестностях основанного им монастыря) имеется тенденция возведения любого неординарного явления и даже местной топонимии к деятельности соответствующего святого. Он же перенимает на себя функции, традиционно приписываемые другим, широко почитаемым святым (Георгию, Николаю, Пантелеймону). Чудеса святых получают интерпретацию в русле народных представлений о магии, святой часто описывается в терминологии, широко применимой к колдунам и знахарям, что отражает некоторую близость этих понятий в фольклорном сознании. Сходным образом интерпретируются имена святых, названия их праздников, их изображения на иконах.

Исследование этих "периферийных" для фольклористики и чуждых для агиографии и литературоведения текстов открывает важные стороны народного почитания святых и показывает некоторые существенные аспекты его формирования.

Мороз Андрей Борисович – к. филол. н., доцент,
зав. лабораторией фольклора РГГУ

Юрий Нечипоренко
(Москва)

Воспоминания художников и литераторов о московской богеме середины XX века

Истоки русского неофициального искусства конца XX века находятся в литературных и артистических кружках середины века. В последнее время вышел ряд книг участников событий того времени, художников и литераторов, в которых содержатся воспоминания, позволяющие восстановить картину происходившего. Эти книги содержат свидетельства современников, дневниковые записи и откровения мемуаристов, что позволяет увидеть картину того времени в объеме. Книги Анатолия Наймана

«Славный конец бесславных поколений», Андрея Сергеева «Альбом для марок», Михаила Гробмана «Левиафан», Валерия Воробьева «Враг народа», Виктора Пивоварова «Влюбленный агент» и «Серые тетради», а также книги и статьи Всеволода Некрасова, Эдуарда Лимонова, Константина Кузьминского и др. трудно отнести к определенному жанру: здесь воспоминания оказываются художественной прозой, дневниковые записи - с эссе. Наше время даёт уникальную возможность в ряде случаев побеседовать не только с авторами этих книг, но и с их героями. Расстояние до изображенных событий таково, что многое из описанного можно попробовать «перепроверить» при помощи воспоминаний участников и очевидцев. Тем самым могут быть хотя бы отчасти раскрыты механизмы мифологизации и мистификации, которые используют авторы в описаниях событий.

В данном исследовании будет идти речь о двух кружках, в которых всходили ростки неофициального искусства середины XX века: круге «Лианозово» и «группе Черткова». Автор был дружен с «гением богемы» Игорем Холиным, хорошо знаком с Всеволодом Некрасовым (круг «Лианозово») и сейчас поддерживает дружеские отношения с легендарным поэтом Станиславом Красовицким (группа Черткова). Это позволяет внести в исследование воспоминаний личностный характер - и тем самым использовать метод, в некоторой степени перекликающийся с самим объектом исследования.

В контексте исследования рассматривается феномен «Самиздата», выросший из литературных кружков, салонов и групп середины XX века. Со временем этот феномен приобрел большое общественно-политическое значение. Бесцензурный «Самиздат» нес в себе множество маргинальных текстов, и распространение в нем подделок (в частности, речь идет о стихах, приписываемых Красовицкому) позволяет рассматривать этот феномен как прекрасное поле для розыгрыша и литературной мистификации.

Примечания

Данная работа является продолжением исследования, которое было озвучено в докладе автора на конференции по Самиздату в Вене в 2006 году и частично описано в работах, опубликованных в Интернете:

Поэзия – та же добыча радулы (о творчестве Станислава Красовицкого) – Русский журнал, 11.01.07

http://www.russ.ru/krug_chteniya/poeziya_ta_zhe_dobycha_raduly_ili_iz_kakogo_morya_rastut_stihi

Персонажи Оболдуева – Русский журнал, 22.02.07

http://www.russ.ru/krug_chteniya/personazhi_oboldueva

Гоголевская история самиздата: миф и рынок – Русский журнал, 02.04.08

http://www.russ.ru/teksty/gogolevskaya_istoriya_samizdata_mif_i_rynok

(Все предшествующие и эта иллюстрация взяты из графических работ и коллажей Веры Маевны Митурич-Хлебниковой)

И.Г. Новоселова

(Владивосток)

Жанровое своеобразие дальневосточных дневников М.М. Пришвина

Публикация мемуаров, дневников, писем, записных книжек – текстов на границе документального и художественного («эго-текстов»), или книг, относящихся к «эго-литературе», – позволяет обратиться к эволюции взглядов писателей во всем объеме их художественных и философских исканий. Появление в печати дневниковых записей М.М. Пришвина, В.Г. Короленко, К.И. Чуковского, А.Т. Твардовского и других писателей XX

века по-новому открыло их судьбы, помогло понять драматические моменты их жизни и убедиться, как многообразно их творческое наследие.

Дневники Михаила Михайловича Пришвина относятся к такого рода «задержанной литературе», которая вносит совершенно иные акценты в сложившуюся картину его творческой эволюции. Собрания сочинений М.М. Пришвина издавались несколько раз, но только полное издание его дневников открывает нам писателя во всей сложности его мировоззрения. Понимание и анализ структуры "Дневников" помогает проникнуть в поток сознания художника и философа М.М. Пришвина, чтобы расширить представление о его жизненных и творческих поисках. Изучение дневниковых записей дает возможность открыть Пришвина-мыслителя, воспринимающего все происходящее в оппозициях «жизнь-смерть», «культура и цивилизация», «родственное внимание и общественная жизнь человека». Пришвинские "Дневники" – историческая летопись, охватывающая события с начала 1900-х годов до 1954 года. Исторические факты даны в сопряжении с судьбой и личностью самого писателя, с эволюцией его социально-политических, философских, эстетических взглядов, с изменением его мировидения. Дневниковые записи Михаила Михайловича можно назвать «дневником эпохи», которая наполнена драматизмом столкновения культуры Серебряного века с прямым давлением социума.

Дневники Михаила Михайловича Пришвина публикуются благодаря исследовательской работе наследников творчества писателя Л.А. Рязановой и Я.З. Гришиной, которые собирают в Доме-музее писателя в Дунино ученых, деятелей искусства и всех тех, кто интересуется жизнью и произведениями этого писателя.

Работа над публикацией дневников М.М. Пришвина, относящихся к 30-м годам XX века, в 2006 году принесла исследователям новые открытия: обнаружилась не изданная и не расшифрованная ранее тетрадь записей Пришвина (1), посвященная его командировке на Дальний Восток. Это около 300 небольших листочков с грифом в верхней части «Известия». Именно от этого издания – газеты «Известия» - Пришвин получил командировку на восток страны. Дальневосточные путевые дневники М.М. Пришвина, включенные в дневники 1931-1932 гг., - сложнейшее явление, отражающее духовное самоопределение писателя. В своих дневниковых записях писатель Михаил Михайлович Пришвин и воспринимает себя прежде всего как человека творческих устремлений и стремится сохранить эти качества в трагические моменты истории XX века. Сделанные писателем во время его путешествия на Дальний Восток дневниковые путевые записи (они начинаются 24 июня и заканчиваются 30 октября 1931 года), помогают представить сложность его восприятия мира, понять стремление личности сохранить себя в ситуации духовного кризиса.

Путевой дневник М.М. Пришвина впервые публикуется в журнале «Рубеж», который издавался деятелями русской эмиграции в Китае в 1926-1945 году и возобновлен в 1992 году в России известным владивостокским издателем А.В. Колесовым. Благодаря его творческой работе путевой дневник писателя сопровождается публикацией фотографий, который сделал Пришвин сам во время путешествия на Дальний Восток.

Изучение путевых дневниковых записей М.М. Пришвина и самих текстов дневников 1930-х годов является важным для понимания духовной жизни России, наполненной борьбой литературных группировок, противостоянием «социальному заказу» и поиском свободы самовыражения в творчестве. Феномен «космоса жизни», «творчества жизни», «корня жизни» становится важнейшим в дальневосточных дневниках Пришвина. Писатель рассуждает о том, каким должен быть быт человека, его «дело» в жизни, каждый день в дневнике он собирает путевые материалы для будущих произведений. Но одновременно в дневнике Пришвин размышляет о том, что в условиях несвободы сохранить в себе личностное начало важно, потому что именно это становится «делом жизни» каждого человека.

Представления о своеобразии природы и хозяйства Дальнего Востока тесно связано в путевых дневниках Пришвина с размышлениям о особом пути Китая в отличие от промышленной Европы. Писатель хочет не просто собрать материал о дальневосточных промыслах у китайцев, якутов и корейцев, он хочет понять смысл особого отношения людей к своему делу, а через него и к «делу жизни», которое на Востоке понимают как выражение органической связи с природой. Процесс «понимания» Китая связан в дневниках с личностным осмыслением ценностей и особенностей истории Востока. Но одновременно писатель сравнивает ценности культуры Азии и Европы (Германии и России), но главное – размышляет над возможностями самовыражения личности в разных цивилизациях. Таким образом, перед нами не просто личные путевые записи, а дневник особой модификации – эссеистической.

Новоселова Ирина Германовна – к.ф.н., доцент

Дальневосточного госуниверситета (Владивосток)

novoselova_irina@mail.ru

Сусуму Нонака

(Сайтама, Япония)

Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В.Розанова

(«Литературные изгнанники» и др.)

Примечания к чужим письмам – это излюбленный литературный прием В. Розанова. Писатель пользуется им не только с целью дать представление о мыслях и жизни своих друзей и знакомых в их самых откровенных и частных высказываниях о самих себе. Примечания, сделанные уже с точки зрения изменившегося общественного контекста, способны открыть такие значения в чужих письмах, о которых сами корреспонденты, должно быть, не имели ясного представления. Как известно, с помощью этого приема Розановым были написаны «Литературные изгнанники» (1913), где частные письма его друзей-литераторов Н. Страхова и Ю. Говорухи-Отрока (несправедливо забытых, по мнению Розанова) снабжены пояснениями писателя, сделанными с более чем двадцатилетним промежутком и таким образом передающими совсем иной взгляд на то, что изображалось в письмах. Стоит обратить внимание и на то, что у Розанова был замысел использовать тот же прием при написании еще одного произведения. Речь идет о книге «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества», реконструированной А. Малышевским (2006). Эта книга представляет собой письма студентов и курсисток с примечаниями писателя, они были опубликованы в студенческом журнале «Вешние воды» в 1914 – 1916 гг. Можно предположить, что Розанов придавал приему «чужих писем с примечаниями» существенное значение, видя в нем возможность осуществления новой формы контактности с читателями.

Настоящая работа ставит перед собой две задачи. Во-первых, определить композиционные особенности розановских «примечаний к чужим письмам» как литературного приема. Как мы покажем, Розанов осуществляет своего рода опосредствованный бытовизм, имеющий целью сочетать описание частной жизни конкретного человека с философскими (но не отвлеченными) размышлениями о ее значении в более широкой перспективе. Существенную роль здесь играют временные и оценочные сдвиги, обуславливающие резкий контраст между текстами писем и

примечаний (например, между письмом Страхова 1891 года, в котором он волнуется из-за пощечины, данной Розанову отцом гимназиста, и размышлением Розанова 1913 года о чем-то «метафизическом и особенном в строении лица»). Можно сказать, что примечания к чужим письмам как композиционный прием играют такую же центральную роль в поэтике Розанова, как и прием «опавших листьев».

Вторая задача оказывается более сложной: очертить те медиальные условия в России начала XX века, которые позволили Розанову использовать частные письма друзей и читателей со своими примечаниями в качестве «литературного факта» нового типа. По нашему мнению, оценивая значение и роль Розанова в русской литературе и общественной мысли, необходимо не только подходить к нему как к литератору и мыслителю, но и обращать внимание на те общественные и, в особенности, медиальные условия, в которых он находил новые материалы для творчества, новые соотношения с читателями и, наконец, новый показ человеческой жизни и мысли в литературе и журналистике. Как тематические компоненты (например, значение частной жизни или быта), так и композиционные приемы (например, фрагментарность и опосредованная диалогичность) у Розанова были тесно связаны с медиальными условиями российского общества и журналистики начала XX века. Ограничиваясь разбором книги «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества», мы попытаемся рассмотреть «феномена Розанова» с точки зрения медиальных исследований.

NONAKA Susumu

Making Annotations to Other People's Letters as a Way of Media Dialogism (Vasily Rozanov's «Literary Exiles»)

In «Literary Exiles» and other works, V. Rozanov resorted to a unique literary device – making annotations to the letters he had received from his friends and readers, as a rule, several years before. As his own letters are completely lacking, these annotations provide the letters with an effect of uni-directional dialogue in which the senders and the receiver are not interactive, but isolated, in terms of social and biographical perspectives. We attempt an analysis of stylistic and compositional features of these works of Rozanov's and also a historical survey of those conditions of Russian mass media at the beginning of the twentieth century which made his literary device so effective.

Фамилия: НОНАКА, имя: Сусуму, ученая степень: МА,

доцент Сайтамского государственного ун-та

Т.А.Опарина

(Москва)

Иностранцы в России 17 в. - маргиналы или устойчивый компонент русской культуры?

В 16-17 вв. колония иностранцев в России устойчиво расширялась. В московское государство приезжали все новые и новые представители различных стран Западной Европы, Речи Посполитой и Османской империи. Миграция в Россию не прекращалась на протяжении столетий. Встает закономерный вопрос: постоянное присутствие иностранцев в России являлось нормой или исключением? Были иностранцы в России маргинальной частью или составляли неотъемлемый компонент русского общества? Несомненно, в русской полемической и публицистической литературе формировался образ Запада – как территории вселенной, уже находящейся под властью антихриста (исходя из теории апостасии), Речи Посполитой – как основного плацдарма слуг антихриста, источника основной угрозы для благочестия России, а православных Османской империи – как не в полной мере православных. Помимо нарративных памятников, тексты канонического права (Номоканоны и Требники) вводили правила изолированного проживания православных и инославных, а также требование повторного крещения не-московских христиан при вступлении их в русское подданство, светские законодательные акты изобиловали статьями охранительной направленности. Все это дает основание говорить многим ученым о нетерпимой политике русского правительства и общества, в целом, к иностранцам. Однако реальная практика правительства свидетельствовала об обратном. Русские власти были крайне заинтересованы в миграции и всячески ее поощряли. Стремясь ограничить всеми возможными мерами соприкосновения иностранцев и русских, они использовали знания, опыт и возможности иммигрантов в дипломатической и военной сферах. Россия не могла существовать без постоянных, хотя и жестко регламентированных, контактов с Западом. Как результат, иностранцы в до-петровской России составляли один из «чинов» (страт) русского общества, уничтожить который не пытался ни один правитель.

Н.Н.Перцова

(Москва)

Преломление одних и тех же событий в текстах разных жанров у В.Хлебникова^[37]

В работе сравнивается ряд хлебниковских текстов разных жанров, так или иначе связанных с одними и теми же событиями. Анализ совокупности таких текстов позволяет понять некоторые темные места в стихах поэта, помогая избавиться от ошибок в их толковании.

В качестве примера можно привести известное стихотворение «Моих друзей летели сонмы» [СС I: 363]:

Моих друзей летели сонмы.

Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто.
5 Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грезный кубок вылит.
10 О, роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже, куда они?

Анализируя это стихотворение, Б.А. Успенский усматривает в нем сложнуюмену субъекта [Успенский 1996: 300–301]. «Одни и те же субъекты здесь обозначаются сначала в 3-м лице (при повествовании от 1-го лица!), а затем – неожиданно – местоимением 1-го лица, не совпадающим при этом с 1-м лицом предыдущего текста. Иначе говоря, “они” переходит в “мы”, никак не соотносящимся с тем “я”, которое фигурировало раньше». «Затем, однако, те же субъекты снова начинают обозначаться в 3-м лице: “мы” непосредственно предшествующего текста изменяется в “они”, знаменуя возвращение к первоначальной авторской позиции». «Ср., наконец, появление всех трех грамматических лиц в заключительной фразе стихотворения».

Эти выводы отнюдь не очевидны. Более естественным представляется прочтение, при котором личные и притяжательные местоимения в этом стихотворении означают ровно то, что им свойственно в узусе. «Они» в строках 2 и 12 и «их» в строке 9 относятся к «моим друзьям». Некоторые указания на то, о ком именно говорит поэт, имеются уже в самом стихотворении. Строка 8 (возможно, отчасти и 5) указывают на «Облако в штанах» В. Маяковского, строка 9 – на «Громокипящий кубок» И. Северянина. Итак, «они» – это собратья по футуристическому цеху. «Они» + «я» обозначается как «мы» – содружество, о котором неоднократно писал Хлебников, например в манифесте «Труба марсиан» [СС VI.1: 246],

начинающемся словами «Нас семеро». Стихотворение в целом и его финал в частности говорят о возникшем внутри «мы» расколе.

Более сложно для толкования употребление слова «ничто». Необычное употребление этого слова встречается в двух десятках хлебниковских контекстов, означая, в частности, «знак равенства нета и да». «Властное ничто» рассматриваемого стихотворения отсылает, по всей видимости, и к продолжающейся войне, и к грядущему падению престолов, и к вещественной стороне жизни вообще.

Остается определить, к кому относится еще одно встречающееся в стихотворении личное местоимение – «вы». Здесь контекст не дает прямых подсказок, и для нахождения референта надо обратиться к более широкому кругу текстов 1915–1916 гг. Строки, близкие к строкам 11 и 12, встречаются у Хлебникова еще дважды: в отрывке «В них качаются люди» [НП: 272] и в стихотворении «И снова глаза щегольнули» [СС I: 339]. Оба названных текста обращены к баронессе Вере Будберг. Немка по происхождению, она во время войны ухаживала за ранеными русскими солдатами в петроградском госпитале. Она – героиня целого ряда его стихотворений, некоторых дневниковых записей и автобиографической прозы «Три Веры» [СС V: 151]:

Ее жемчужно-серые глаза, северные сдержанные движения, рассказы про диких коз на ее родине – во время бурной войны, все копыта коней которой и колеса тяжелых пушечных станков призраками прошли через мое сердце за два года до вещественной бытовой войны.

Я, свернувший в своем сердце знамя дикой свободы моего народа, и она, говорящая и на языке моих врагов и по крови – крови врагов, но ухаживающая за воинами нашего стана и оттого такая грустная, думающая – кто мы?

Нет, мы первые из военной бури выходили на сушу другого человечества и знали это только вдвоем.

Эти строки объясняют, почему именно Вера Будберг («вы» финала рассматриваемого стихотворения) – то единственное существо, которое способно понять суть «печальной непохожести» бывших соратников.

Литература

Успенский Б.А. К поэтике Хлебникова: проблемы композиции // *Успенский Б.А. Избранные труды*. Т. II. Язык и культура. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 299–305.

Хлебников В. *Неизданные произведения* / под ред. Н. Харджиева и Т. Грица. М.: Гос. изд. худ. лит., 1940 [НП].

Хлебников В. *Собрание сочинений в шести томах* / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие». Тт. I–VI.2. 2000–2006 [СС].

Перцова Наталья Николаевна,

И. А. Пильщиков

(Москва)

Многоязычие в «Записных книжках» Батюшкова: «свое» и «чужое»

Характерная черта культуры предпушкинской эпохи — франко-русское двуязычие. Французская культура для Батюшкова — не менее «своя», чем русская, тогда как латинская или итальянская — «чужие» (при этом «чужое» декларативно предпочитается «своему»). «Плоховатости» русского языка Батюшков противопоставлял достоинства итальянского, а не французского, несмотря на то что именно к французскому прибегал, когда затруднялся выразить свою мысль по-русски. По мнению Батюшкова, латинский язык — это необходимый элемент домашнего образования; французскому же можно выучиться в обычном разговоре.

В научной литературе уже ставился вопрос о многоязычии батюшковского эпистолярия, но проблема использования различных языков в записных книжках поэта еще не обсуждалась.

Доклад посвящен функциональной нагруженности разных национальных языков в записных книжках Батюшкова — «Разные замечания» (1810) и «Чужое: мое сокровище!» (1817). Обсуждаются случаи цитации иноязычных произведений на языке оригинала и в переводах, в том числе не на русский язык (итальянских — по-французски, латинских — по-итальянски и т. д.). Выясняется оригинальный либо переводной статус отдельных фрагментов записных книжек. Устанавливаются и комментируются не идентифицированные ранее источники некоторых записей.

Пильщиков Игорь Алексеевич — д. филол. н.,

редактор журнала «Philologica», в.н.с. Института мировой культуры МГУ,

гл. редактор Фундаментальной электронной библиотеки

Иоанна Пиотровска

(Варшава, Польша)

Жанровая маргинальность «Дневника помещика» Л. Толстого

1. Дневнику как жанру словесности изначально присуща маргинальность, проявляющаяся прежде всего в том, что он, с одной стороны, теснейшим образом связан с различными формами документалистики (мемуарами, автобиографией, письмами, исповедью, литературой путешествий, периодикой...), а с другой, содержит отдельные записи и фрагменты, которые по характеру своего исполнения приближаются к жанрам литературным и публицистическим.
2. Среди аутентичных дневников Льва Толстого выделяется группа текстов (за 1856, 1857, 1881 гг.), имеющих самостоятельные заглавия – «Дневник помещика», «Отрывок дневника 1857 года [*Путевые записки по Швейцарии*]», «Записки христианина», где сами названия («дневник», «отрывок дневника», «путевые записки», «записки») указывают на поиски диаристом дополнительных жанровых определителей.
3. Ко второй половине 1850-х гг. писатель, как известно, максимально использовал открытые им в ранних дневниках возможности «самонаблюдения», художественно воплотив их в своей автобиографической книге, и у него возникла острая потребность «начать изображать жизнь других людей в ее самых разнообразных формах» (Гусев Н.Н. «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г.». М., 1957. С. 204). Отсюда его намерения показать, например, «кавказский край» или «казачий патриархальный станичный быт» (Там же). В письме к Анненкову Толстой отметил: «Я пустился (...) в необъятную и твердую положительную объективную сферу и ошалел – во-первых, по обилию предметов или, скорее, сторон предметов, которые мне представились, и по разнообразию тонов, в которых можно выставлять эти предметы» (Там же).
4. Два диаристских текста – «Отрывок дневника 1857 года [*Путевые записки по Швейцарии*]» и «Дневник помещика» – свидетельствуют о намерении писателя «освободиться от всяких традиций» (Эйхенбаум Б. «О

литературе. Работы разных лет». М., 1987. С. 68) и показать жизнь людей в ее объективной реальности.

5. В толстовской диаристике экстравертность – *положительная объективная сфера* – приобрела особую значимость в «Отрывке дневника 1857 года», который создавался а) не для «себя», а для «другого» (расчет на публикацию в «Современнике»), вследствие этого он был б) лишен ставшей уже традиционной для автора дневников высокой инровертности, и наделен в) свойствами документального текста, где использовались автобиографизм (автобиографический рассказчик, реальные факты и описания), публицистика (злободневность общественно-политических вопросов), художественность (построение пейзажей и портретов, использование парадокса и синестезии).

6. Не менее интересные явления наблюдаются и в «Дневнике помещика», в маргинальном тексте которого получили свое выражение не только социально-политические устремления Толстого, связанные с предреформенными веяниями 1856 г. (когда он задумал освободить своих крестьян, не дожидаясь решений правительства), но и строгие экономические расчеты, а также документально-художественное изображение «крестьянского мира» и его характерных представителей.

Joanna Piotrowska –аспирант Ин-та русистики Варшавского ун-та,

Факультет прикладной лингвистики и

восточнославянских филологий,

А.А.Плетнева

(Москва)

«Буржуазная» или «площадная»: парадоксы восприятия русской городской письменности XVII-XVIII вв. ^[38]

1. Существуют явления культуры, которые современное гуманитарное знание отказывается рассматривать как единое целое. Одному из таких явлений письменной культуры посвящено настоящее сообщение. В зависимости от интересов исследователей тексты, о которых пойдет речь, назывались и «классическим лубком», и «поздней древнерусской литературой», и «демократической сатирой» и т. д. Каждое из этих наименований имеет свою традицию описания, гипертрофирующую тот или

иной аспект явления. При таком подходе целостное описание явления предпринять невозможно.

2. Мы можем говорить об особом типе письменности, сам факт существования которого плохо вписывается в модели современного гуманитарного знания. Поэтому целостное явление распадается на набор маргинальных сюжетов, лежащих на периферии устоявшихся областей гуманитарных дисциплин (истории литературы, искусствоведения, книговедения, этнографии и т. д.). Мы предприняли попытку рассмотреть тексты этого типа в рамках истории русского литературного языка (или же русских письменных языков).

3. Все модели истории русского литературного языка строятся на оппозиции церковнославянского и «нецерковнославянского» (древнерусского, приказного, разговорного и т. д.) языков. Такой подход не предусматривает самого факта существования письменной традиции, для которой оппозиция церковнославянский\русский снята. Тем не менее, в конце XVII- перв. пол. XVIII в. создавались тексты, для которых эта оппозиция не являлась актуальной. В этих текстах церковнославянские и русские элементы не просто сочетались в разных пропорциях (это было всегда), но использование этих элементов не было стилистически маркировано. Для этих текстов принципиально неважно, на каком языке: церковнославянском или на русском – они написаны. В рукописных сборниках и лубках пересказ библейского текста может следовать церковнославянской традиции, а может, опережая появление стандартного текста русской Библии, осуществляться на русском языке. Точно так же текст о вреде пьянства, начинаясь словами «Златоуст рече», может быть написан по-церковнославянски, а может по-русски.

4. Традиционно письменность втор. пол. XVII – перв. пол. XVIII в. рассматривается как факт культуры переходной эпохи, т.е. искусственным образом разделяется между прошлым и будущим. Одни явления рассматриваются как реликты древнерусской литературы, а другие – как ростки нового. Между тем единство социального состава читателей (горожане), установка на развлекательность и/или познавательность текста позволяют соотнести письменную культуру русского города с культурой европейского третьего сословия, буржуазной культурой.

В интервью 22.08.1993 он рассказывал: «Я думаю только о том же, только о человечестве. Я понял, что я очутился на свете больном, общественно неблагоустроенном морально. Говорили люди только о политике, а о том, как жить, – ни слова. Сейчас Октябрьская революция – и потащили всё за собой, что было до революции, все пережитки. Они, конечно, неустойчивые. Мир строится не по/ по тому порядку, как люди думают, что они не подготовлены к творческой жизни, они для существования. И вот всё лишь счастье в том/ в том-то и заключается, что надуманное им важнее, чем реальное, действительное. Вместо науки управления жизнью они рассчитывали на власть. Значит, насилие – это же дикарство, животное, зверь – он для других, зверь он более злой. Человек для разума, а не для существования как зверь. /... Наука должна управлять миром, а не вы и политики. А вы значит не коммунист? Я говорю: Я еще не глупец, я знаю, кем я буду, но это не ваше дело. Мое дело создать науку устойчивую. Не говорю о том, как я мечтаю, чтобы это было вечно. А вот теперь позже, на пятьдесят лет после этого я понял, что это будет вечная наука. Наука о смысле жизни, полного творчества, рационализаторский подход ко всему, никаких уступок. Жизнь должна быть построена с правильным расчетом на осмысленное существование человечества, а не так, как кто-то хочет. Ну и они что хотят? Они целуют свой крест – это деньги, это их бог, и вот, подлинное божество будет творчески подготовленный человек с очень раннего возраста. Нельзя упустить [/... ребенок /] имеет святое любопытство ко всему, когда он хочет всё знать, вот тут-то должен быть взрослый – ученый. Это не годится – просто родитель, это должен быть ученый, который умеет направлять психически человеческий разум. Это же росток, это 8-15 см. росток, из которого выйдет колос. В нем всё уже заложено. А что с ним делают? Отнимают всё это, хотят, чтобы были похожие на тебя, как и они бездельники, в творческом смысле. Работают только по стимуляции, денег, престижа, славы, маленькой, несчастной, и всё. Примитив конечно, никому не нужный, вот для чего надо жить. Всем людям на свете надо жить для подготовки принятия нового человека. Это не взрослый, он не новый, это уже испорченный материал, он не нужен никому, потому что он не знает, какая цена жизни, у него даже нет этого, как у меня по-фински называется, ajastolista [хронометражный бланк]. Вот! Когда они дойдут до этого, это пройдет сто лет, а я живу уже сто лет вперед. Это индикаторы осмысленной жизни, подготовленности к жизни и – готовить других. Это инструментарий рационализаторский к этому, это

физиологическое состояние, вынужденное, искусственное, по традиции, и не нужной, это наука, это календарь событий, как развилась эта наука. Это елокии [август, показывает в своем листе], август, а здесь был июль. Я знаю, что я делал, в котором / в каком числе, в каком месяце, году, любое время спроси у меня – я знаю, что я делал. Почему – надо писать тоже. Я пользуюсь знаками, которые быстрее стенограммы. Их три тысячи с половиной. Но для начинающего стоит взять 30-40, и то он будет уже счастлив, что он будет чувствовать себя настоящим человеком. Вот для чего я живу, и вот моя биография в том и заключается, что у меня не было ни одного дня, чтобы я бы не делал отчет себе о достижениях, о провалах, о недоделанности, о всем. Я себя воспитываю непрерывно до могилы. Мне сейчас 93 года, но я чувствую, что я живу еще этими чувствами. Что там, только разница в том, что диапазон расширился. Я стою на горе и вижу, как человечество мучается, и знаю средство, а что не знаю – изучаю, и что не знаю – открыто говорю».

Опубликовано четыре тома дневников А. Ахола-Вало в школьном возрасте с его собственными иллюстрациями.

Литература

Ahola-Valo, Aleksanteri. Koulupojan päiväkirja. Hämeenlinna: Elpo, 1990-98.

Ekaterina Protassova, PhD, Lecturer in Russian Language,
Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures,
University of Helsinki, Finland

Т.В.Радзиевская

(Киев, Украина)

Коммуникативная ценность события в контексте дневниковых записей (на примере дневника М.Т. Бобошко)

Одним из вопросов, к которым обращается исследователь дневниковых текстов, является вопрос о характере отбора автором тем для своих записей, часто ежедневных, и формирования сообщений о значимых, коммуникативно ценных событиях. В дневниковой деятельности коммуникативную ценность приобретают события дня в акте записывания,

т.е. в письменном высказывании, при котором одни события или типы событий всегда отмечаются автором, в то время как другие остаются "за кадром".

Этот аспект дневниковой деятельности своеобразно представляет дневник т.н. "простого человека" Матвея Титовича Бобошко, жителя городка Кобеляки Полтавской области, служившего приказчиком в одном из торговых товариществ. Дневник охватывает период с июля 1916г. по ноябрь 1921г. Написан по-русски и опубликован без купюр с сохранением некоторых орфографических особенностей рукописного текста усилиями полтавских историков и краеведов Ю.Погоды и Ю.Попруги.

Тематический репертуар дневника сводится к пяти блокам: 1) психическое и физическое самочувствие пищевого, 2) события бытового плана в семье, 3) социокоммуникативные события более широкой сферы (встречи, разговоры со знакомыми, походы в гости, развлечения и т.п.), 4) служебные дела, 5) события на фронте 1916-1918 гг. и военные действия периода гражданской войны и связанные с ними изменения в жизни. Например: Рано утром город был разбужен сильнейшей ружейной и пулеметной стрельбой, слышались взрывы нескольких бомб; расставленные пикеты в город никого не пускали (21.01.1919) - 5-й блок.

Их соотношение в тексте по мере ведения записей претерпело изменения. Если в записях 1916 - 1918 гг. преобладают сообщения о служебной деятельности и событиях в семейном кругу, то с 1917 г. и вплоть до 1921г. их место занимают сообщения о событиях гражданской войны (ограбления, налеты банд, передвижения войск), социально-экономических изменениях, источниках выживания. Смену представления о коммуникативной ценности события фиксируют замечания об отсутствии чего-либо примечательного, типа: Ничего особенного не произошло. Или: Ничего особенного; поезда еще не ходят, фактически власть в руках немцев (17-18.04.1918). Ничего особенного в городе не случилось, пока тихо; много солдат стоит, и еще, говорят, много придет (28-29.01.1921). Они появляются в тексте с апреля 1918 г. Рассмотренные записи достаточно четко фиксируют смену критериев в выделении событий, заслуживающих внимания, которые отмечаются актуальным сознанием пищевого.

Указанные тематические блоки в записях дневника противостоят тем высказываниям, появление которых обусловлено концептом дневника как

текстообразующим фактором. В связи с рассмотрением тематических блоков выделяются и основные дискурсивные формы, характеризующие общие стилевые особенности "дневникового поведения" автора.

Ведение дневника как вид речевой деятельности: прагматический аспект

Обращение к дневниковым записям разных авторов, среди которых известные писатели, композиторы, деятели культуры и пр. (А.И. Герцен, В.К. Кюхельбекер, П.И. Чайковский, А.А. Блок, С.Ефремов, М.С. Грушевский, В.И. Вернадский и др.), и рассмотрение их в динамическом аспекте, как текстов, представляющих определенный вид речевой деятельности, позволяет увидеть специфику прагматического компонента дневниковых текстов, сравнительно с другими типами текстов. Она определяется по преимуществу двумя факторами. Первый фактор - это отсутствие в ситуации внешнего адресата - "другого", обуславливающее автокоммуникативную составляющую ведения дневника. Второй фактор связан с неинституциональным характером ведения дневника как вида речевой деятельности, его принадлежностью приватной коммуникации и в целом личной сфере автора, вследствие чего сама деятельность остается вне сферы действия (и воздействия) внешних социальных факторов, которые бы регламентировали ее протекание.

Поэтому значительная часть усилий автора, ведущего дневник, относится к плоскости "субъект речевого действия - запись" и проявляется в усилиях, направленных на организацию деятельности. В ее основе лежит определение тем и сюжетов для записи, полноты и качества отражения событий, определение предназначения и цели записывания, стилистики и качества оформления отдельных текстов. Эти и другие параметры речевой деятельности находят отражение в самих дневниковых текстах в виде отдельных высказываний, вклинивающихся в основное изложение, что рассматривается в докладе на примере дневникового творчества указанных авторов. Представляется, что вербальная манифестация этого аспекта ведения записей имеет непосредственное отношение к определению различий между собственно дневником (дневником для себя) и литературным дневником, предполагающим публикацию и внешнего адресата.

Е.Э. Разлогова

(Москва)

К проблеме изменения статуса стилистических фигур при переводе

1. Относительно текста (как художественной, так и не художественной направленности) или его фрагмента можно задаться вопросом о наличии/отсутствии в нем стилистических фигур. Мы будем различать четыре типа ситуаций:

A. Наличие авторской фигуры. Этот тип фигур может быть труден для понимания вне контекста, например: *птица...несколькими прыжками на крыльях взлетела на высоту* (Платонов); *Gabriel s'esclaffa en voyant Turandot friser la jambe* (Queneau); сюда же относятся различного рода неологизмы или, например, синтаксические фигуры, в поэзии Малларме.

B. Наличие достаточно употребительной для данного сообщества (эпохи, жанра и т. п.) фигуры: например, «стандартные» метафоры или иные клишированные формы (*кровавый закат*) и пр.

C. Наличие лексикализованной фигуры – фигуры, которая уже не всегда ощущается таковой носителями языка, которая вошла в его лексический состав (*авторитет падает, saisir la justice*). Фигуральные значения (лексикализованная метафора, метонимия, ирония, эвфемизм и т. п.) могут различаться даже в близких языках, поскольку часто соотносятся с разными «прямыми» значениями.

D. Отсутствие фигур.

Мы будем рассматривать все типы фигур, а именно морфологические, синтаксические, смысловые (тропы), фигуры «мысли».

2. При переводе фигура, присутствующая в оригинале, может либо передаваться «нейтральным» текстом, либо фигурой с тем же, или же с

другим статусом. Так, например, авторская фигура оригинала может переходить в авторскую фигуру в переводе, авторская фигура оригинала может не иметь «фигурального» эквивалента в переводе. Нейтральный контекст оригинала может переходить в стандартно образный в переводе и т. д. Теоретически возможны при выделенных четырех исходных типах фигур 16 вариантов перехода – 4 отражают «эквивалентный» (относительно критерия фигуральности) перевод, 6 – «понижение» и 6 – «повышение» степени фигуральности перевода относительно оригинала.

В переводах художественной прозы (и этот факт отмечается, в частности, в работах «новых буквалистов»^[39]) традиционно наблюдается понижение степени фигуральности относительно авторских фигур. Переход авторской фигуры оригинала в авторскую фигуру в переводе статистически наблюдается реже, чем нейтрализация или ослабление авторской фигуры (перевод в стандартную фигуру). Так, например, приведенная выше фраза из Платонова переводится на французский язык как *l'oiseau ... en quelque prompts coups d'ailes prit de la hauteur*. Случаи, когда нейтральному тексту оригинала соответствует авторская фигура, известны как «компенсаторные» – таким образом восстанавливается баланс «фигуральности» между оригиналом и переводом, если предшествующие авторские фигуры оригинала не нашли отражения в переводе. В то же время стандартных фигур (тип В) в переводе часто бывает больше, чем в оригинале, поскольку они обеспечивают литературность, «красивость» текста перевода, его легкое восприятие представителями культуры языка перевода.

Предлагаемый подход может применяться к анализу контекстов разного объема (от фразы до целого произведения). Вопрос о смысловой эквивалентности фигур требует особого рассмотрения: часто предлагаемая в переводе, например, авторская фигура достаточно далека по смыслу от исходной.

Таким образом, **критерий фигуральности** отличается от традиционных оценочных аспектов перевода (точный, близкий к тексту по духу и т. п. перевод).

3. Переводная литература в общем случае занимает **периферийное** положение по отношению к литературе национальной^[40]. Переводные произведения, тем не менее, могут быть

очень значимы в тех случаях, когда национальная литература еще находится в периоде становления или является вторичной, когда национальная литература переживает кризис и т. п.

Перевод, как правило, находится под влиянием национальной литературы (литературы языка перевода) периода своего создания (ср., например, переводы некоторых произведений А.С. Пушкина на французский язык первой половины 19-го века с отголосками эпохи *belles infidèles* с введением множества синтаксических фигур, которые существенным образом отличаются от переводов последнего периода, часто без рифмы).

Не только эпоха, но и личность переводчика также влияет на степень фигуральности перевода и «качество» фигур: так, К. Бальмонт, переводя «Овечий ключ» Лопе де Веги, стремится к самовыражению, создает новые сравнения, метафоры и поэтические образы – символы в духе эстетики символизма^[41].

В национальной традиции фигуры (по крайней мере, некоторые из них) могут иметь различный статус. Так, например, **ирония** была предметом большого количества описаний во франкоязычной и англоязычной литературе (существуют франкоязычные учебные пособия, посвященные иронии), в то время как в отечественной традиции, по крайней мере, до последнего времени, ирония в меньшей степени привлекала внимание исследователей. По всей видимости, это свидетельствует о том, что и сама эта фигура до какого-то момента не являлась одинаково «употребительной» в разных языках, ее ценностный статус, степень социального престижа также были различны (ср. критику *иронии* как жизненной установки у А. Блока).

Все эти факторы влияют на наличие и состав фигур в переводе.

Разлогова Елена Эмильевна –

д. филол. н., в.н.с. НИВЦ МГУ

А.И. Рейтблат

(Москва)

«Из грязи в князи»: изменение статуса жанра пьесы-сказки в русском театре второй половины XIX – первой половины XX в.

С конца 1850-х гг. сказочные произведения исчезают с русской сцены, поскольку тогда в русской литературе (и, в частности, в драматургии) стала господствовать социально-реалистическая эстетика. В подобной трактовке искусство должно содействовать социальному прогрессу, анализировать реальные проблемы общества. Сказка же (как и вообще все волшебное, фантастическое) трактовалась как неполноценное, уводящее от истинного познания художественное средство и считалась пригодной только для дидактических целей. Поэтому в качестве подходящего для нее адресата рассматривались лишь народная и детская аудитория. Но среди театральной публики они тогда практически не были представлены. Существовала сказка тогда лишь в литературе и в так называемом «фольклорном театре», т.е. в спектаклях, разыгрываемых непрофессиональными исполнителями из низовой среды для зрителей из этой же среды.

Ситуация стала меняться в 1880-е гг. Во-первых, постепенно развивается театр для социальных низов: и в форме коммерческих балаганных театров, действовавших в крупных городах во время праздничных гуляний, одной из основных разновидностей репертуара которых были сказочные пьесы; и в форме «народных театров», создаваемых просвещенной элитой в воспитательных целях. Сказки на сцену последних проникали с трудом, но появляются первые публикации написанных для народной аудитории пьес-сказок. Во-вторых, к театру приобщаются дети. С 1880-х гг. в ряде театров по выходным дням стали давать для детей утренние спектакли по пониженным ценам и понадобился чисто детский репертуар; кроме того, быстро развивался так называемый самодеятельный театр, т.е. постановка пьес силами любителей (детей в семье, гимназистов и т.д.). В-третьих, перемены идут и в обычном театре. Во второй половине 1860-х – 1870-х гг. реформы и социально ориентированная идеология сталкиваются с серьезными трудностями, наблюдается определенная усталость от общественной и идеологической борьбы, что приводит к смягчению эстетического ригоризма. В 1873 г. на русской сцене появляется наконец сказка — «Снегурочка» А.Н. Островского. Театральная критика характеризовала ее исключительно негативно — как уход от реальных жизненных проблем. В результате пьеса довольно быстро сошла со сцены, однако почин был положен.

Дальше, под давлением «народного» и детского зрителя, культурный статус которых постепенно рос, идет медленный процесс легитимации жанра пьесы-сказки. Особенно заметные сдвиги произошли в конце XIX в., когда натуралистическая эстетика перестала удовлетворять авторов и публику, поиски были направлены в сферу «высших» ценностей, и на сцену стали проникать пьесы с фантастическим элементом. Успех сказочных пьес Метерлинка, Гауптмана и др. зарубежных драматургов помог сказке существенно повысить свой статус в русском театре. Правда преобладали не чистые сказки, а притчи, аллегии, мистерии (И.Ф. Анненского, Вяч. Иванова, Ф.Сологуба, З.Гиппиус, А.М. Ремизова и др.), но в 1909 г. в Петербурге был создан (и существовал в течение года) специализированный театр «Сказка», что свидетельствует, что пьеса-сказка к тому времени стала полноправным драматургическим жанром.

После кардинальных перемен конца 1910-х – начала 1920-х гг. «народ» и «дети» стали в государственной идеологии приоритетными инстанциями, да и в реальной аудитории их удельный вес существенно повысился. В результате жанр пьесы-сказки стал одним из ключевых (Е.Шварц, М.Булгаков, С.Маршак, Т.Габбе и др.)

Таким образом, за полвека этот жанр, к которому вначале презрительно относилась культурная элита, из сугубо маргинального превратился в «нормальный», используемый рядом крупнейших драматургов советской эпохи.

Рейтблат Абрам Ильич – к. пед. н.,

член редакции журнала "Новое литературное обозрение",

зав. отделом редких книг Российской государственной библиотеки по искусству

Ирина Савкина

(Тампере, Финляндия)

Женский (девичий) дневник: между приватностью и публичностью

Определить жанр дневника очень просто интуитивно и весьма трудно дефинитивно. Проблематичны границы его со смежными жанрами (неретроспективность в отличие от автобиографии/воспоминания) и неадресованность (в отличие от эпистолярия); трудно поддаются классификации многообразные дневниковые практики, особенно если речь идет о "обычном письме" (термин Д.Фарба).

Эффективнее всего, на наш взгляд, не пытаться искать четкие дефиниции и рубрикации, а пытаться исследовать различия внутри дневниковых практик, например, связанные с возрастом и полом (гендером) пишущего/щей. В этом смысле можно выделить особо женский и/или девичий дневник.

То, что женщины, и особенно девушки, ведут дневники чаще, чем мужчины/юноши - общеизвестно. Помимо психофизиологических причин, которых мы здесь не касаемся, на то есть причины историко-культурные. Наблюдение Ф.Лежена о том, ведение дневника предписывалось девушкам, а не юношам, так как женщине была уготована сфера частной жизни, к которой в качестве инструмента (само)воспитания и должен готовить дневник, сделанное на французском материале^[42], вполне применимо и к России. Кроме того, дневник для девушки прошлых веков – это почти единственное легализованное пространство творчества и самовыражения.

Дневник – способ конструирования собственной идентичности. Нарративная идентичность, изменчивая, процессуальная и нефиксированная, создается актом письма, в диалоге с собой, значимыми *другими* и предлагаемыми социокультурным контекстом конструкциями "самости" и "другости". Приватное пространство дневника на всем протяжении и на разных уровнях находится в напряженном диалоге с публичным: с доминантными идеологическими дискурсами, влиятельными литературными (культурными) моделями, с символическими "другостями" и более конкретными репрезентациями "ты". Фелисити Нуссбаум полагает, что и дневниковые тексты можно читать "как модели сигнификаций, как лингвистические репрезентации, происходящие из различных дискурсов, имеющих в распоряжении в определенный исторический момент". Я дневника, как и любой автор текста, – *locus*, место пересечения, диалога или конфликта дискурсов"^[43].

И дневниковое "Я" и те многообразные "Ты", по отношению к которым оно "разыгрывает" себя, непременно имеют гендерные коннотации, более значимые для женского/девичьего дневника, потому что, как замечает Сюзанна Фридман, женщине всегда приходится осознавать самое себя как существо, идентичность которого дефинирована по отношению к доминирующей мужской культуре по установкам этой культуры. То есть женское дневниковое Я всегда конструируется на осознании культурной категории "женщина" для моделей женской индивидуальной судьбы^[44].

Это в частности означает и то, что женский приватный текст в большей мере подконтролен, создается в поле напряжения между приватным и публичным.

Такой контроль бывает внешним и буквальным. В определенный исторический период девичьи дневники почти в обязательном порядке "проверялись" матерями и наставниками.

Однако речь идет не только о внешнем контроле, а о присутствии внутри текста постоянного патриархатного (идеологического) контролера – патриархатного *ты*, носителя концепций "правильной женственности", с которым дневниковое Я ведет непрерывный диалог (иногда спор).

Этот контроль осуществляется и при издании женских дневников - когда они цензуруются и редуцируются согласно нормам господствующего (патриархатного) канона^[45].

Однако, ситуация женщин в мире меняется, меняются ли женские дневники? Можно ли распространить выводы, сделанные на материале дневниковых практик XIX века^[46] на более поздние образцы женских дневников?

Анализ дневника обыкновенной советской девушки Ирины Х. (1968-1970) показывает, что модель дневника самовоспитания "в присутствии" идеологического контролера остается актуальной. В рассматриваемом дневнике собственный многообразный мир – внешний и внутренний – изображен по преимуществу в той его части, которая может быть предъявлена публичному осмотру и соответствует моделям "советского человека" и "советской женщины". Одновременно в акте письма женское Я пытается не только подчиняться, но и бунтовать и находить способы выхода из-под насильственного давления доминантных

дискурсов и образцов, в том числе и с помощью стратегий "телесного" письма, описанных в феминистской критике.

Савкина Ирина Леонардовна –

доктор философии, лектор отделения Русского языка и культуры университета .Тампере, Финляндия

(Irina Savkina; Ph. D Lecturer of Russian Literature

Slavonic Philology University of Tampere, Finland)irina.savkina@uta.fi

С.О. Савчук

(Москва)

Дневниковый текст: из опыта корпусного исследования

В настоящее время как у читателей, так и у исследователей наблюдается устойчивый интерес к документальной прозе, о чем свидетельствуют и возрастающие тиражи литературы non-fiction, и количество работ по этой проблематике в рамках разных гуманитарных наук – литературоведения и лингвистики, истории, социологии, психологии, философии, культурологии, искусствоведения.

Лингвистическое изучение мемуарно-биографических текстов (по другой терминологии, эго-текстов, эго-документов) сосредоточивается на таких аспектах, как определение лексико-стилистической специфики эго-текста среди других форм повествования, описание жанрового состава и жанровых особенностей эго-документов, возможности их типологического и сопоставительного анализа, эволюция жанров эго-документов и пр.

При этом самостоятельной задачей является установление корреляций между типологией текстов, построенной на основе «внешних», экстралингвистических факторов (ситуативных параметров) и результатами лингвистического анализа языковой ткани текста на основе «внутренних» языковых признаков. Для выявления лингвистических и стилистических особенностей мемуарной прозы в ее жанровых разновидностях и на фоне смежных жанров необходимо привлечение большого количества текстов.

Такую возможность исследователю предоставляет Национальный корпус русского языка.

Документальная проза занимает в Национальном корпусе заметное место: в настоящее время объем мемуарно-биографических текстов составляет более 24,5 млн. словоупотреблений, или около 17% корпуса. Сюда относятся прежде всего опубликованные мемуары, записки, дневники, записные книжки, биографии, автобиографии, переписка. Авторы этих текстов – писатели, журналисты, ученые, политики, деятели культуры, спортсмены. В корпус включены также неопубликованные тексты (письма, дневники, записки), созданные не известными, «непубличными» людьми. Кроме того, имеется довольно представительное собрание личных деловых документов.

Исследователи подчеркивают трудность определения функциональной принадлежности мемуарных текстов. Это объясняется как сложностью самого феномена документальной прозы, так и недостаточной изученностью этого типа текстов в науке. В стилистике и журналистике жанры документальной прозы относят к «промежуточным», сочетающим в себе признаки художественных и публицистических текстов. С публицистикой их сближает то, что они описывают реальные факты и события жизни, прямо выражают авторскую позицию и оценку событий. С другой стороны, в мемуарных текстах широко используются художественные средства – изображение сцен, событий, пейзажные, портретные зарисовки, живые диалоги и другие композиционные и стилистические средства, характерные для художественной литературы. Кроме того, жанры мемуарной прозы обнаруживают близость с другими сферами коммуникации: ср. такие жанры, как научный дневник наблюдений, экспериментов, экспедиций, деловая автобиография, деловые и личные письма, записные книжки, хозяйственные записи, сетевой дневник и т.д.

В докладе приведены результаты корпусного исследования дневниковых и мемуарных текстов с целью выявления лингвистических признаков, которые могут служить основанием для отнесения этих текстов к художественной или публицистической сфере. Дневниковые тексты сопоставляются по целому ряду параметров с такими смежными текстами, как мемуары, устный рассказ, тексты электронной коммуникации,

публицистический очерк и эссе, художественная проза, в том числе литературные мемуары и биографии, историческая и массовая литература.

Показано, что по своим стилистическим особенностям дневниковые и мемуарные тексты обнаруживают наибольшую близость к очерку и эссе, которые в журналистике относятся к художественно-публицистическим жанрам, что подтверждает правильность принятого решения при характеристике мемуарных и дневниковых текстов в корпусе относить их к публицистике, считая ведущим признаком их фактографичность. Степень художественности мемуарных текстов рассматривается как вторичный признак, который может вовсе не присутствовать в некоторых из них (таковы, в частности, мемуары политических деятелей).

Кроме того, на корпусном материале проверяется весомость критериев, которые используются в исследованиях дневниковых текстов для определения их специфики, а также обоснованность бытующих в работах по стилистике утверждений о том, что дневник представляет собой письменную форму разговорной речи, электронная коммуникация является письменной формой устной речи и т.д. Делаются выводы о возможностях использования корпусного метода и материалов Национального корпуса русского языка в типологических исследованиях текста.

Савчук Светлана Олеговна –

к.ф.н., с.н.с. Ин-та русского языка РАН,

Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

С.Ю. Семенова

(Москва)

Об опыте написания семейной хроники (конца 1970-х - начала 2000-х годов)

Речь идет о мемориальной деятельности, возникшей у автора после потери мамы, а именно, об описании жизни семьи по годам, с 1978-го – года

смерти бабушки по маме, и до последнего маминого утра - 6 марта 2004 года.

Ведется и лексикографическая работа - с целью запечатлеть по памяти единицы ушедшего идиолекта и вообще того языка, на котором говорила семья до горестного события [3, 4]. Файл семейных высказываний сейчас содержит более 7 тыс. записей. Многие высказывания, особенно игровые, представляются языковыми свидетельствами душевного уюта, подаренного ушедшим человеком. Мемориальный лексический файл мог бы служить и научным целям, например, в рамках такой проблематики, как язык семьи, язык советского и российского города, цитация, пародирование, диахрония, отражающая связь поколений.

В сообщении рассматривается работа над семейной летописью, охватывающей вторую половину маминой жизни. Годы вспоминаются с неожиданной степенью подробности. Хронологию помогают восстанавливать медицинские дневники мамы и заметки автора. Получающийся жанр можно отнести к домашней письменности [2].

При написании происходит постоянное переключение от "постистории" к синхронному созерцанию [1]. Самонаблюдение улавливает смешение по крайней мере трех взглядов на происходившее - глазами мамы, глазами автора тогда и его взгляд теперь. Во многих моментах ощущается связность хода судьбы, не осознававшаяся (по крайней мере, не обсуждавшаяся) в живом потоке. Совершается переоценка поступков окружающих и своих собственных. Требуют отражения некоторые прошедшие рядом судьбы близких - людей маминого и предыдущего поколений.

К настоящему моменту закончены описания первых лет - с 1978 по 1981, некоторых недавних лет - с 1998 по 2001, и последнего отрезка - чуть более 60 дней 2004 года. С воссоздания последних 60 дней и началась работа - хотелось подробно рассказать о последних шагах по земле, личностном расцвете ушедшего человека, скрытом поединке с антонимом жизни, подвиге в болезни.

Представляется важным в целом, а не только в последний период, раскрыть личность ушедшего человека - через поступки, высказывания, повседневную рутину, созданную им атмосферу семьи. Запечатлеть (в том

числе ради самовоспитания) наблюдения над человеком в особо трудные периоды – преодоление им горя, затем болезней, социальных невзгод. Отразить вершимую душевную работу.

Неразрывно от семейной судьбы анализируется эпоха, ведь всё происходило в реальном советском и постсоветском контексте. Хотелось бы в виде фона правдиво отобразить облик 1980-х годов, показать затем, как влияли на "одну, отдельно взятую" семью перемены 1990-х. Затрагивается тема медицины – многочисленные, разные по впечатлениям и результатам встречи с людьми этой профессии.

Невольно, когда известен исход, на всем пути отслеживается поединок жизни и смерти, скрытая до времени тропинка к последней болезни. Поражает успокоенность близких перед трагедией; похожим опытом делились с автором некоторые знакомые, перенесшие потерю; явления э т о й сферы также требуют осмысления.

Таковы общие контуры мемориальной работы и некоторые обозначаемые в ней задачи. Текст планируется разместить в Интернете. Хотелось бы, чтобы сложный опыт ушедшего человека оставался полезен живущим.

Литература

1. Дмитриевская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты – М.: Наука, 1991. С. 78 – 85.
2. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) // М.: 2007.
3. Семенова С.Ю. Об ушедшем языковом творчестве
// <http://dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/semenova.htm>.
4. Семенова С.Ю. О файле памяти // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст: Тез. докл. Междунар. научн. конфер. (28 февраля – 1 марта 2007 г.) – М.: НИВЦ МГУ, 2007. С. 114 - 116.

Семенова Софья Юльевна, Софья Юльевна –
к. филол. н., с.н.с. ИНИОН РАН

К.Т.Сергазина

«Распросные речи» середины 18 века как исторический источник: Дело Учминского монастыря

Доклад посвящен проблеме аутентичности текстов протоколов допросов. В качестве источника рассматриваются «распросные речи» представителей религиозной субкультуры 18 века – христоверов. В фокусе исследования – самосвидетельство и текст допроса Варлаама, игумена Учминского монастыря Угличского уезда, в прошлом христовера.

Просмотренные материалы фонда первой комиссии о раскольниках бывшего архива министерства юстиции позволяют восстановить учение христоверов таким, каким видели его синодальные чиновники и миссионеры.

«Присланные из Синода пункты», которые задавали рамки допросам, были примерно такие [в квадратных скобках приведены предполагаемые ответы]:

1. информированность согласников о проводимом расследовании,
2. посещение согласниками собраний у стариц Настасьи и Елены в Ивановском монастыре [централизованное управление общинами],
3. знакомство с учением старца Иоасафа о «непреставлении света»,
4. знакомство с христоверами других общин,
5. трансляция учения и обращение согласников в общину,
6. деятельность московских общин,
7. тайна учения христоверов, [принципы учения не разглашались даже духовному отцу на исповеди],
8. заговоры против императорского дома и подметные письма,
9. крещение детей и погребение умерших согласников [по старым книгам],
10. чтения, молитвы [чтение дораскольного варианта Исусовой молитвы], чудеса и причастие, бывшие на собраниях [вместо причастия принимали нарезанный кусочками хлеб и воду/квас],
11. верчения и самобичевания [в собраниях вертелись «в разную силу», ожидая схождения Святого Духа],
12. «раскольники» внутри согласия и отношения с «раскольническими» учителями [предполагалась связь христоверов с приверженцами старого обряда].

В том случае, если христоверы были неграмотны и протоколы допросов заполнялись с их слов чиновниками, элементы следственного дискурса проникали в текст допроса легко – путем точной фиксации вопроса следователя с пояснениями в скобках.

Подобная практика конструирования текста допросов ставит под сомнение возможность рассматривать показания христоверов как самосвидетельства, но позволяет выделить значимые элементы как хлыстовского, так и следственного дискурса.

С этой точки зрения наиболее показательны самосвидетельство («донесение») и протоколы допроса игумена Варлаама. Вероятно, Варлаам знал о работе комиссии о раскольниках, ничем иным невозможно объяснить его донос, содержащий в себе как самообвинение (признание в посещении общины христоверов в течение двух лет), так и разглашение тайны исповеди. Допрос последовал через три дня после донесения.

Мы располагаем текстом донесения (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-3 об.) и полным текстом расспроса (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-14 об.) игумена Варлаама, записанного его рукой, но исправленного следствием. Анализ внесенных изменений является основным предметом доклада.

В тексте допроса встречается исправления

- неопределенного «бивали» (формы третьего лица множественного числа) на личное «бивал себя» (форма первого лица единственного числа),
- значительное количество исправлений формы «их» на «наших»,
- более сложные технически исправления «об оном их [испр. “наших”] злодеянии», «они [испр. “мы”] в собраниях своих кругом ходили».

Наиболее существенным добавлением можно считать приписку к пункту о неразглашении тайны вероучения. На основании этой приписки Варлаама лишили сана, несмотря на его уверения в том, что причастность христоверам осталась в прошлом, а принадлежности к староверам и вовсе не было.

Заслуживает особого внимания использование в тексте допроса евангельских фрагментов и толкований к ним.

Сергазина Карлыгаш Толегеновна –

к. ист. н., преподаватель Центра изучения религий РГГУ

И.Ю.Смирнова

(Москва)

Келейный дневник святителя Московского Филарета и его значение в эпистолярном наследии святителя

Святитель Московский Филарет (Дроздов; 1782–1867), выдающийся иерарх, богослов, проповедник, церковный и государственный деятель, определил

собой целую эпоху в жизни Русской Православной Церкви и России XIX в., по праву именуемую «филаретовской». На протяжении пятидесятилетнего служения в архиерейском сане он принимал участие во всех важнейших событиях церковной и общественной жизни. Неслучайно изучению его эпистолярного, богословского и гомилетического наследия посвящена целая область церковной истории, получившая название «филаретики».

На фоне обширного эпистолярного творчества митрополита Филарета особняком стоят его дневниковые записи, известные в литературе как «Келейный дневник святителя Филарета» и представляющие собой редкий образец автобиографических заметок митрополита. Уникальность дневника связана с тем, что Филарет предназначил ему особую роль – быть свидетелем его глубоких внутренних впечатлений и размышлений, откровений из области духовной жизни, а также сугубо важных автобиографических моментов.

Тематику дневника, хронологически охватывающего более четверти века иерархического служения Филарета (1827–1853), можно условно разделить на несколько разделов: 1) выписки из прочитанных сочинений духовно-созерцательного характера; 2) упоминание о духовных явлениях, наблюдаемых в природе и обществе; 3) свидетельства личного опыта соприкосновения с сакральной реальностью; 4) записи, относящиеся к контактам митрополита Филарета с членами императорской фамилии; 5) наиболее важные моменты административной деятельности Филарета и 6) описание событий, связанных с близкими к автору лицами. Каждый из указанных разделов ставит перед исследователем свои задачи и требует специального изучения.

Обзор сочинений, цитируемых святителем, указывает на его непосредственное знакомство не только со святоотеческим наследием Православной Церкви, но и с творениями духовных писателей Запада – наряду с Добротолюбием, Лествицей св. Иоанна Лествичника, Слов подвижнических св. Исаака Сирина и др., Филарет сознательно и творчески изучает труды архиепископа Кембрийского Франсуа Фенелона, его учителей и предшественников Франциска Сальского и Жанны Гийон, Фомы Кемпийского и мн. др. Интерес к духовно-мистическому опыту Римско-Католической Церкви для Филарета был свойственен с юности и, как можно видеть из его дневниковых записей и писем, отнюдь не утратился с годами.

Выявление причин интереса святителя Филарета к созерцательному богословскому наследию как восточной, так и западной традиции, а также осмысление этого духовного опыта в его собственном творчестве представляет важную и актуальную задачу.

Внимательное отношение святителя к явлениям и откровениям духовного мира, как чужого, так и личного, при характерной для него собранности, критичности и осторожности в оценках, указывает на тонкую духовную организацию внутреннего мира выдающегося иерарха и позволяет объяснить мотивацию его действий и распоряжений.

Строгая хронология при упоминании о таких событиях, как вызовы митрополита Филарета в Петербург, встречи с членами царской семьи, московская холера 1830/31 г. и проч., позволяет использовать дневник в качестве важного историографического источника, восполняющего другие документальные свидетельства. Кроме того, сам факт пунктуальной фиксации «императорских» посещений, распоряжений и приемов говорит об отношении Филарета к этим событиям как неординарным лично для него и выявляет необходимость исследования взаимоотношений святителя Филарета и русских императоров, которые во многом определяли статус Церкви в Российской империи в XIX в.

В дневнике также приводятся факты, относящиеся к ряду близких автору лиц, в числе которых – князь А.Н. Голицын, князь С.М. Голицын, К.М. Нарышкин и его сестра В.М. Нарышкина, а также мама святителя – Евдокия Никитична Дроздова. Факты, приводимые Филаретом в качестве наиболее значимых, могут служить важными и авторитетными свидетельствами при анализе неоднозначных и многофакторных исторических ситуаций.

Таким образом, келейный дневник митрополита Филарета (Дроздова), сам по себе являясь ценным историографическим источником, может быть полезен как дополнение к обширному эпистолярному наследию святителя, а сокровенный, особо конфиденциальный характер этой «памятной книжки» позволяет исследователю по-новому взглянуть на личность выдающегося иерарха, выявить наиболее существенные, личностные составляющие его внутреннего мира, наметить главные для него приоритеты в личной и общественной жизни.

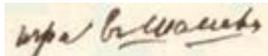
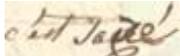
Н.А. Тарасова

(Петрозаводск)

Записные тетради Достоевского: проблемы текстологического изучения (на материале записей к роману «Подросток»)^[47]

1. Проблема установления текста.

Приведенные ниже примеры показывают содержание названной проблемы: ясно, что из существующих вариантов прочтения авторского слова только один – истинный, и он устанавливается через анализ почерка, языковые характеристики, тематический контекст. В таблице представлены два примера разночтений между рукописью романа «Подросток» и ее публикациями^[48].

№	ПСС	ЛН	Рукопись
1	Картина земли под снегом через 100 000 лет. ... (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в <u>Монаке</u> несравненно выше всего, что существует» (16, 17).	Картина земли под снегом через 100 000 лет. ... (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в <u>Монаке</u> несравненно выше всего, что существует» (69).	Картина земли подь снѣгомъ черезъ 100000 лѣтъ. ... (Чтобъ пустые холодные шары летали. Игра въ <u>шашки</u> несравненно выше / всего что существуетъ/) (РГАЛИ. Ф.212.1.12. Л. 23).
2	... почему Ст<арый> Князь принял участие в <u>дотировании</u> Лизы (cher enfant, enfin c'est <u>juste</u> <милое дитя, в конце концов, это <u>справедливо</u> – фр.>) (16, 173).	... почему ст. князь принял участие в <u>дотировании</u> Лизы (cher enfant, enfin c'est <u>juste</u> <милое дитя, <u>наконец</u> , это <u>правильно</u> – фр.>) (214).	... почему Ст. Князь принялъ участие въ <u>дотированіи</u> Лизы. (Cher enfant, enfin c'est <u>sacré</u> <Милое дитя, в конце концов, это <u>святое</u> – фр.>) (Л. 190).

Перед нами ошибки публикаций, влияющие на смысл авторского высказывания. Влияние это может быть разным по своим последствиям для текста: возможны искажение смысла, утрата смысла, наделение текста новым смыслом.

Из первого примера следует, что в печати вместо рукописного варианта «шашки» появляется слово «Монаке», – в результате запись утрачивает исходный смысл, и, наделенный новой семантикой, этот текст вместе с тем не обретает ясности^[49]. Из тематического контекста очевидно, что имеется в виду выступление Подростка у Дергачева (13, 49). В записной тетради есть примеры, подтверждающие правильность чтения «шашки»: «Я не могу съ этимъ не согласиться (т. е. что это все равно и что никто [при] невиновать), но [въ такомъ случаѣ] игра двухъ лавочниковъ въ шашки] имѣя разумъ не могу не признать этого ужасно глупымъ, несмотря ни на какую невинность, и игра двухъ лавочниковъ въ шашки бесконечно умнѣе и толковѣе всего бытія и вселенной»^[50]; «безъ Христа (православнаго) и христіанства жизнь человѣка и человѣчества немыслима, потому что иначе жить не [стоитъ] стоять. (т. е. на мгновеніе, лавочники и шашки, ледяные камни-планеты и проч.)»^[51] (подчеркнуто мной. – Н. Т.). В рукописях подробнее раскрывается христианский подтекст темы, в печатном тексте представленный аллюзией «любить ближнего». Кроме того, в рукописи мотив «игры в шашки» и рассуждения о бессмысленности бытия связаны не только с образом Подростка, но и с образом Версилова.

Частотны разночтения при публикации записей на французском языке, которые довольно многочисленны в рукописях романа «Подросток»: неверно разобранные слова меняют смысл высказывания, а стало быть, при восстановлении авторской записи необходима подготовка нового перевода французского текста (второй пример).

2. Проблема условных обозначений в рукописном тексте.

Исследование семантики и идеографии условных обозначений Достоевского показывает отношение автора к литературной традиции, значение христианских представлений в формировании художественных идей на стадии черновых записей и в окончательном тексте произведения, а также позволяет интерпретировать романские мотивы и образы в новом тематическом контексте. Графические символы в рабочих тетрадях писателя, представляя собой смысловую целостность, являются семантическим

«ключом» к пониманию поэтики произведения. Особенно выделяется многократное повторение в рукописях трех обозначений: нос, солнце, православный крест. Изображение носа указывает на художественную функцию этого образа в повести Гоголя «Нос» и определяет значение и содержание фабульной «интриги» в романе «Подросток». Знак солнца в «Подростке» обладает более сложной семантико-поэтической структурой, чем в «Дневнике писателя». В символическом изображении солнца в романе историософская тема, проявившаяся в авторской оценке нигилизма и безверия как примет духовного «обособления» людей («все врознь»), соединяется с идеалом веры, любви, милосердия и прощения, абсолютным отражением которого в рукописном тексте Достоевского становится знак православного креста.

Тарасова Наталья Александровна –

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Петрозаводского государственного ун-та

Н.Т.Тарумова

(Москва)

Н.В.Бугаев – личная переписка^[52] (по материалам архивного фонда в ОРКиР НБ МГУ)^[53]

Работа посвящена изучению эпистолярного архива Николая Васильевича Бугаева (1837-1903), отца известного писателя-символиста серебряного века Андрея Белого (Б.Н. Бугаева; 1880-1934), и его историко-литературоведческому исследованию.

В докладе рассматривается и анализируется личная переписка Н.В. Бугаева. Письма помогли расширить круг родственных связей Н.В. Бугаева ранее неизвестных.

Николай Васильевич Бугаев (14/27.09.1837г. Северный Кавказ, Душет – 29.05.1903, Москва), математик, декан физико-математического факультета Московского университета, член корреспондент Императорской Академии

наук, философ, общественный деятель, являлся почетным членом многих русских и зарубежных ученых обществ.

Исторически так сложилось, что фигура Н.В. Бугаева – крупного ученого-математика оставалась в тени своего известного сына. Значение отца в духовном развитии Андрея Белого, в отличие от исключительной роли его матери, выяснено исследователями еще недостаточно. Очевиднее стала необходимость планомерного изучения архивных фондов с целью выявить еще неизвестные документальные материалы, помогающие с наибольшей полнотой осветить жизненный и литературный путь поэта, его идейные искания. Хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова фонд Николая Васильевича Бугаева не был доступен для исследователей на протяжении всего времени своего существования. В настоящий момент автором данного доклада фонд полностью разобран и описан. В фонде насчитывается 415 единиц хранения, что составляет 7426 листов. Это самый значительный по объему архивный фонд Н.В. Бугаева из существующих. Например, в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) ф.418, 10 единиц хранения в основном, это узкоспециализированные документы, свидетельствующие о продвижении Н.В. Бугаева по служебной лестнице; в Архиве МГУ им. М.В. Ломоносова находится небольшой фонд Н.В. Бугаева (Ф. 235), состоящий из 23 единиц хранения, он включает в себя около 100 фотографий; в РГБ научно-исследовательском отделе рукописей, фонд 25 (Белый А.), 12 единиц хранения, это письма к сыну разных лет.

В архивном фонде (ОРКиР) Н.В. Бугаева имеется переписка, которая представляет значительный интерес для изучения семейной жизни, научной деятельности и философских изысканий профессора. Переписка – благодатная почва для любого исследователя. В письмах появляются новые имена, из нее мы узнаем о ранее неизвестных событиях. Переписка всегда эмоционально окрашена и обогащает наши представления об авторе.

Данное исследование проливает дополнительный свет на отношения отца и матери Андрея Белого и является ценным документальным материалом для характеристики весьма своеобразной, выдающейся и счастливой в науке личности самого Н.В. Бугаева.

В архивном фонде находятся 97 документов семейной переписки. В основном это письма Н.В. Бугаева разных лет к жене, А.Д. Бугаевой (урожд.

Егорова; 1858-1922), когда он (с 1890г.) ежегодно выступает в качестве председателя Испытательных комиссий в различных университетах. С 1882-1902 гг. 74 письма; 13 писем с 1877-1879гг. к невесте А.Д. Егоровой;

9 писем с 1892-1902гг. принадлежат А.Д.Бугаевой к мужу; 1 письмо (20.07.1898) от сестры Александры Васильевны Ильяшенко, где она дает характеристику своему брату.

Особый интерес, несомненно, привлекают письма Н.В. Бугаева к невесте А.Д. Егоровой.^[54] Александра Дмитриевна родилась в Москве в купеческой семье и слыла московской красавицей. Отец боготворил ее и разрешал все, что ей ни взбредет в голову. После смерти отца – семья в год лишилась всего, наступила ужасная нищета. В мемуарах А. Белый пишет: <...> *С отцом познакомилась она на предводительском балу; странно: отец в молодости, томясь тем или иным математическим открытием, испытывал настоящие муки творчества; и, чтобы рассеяться и угомонить мысль, начинал бывать всюду; и – на балах; отец был поклонником женской красоты; но чтил в красоте какие-то геометрические законы; когда ему указывали на хорошенькую, он подбегал к ней, тыкался носом в нее, подперев руками очки, и измерял соотношения: лба, носа, рта; на фигуру, на жест не обращал он никакого внимания; лишь на геометрию линий лица. <...> отец, увидав мать, увидел искомую им формулу соотношений пропорций: лба, носа, рта; и тоже представился; из этого представления возникло знакомство: отец, попав в дом матери, ахнул, увидев ужасный развал, нищету; и даже: опасности, грозящие «московской красавице»; он стал другом дома, опекуном, спасителем, сторожем; и – влюбленным; три раза делал он предложение; и – получал отказ. Наконец мать согласилась; <...> Мать вышла замуж за «уважение»; отец женился на «пропорциях»; но ни «уважаемых пропорций», ни «пропорционального уважения» не сложилось никак.*^[55]

В письмах имеются новые факты, подтверждающие перипетии бурных отношений.

Новый материал для творческой истории дают письма Н.В. Бугаева к жене 1882-1902 гг. и к сыну 1897-1902 гг. Данный материал помог проследить самобытный путь крупного ученого, его идейные и эстетические искания, особенно, в отношении к сыну. Так, по письмам, сохранившимся в ОРКиР НБ МГУ, можно видеть, каким волнующим для обеих сторон был этот

эпистолярный диалог, расширяющий источниковедческую базу будущих исследований жизни и творчества как самого ученого, так и А. Белого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

ОРКиР – Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ

РГБ – Российская Государственная библиотека, Москва

ЦИАМ – Центральный Исторический архив г. Москвы

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л.: «Земля и Фабрика», 1931

Белый А. Начало века. М.; Л.: «Земля и Фабрика», 1931

Архив МГУ им. М.В.Ломоносова, фонд 235 (Бугаев Н.В.)

Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ (ОРКиР НБ МГУ), ф.41 (Бугаев Н.В.)

Российская Государственная библиотека научно-исследовательский отдел рукописей, Москва; фонд 25 (Белый А.)

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ) ф.418(Бугаев Н.В.)

Тарумова Наталья Тимофеевна – филолог,

ведущий специалист НИВЦ МГУ

О.В. Тетерина

(Черкассы, Украина)

Автобиографическая проза Густава Герлинга-Грудзинского

Предметом исследования являются прозаические произведения «Иной мир. Советские записки» и «Дневник, написанный ночью» польского писателя-эмигранта Густава Герлинга-Грудзинского.

Трудно однозначно определить, к какому жанру литературы относится «Иной мир». Есть в нем и элементы воспоминаний, дневниковых записей, репортажа, эссе... Это разновидность современной автобиографии. С. Стабро рассматривает «Иной мир» как «пограничье традиционного романа и

литературы факта (...) при аморфичности, фрагментарности и эссеизме, которым характеризуется все творчество Герлинга-Грудзинского в целом» [1, 23]. Книга содержит в себе воспоминания Герлинга-Грудзинского о пребывании в заключении в Витебске, Ленинграде, Вологде и исправительно-трудовом лагере в Ерцево Архангельской области. Автора с легкостью можно отождествить с повествователем, тогда как и повествователь и герои произведения сохраняют имена прототипов, иногда в сокращенном варианте. Автор-рассказчик не приводит только сухие факты, но анализирует их, оценивает и представляет собственную перспективу их восприятия. Герлинг-Грудзинский описывает лагерные условия жизни и идет дальше, одновременно повествуя о сути тоталитаризма, о границах человечности и о силе преодоления судьбы человеческим достоинством.

«Дневник, написанный ночью» содержит классические дневниковые записи наравне с эссе об искусстве, политическими комментариями и выдуманными историями. Итальянский критик Francesco Cataluccio определяет его как «роман-мозаику в дневниковой форме» [2, 4]. Это дневник настолько уникальный, что не содержит в себе обычной для дневника личной или даже интимной ноты, он стремится обрисовать, охватить хотя бы обрывочный узор эпохи. И в этом стремлении, упрямом и настойчивом, является произведением человека, у которого за плечами тоталитарный опыт нашего времени и который никогда об этом не забывает.

О дневнике идеальном, каким его себе представляет сам автор, он говорит так: «Проходит в нем то быстрее то медленнее, то на сцене, то в глубине история, спущенная с цепи (...) А в левом нижнем углу, по образцу некоторых ренессансных картин, миниатюрный с едва заметными очертаниями автопортрет наблюдателя и хроникера» [3].

Цель доклада – проанализировать автобиографизм произведений «Иной мир. Советские записки» и «Дневник, написанный ночью».

Литература

1. Burek T. Cały ten okropny świat. Sztuka pamięci głębszej a zapiski w Innym świecie (w:) Etos i artystyzm. Rzecz o Herlingu-Grudzińskim. Poznań, 1991.
2. Gustaw Herling-Grudziński. Być i pisać. // [Zwoje \(The Scrolls\) 4 \(24\), 2000](#).
3. Marek Radziwon. Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego, Bolecki, Włodzimierz // Gazeta Wyborcza 2005-05-16.

Тетерина Ольга Вячеславовна – преподаватель польского языка
кафедры теории и практики перевода
Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого

А.В. Уланова

(Москва)

Автобиография М.А.Ильина как источник для реконструкции генеалогического древа старинного дворянского рода^[56]

В последние годы значительно возрос интерес к такой вспомогательной исторической дисциплине, как генеалогия. Эта положительная тенденция служит возрождению семейных традиций и ценностей, ведёт к осознанию значимости каждой личности в обществе и истории.

Тот факт, что крупный учёный, историк отечественного искусства, исследователь и знаток Подмосковья, профессор МГУ Михаил Андреевич Ильин (1903 – 1981) был племянником выдающегося русского религиозного философа и правоведа, профессора Московского университета Ивана Александровича Ильина (1883 – 1954), мало известен даже специалистам. В 2007 г. группа исследователей приступила к научной работе по составлению описи личного архивного фонда И.А. Ильина, переданного, согласно его завещанию, в МГУ из Мичиганского государственного университета (США).

Сбор и публикацию документальных материалов по родословной Ильиных впервые осуществил Ю.Т. Лисица^[57]. Родоначальником династии был коллежский советник Иван Ильич Ильин (1764 – 1832), получивший в 1796 г. дворянский титул. Его сын – Иван Иванович Ильин (1799 – 1865) – полковник, инженер-строитель, возводивший Большой Кремлёвский дворец, в браке с Любовью Петровной (урождённой Пузырёвой) имел 9 детей: шесть сыновей и три дочери. Один из младших сыновей, Александр Иванович Ильин (1851 – 1921), губернский секретарь, присяжный поверенный Московской судебной палаты, известен как отец философа Ивана Александровича Ильина (Указ. соч. С. 8-10).

Для дальнейшей разработки данной тематики автором была привлечена автобиография М.А. Ильина^[58]. Направление исследований было задано сообщением о том, что М.А. Ильин родился в семье земского служащего Бронницкого уезда. В Музее истории города Бронницы данный факт подтвердился. Предводителем дворянства Бронницкого уезда с 1876 по 1878 и с 1887 по 1890 годы, а также почётным мировым судьёй и гласным земской управы являлся Николай Иванович Ильин (1837 – 1907) – дед М.А. Ильина^[59]. Земства являлись органами местного самоуправления. Для работы в них избирались лица, постоянно проживающие в данной местности. Возникло предположение о существовании где-то в этом районе имения Ильиных. По территории бывшего Бронницкого уезда (сегодня Раменский район Московской области) проходит Московско-Казанская железная дорога. Одна из платформ этой ветви носит название «Ильинская», как и посёлок, к ней примыкающий. Требовалось найти документы. Особый интерес вызвал отрывок из воспоминаний М.К. Морозовой (1873 – 1958) – учредительницы московского Религиозно-философского общества, владелицы издательства «Путь», директора Музыкального общества, которая писала:

«Летом мы ездили в Быково к бабушке. Тогда это было роскошное имение, принадлежавшее Николаю Ивановичу Ильину, жена которого была в родстве с бабушкой, и потому бабушка из года в год там жила, нанимая флигель. Летом там бывало очень весело, было очень много молодёжи и детей. Часто устраивали пикники в Красковский лес. Теперь все эти места застроены дачами, а тогда это был глухой лес. Быково было тогда чудной усадьбой. Там был чудный дом-дворец (постройка Баженова) вроде замка, из красного кирпича, отделанного белым камнем. Кругом дома шли огромные террасы, а в доме были огромные красивые комнаты. Он стоял высоко на горе, внизу был пруд, на другой стороне которого стояла белая с колоннами старинная беседка «Эрмитаж». Кругом был большой парк, который спускался к Москва-реке. От въезда в усадьбу шла аллея к большому дому, по одной стороне её тянулись оранжереи и теплицы, и я помню, что они были полны ананасов и персиков; по другую сторону аллеи шли огромные огороды клубники и разных ягод»^[60].

«Быково» – станция перед платформой «Ильинская». В Раменском историко-художественном музее были найдены сведения о Н.И. Ильине как об инженере-путейце и книга краеведа-любителя, служащего Московско-Казанской железной дороги Алексея Тимофеевича Саладина (1876 – 1918) «Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги», изданной в 1914 г. Отдельные её главы посвящены станциям «Быково» и «Ильинская», где сообщается, что дачный посёлок Ильинский и одноимённая платформа названы в честь

строителя дороги и землевладельца Н.И. Ильина^[61]. Николай Иванович был не рядовым инженером, а акционером *первой в России частной железнодорожной компании* «Общество Московско-Рязанской железной дороги». При строительстве ветвей Москва – Егорьевск и Москва – Зарайск он был назначен Управляющим дорогой^[62]. Сохранение в топонимике Подмосковья дореволюционных названий «Посёлок Ильинский» и «Платформа Ильинская» само по себе удивительно.

При разработке заявленной темы исследования получены результаты:

- восстановлена одна из ветвей родословной Ильиных
- установлены даты жизни родоначальника династии И.И. Ильина
- найдены сведения о ранее не известном имени Ильиных – «Быкове»
- подтверждена авторская гипотеза о названии посёлка и платформы в честь Н.И. Ильина
- обнаружено документальное свидетельство о существовании на Ваганьковском кладбище Москвы фамильного захоронения Ильиных^[63].

В докладе представлена частичная реконструкция генеалогического древа, работа над которой продолжается.

[Уланова Анжела Владимировна – программист I категории](#) НИВЦ МГУ

Наталья Фатеева

(Москва)

Дневники «новых русских» как источник изучения современного городского социолекта

В докладе предполагается рассмотреть произведения, которые можно отнести к жанру chicklits: «Дневник Луизы Ложкиной» К. Метелицы, «Дневник новой русской» Е. Колиной, «Московский беСтиарий. Болтовня брюнетки» М. Царевой. Они интересны для лингвиста прежде всего тем, что в них отражены тенденции развития московского социолекта последних лет (преимущественно лиц до 30 лет), а также особым способом построения

текста на грани языковой игры и стеба. Фактически мы имеем дело с «разговорным» вариантом письменной речи (ср. подзаголовок «Болтовня брюнетки»), которая имеет, с одной стороны, автокоммуникативный характер, с другой, — поскольку это фикциональный текст, направлена на установление контакта с себе подобными, поэтому и представляет собой определенный социолект (неслучайно в текстах немало сокращений, которые легко расшифровываются: *д/р; ф/ц/ваген* и др.).

Известно, что русский разговорный язык все активнее вбирает в себя элементы так называемого «общего жаргона», используемого хотя бы пассивно большинством городского населения. В язык активно входят и слова, обозначающие новые жизненные сферы, в том числе и маргинальные. Особенностью данных произведений является то, что они впитывают в себя ключевые слова этого социолекта. Так, почти все главы-новеллы «Московского беСтиария» озаглавлены подобными словами-маркерами — большинство из них заимствования («Бар-серферы», «Метросексуалы», «Экстремалы», «Лейбломаны» и др.), образующие словарь существ, которыми наполняется мегаполис. В самих же новеллах выстраиваются целые парадигмы обозначений видов деятельности, которые, может быть, и не являются новыми, но, получив новое иностранное наименование, обрастают специфическими для определенной группы людей коннотациями (ср. *бар-серфинг* 'неумеренное поглощение спиртных напитков'). При этом игровой момент заключен в том, что иноязычные понятия легко сочетаются с чисто русским стилем мышления. Недаром в книге, носящей название «беСтиария», одинаково прочитывается и знак доллара, и, благодаря шрифтовому членению, сема русского «беса». При этом главная героиня носит самую заурядную русскую фамилию, связанную с типичным женским занятием, — она Саша Кашеварова, однако жизнь переключает ее совсем в другие, отчасти полярные сферы, которые можно назвать «*Жизнь в стиле fake!*». Так получается, что именно с современной жизнью «каши не сваришь».

Не менее заманчиво и сочетание иноязычного имени и простецкой фамилии другой авторши дневника — Луизы Ложкиной, которая ласково зовет себя Луша. И действительно, в «Дневнике Луизы Ложкиной», который более всего похож на дневник даже имитацией рукописности в некоторых фрагментах, мы находим образец макаронической речи, воспроизводящей сам стиль жизни современного города (ср. *Было ощущение какого-то*

репита, как будто это когда-то уже было; Тыщи скандинавских мужчин хотят найти a Russian lady for Friendship&Marriage). При этом героиня не всегда уверена в правильности своей русской речи: она предлагает в скобках варианты (*Сейчас убежусь (убежусь, убеждусь??)...*) или нарочитые описки-оговорки (*Я проклятая, мерзкая, змейская полдюка. То есть подлюка;* в том числе имитирующие детскую речь). Остраннение дает себя знать и тогда, когда в записях неожиданно наблюдается коммуникативный переход от первого к третьему лицу (*Вчера Луша, конечно, струсил, двух многозначительных мэнов у стойки героически игнорировала, зато закупила полтонны детективов*) и тут же обратный (*и ни о чем не жалею потому что!!*). Нередко возникают и темпоральные перебивы — немотивированные перескакивания из настоящего в прошлое, из реального в воображаемое, закрепляющиеся вставочными конструкциями или особым членением текста. Эмоциональность же речи подчеркивается знаками препинания — многочисленными восклицательными и вопросительными знаками, многоточиями, воспроизводящими внутренние размышления; имитируется и произносительная интонация (*Та-а-ак; Понедельник. Утро ооооо!*). Таким образом, читая дневник, мы имеем дело с неким переплетением внутренней и внешней речи. Поэтому в нем естественно порождаются «интимные» окказионализмы (*ТОМСАД — рай для ребенка, все распротак*), а на письме, соответственно, неографизмы. Одновременно указывается, что пишущая эти строки интересуется дневниками «звезд» и им подражает, хотя понимает, что в поп-культуре публикация фрагментов тайных дневников — только наживка для читателей.

Метатекстовая часть дневника — отличительная черта «Дневника новой русской», так как его героиня психолог по образованию. В нем сочетаются фрагменты дневника и записной книжки, в которой есть замечания как о поведенческих особенностях пациентов, так и себя самой. Причем последние поданы с еще большей категоричностью и аналитичностью, чем профессиональные замечания: составляется список достоинств и недостатков, а также пути их исправления; записываются проговаривание ситуаций с целью излечения от травмы (*Я все-таки психолог, и это очень удобно — всегда могу оказать себе срочную псих.помощь и поддержку*), а также варианты или тезисы будущих разговоров. Самое интересное, что в поисках средств к существованию анонимная героиня решает опубликовать свой дневник (*Не зря же я пишу*

его почти каждый вечер. Только нужно не забыть изменить имена и написать в самом начале). Когда же героиня сдает свое творение в издательство, оказывается, что в ее тексте все «вымышленные» и «истинные» имена перепутаны. Так на поверхность выходит фикциональность данного жанра, в которой документальность сама является «вымыслом», поддерживаемым самой структурной рубрикацией текста: разбиением текста на части, озаглавленные датами, указателями точного времени и другими метаграфическими указателями. Подобные дневники и записные книжки помогают героиням стать *self-made woman*, которая не боится быть *single*, и эта психотерапевтическая функция произведений данного жанра транслируется и читателям (прежде всего читательницам).

Фатеева Наталья Александровна –

д. филол. н., в.н.с. ИРЯ РАН

nafata@rambler.ru

О.Е.Фролова

(Москва)

Субъект речи в дневнике

Жанр дневника предполагает субъекта речи в 1 л. ед.ч. Однако автор может быть по-разному ориентирован по отношению к изображаемому. Условно говоря, автор дневника или выбирает позицию свидетеля, хроникера и интерпретатора события, или позицию главного героя, отражая, прежде всего, свое участие в событии и свое эмоциональное и психологическое состояние в той или иной ситуации. В первом случае в фокусе находится событийный ряд, а субъект речи — на периферии, во втором случае центром является сам говорящий, а все события связаны с ним и сосредотачиваются вокруг него. Можно предположить, что в первом случае субъект речи и модуса, с одной стороны, и субъект диктума, с другой, будут разными, а во втором случае субъект речи, модуса и диктума совпадут.

Дневник В.А. Судейкиной относится ко второму типу: автор описывает жизнь своего мужа, известного художника начала XX века. Наша цель: показать, какими средствами создается такой дневник.

В дневнике В.А. Судейкиной основное внимание уделено мужу: он выступает как субъектный актанта большинства ситуаций. *Сергея проснулся с головной болью и сильным насморком, поздравил с Новым годом, поцеловал и опять заснул.* Однако автор прибегает также к мы-субъекту. Причем такой субъект относится как сфере диктума, так и модуса. *С каждым днем встаем все раньше и раньше; сегодня нас разбудил почтальон, явившийся с поздравлением. Утром решили ответить на запрос Кандаурова относительно уступки неизвестному Щербатову "Летнего пейзажа" за сто рублей. Мы не ожидали, что он может быть таким удачным рассказчиком.*

Инклюзивное *мы*, предполагающее общность действий, состояний и оценок, распространяет «свое влияние» и на других участников ситуации. Упоминая термины родства, автор прибегает к номинациям с точки зрения мужа: *В старой колымаге идем на Девичье поле к брату.* Имеется в виду брат С.Ю. Судейкина.

Идентификация автора со своим главным героем, по-видимому, подсознательна. Поэтому при правке текста Судейкина вычеркивала именно те единицы, которые выражают эту общность. Публикаторы дневника отметили следы этой правки квадратными скобками. *[Наше] увлечение Александровским рынком достигает [на этой неделе] своей высшей точки. Днем Сергей работает, но, как только наступают сумерки, мы спешим на рынок. Это [наши] самые счастливые минуты. [По дороге] Сергей, [как бы] оправдывая [наши] траты, говорит [очень много интересного] о спасенных нами картинах, о том, как благородно мы поступаем, сохраняя столько художественных ценностей, как [каждая] старая вещь, отвечая на [нашу] любовь к ней, говорит [нам] об истории человека...* (полужирный курсив наш — О.Ф.).

Инклюзивный субъект речи, выраженный в первой, петроградской, тетради 1917 г. местоимением 1 л. мн.ч., во второй, крымской, меняется. Субъект модуса чаще выражен 1 л. ед.ч. *Я наблюдаю за игрой — мы волнуемся; Союзники грозят нам. Я плакала; Я немного волновалась, не зная, как они меня примут, все обошлось мило и просто.*

В 1919 г. даже если оба героя испытывают одно и то же, или близкие состояния, В.А. Судейкина прибегает к иным способам выражения: *Сереза расстроился от моего отъезда. <...> Я тоже взволнована.* Однако мы, отмеченное в первой тетради, разделяется на два субъекта и в сфере диктума, и модуса: *Сереза работает над «Лебединым озером», оно не ладится в композиции. Он нервничает, обвиняет меня, что я, не понимая его творческого подъема, заставляю повторять старые, скучные эскизы. Слезы, обиды — Сереза разрывает эскиз. Обед — любовь — сон...*

Знакомство С.Ю. Судейкина с его второй женой Верой относится к 1915 г., в 1922 г. она уходит от него.

Выделение субъекта диктума и модуса из инклюзивного *мы* не только свидетельствует об изменении отношений супругов, но и повышает в ранге говорящего в его роли комментатора и интерпретатора событий. С.Ю. Судейкин же из субъекта оценки, к которой присоединяется его жена, превращается в одного из участников бурного событийного ряда, который проживает автор дневника.

Фролова Ольга Евгеньевна, канд. пед. наук,

научн. сотрудник лаборатории фонетики

и речевой коммуникации филол. ф-та

МГУ им. М.В.Ломоносова

olga_frolova@list.ru

Л.Р.Харитонов

(Москва)

«Исповедь» блаженного Августина как дневник души и духа

- 1) «Исповедь», конечно, не дневник, если считать отличительными чертами дневниковой прозы «неорганизованность, фрагментарность, отсутствие общей идеи или концепции текста в целом» (Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) М. 2007, с. 114). Не дневник, если видеть в нем регулярно ведущиеся записи обо всем, что изо дня в день

происходит в жизни автора или приходит ему на ум. Не дневник, если подразумевать, что эти записи спонтанны, не отделаны. Но вот к «дневниковым текстам» ее относить позволительно.

- 2) «Исповедь» — строго выверенный стилистически, литературно обработанный текст, высокая, тонкая проза. Но это — о себе и, в первую очередь, *для* себя, себе в назидание. Тут нет ничего вымышленного, придуманного. Августин пристально и придирчиво смотрит в свое прошлое, начиная с младенчества, и ему хотелось бы заглянуть даже дальше (в материнскую утробу?), чтобы и эта давняя и таинственная пора озарилась светом обретенной веры во Христа.
- 3) В первых девяти книгах постоянно присутствуют и взаимодействуют два временных и бытийных пласта: прошлое, с цепью сменяющих друг друга внешних событий, с чередой возрастов, и настоящее, которое целиком внутри, в духе, душе и разуме автора, и из которого он оценивает это прошлое. Иногда суждения сопоставляются, сталкиваются: *тогда* он думал о чем-то так-то (как правило, заблуждаясь: ведь перед нами — исповедь), а теперь, просвещенный верой, думает об этом же по-другому.
- 4) Адресаты Августина — Бог, он сам и возможный читатель: «...пред Тобою рассказываю [об этом] роду моему, роду человеческому, сколь бы ничтожной ни была его часть, которой могут попасться на глаза эти мои письма». Бог вообще на протяжении всей «Исповеди» является точкой отсчета и подразумеваемым собеседником епископа Гиппонского. Все свои наблюдения, оценки, ремарки Августин делает перед Ним, всё сверяет с Его волей, обо всём сообщает именно Ему, постоянно обращается к Нему. Это придает его прозе явную диалогичность. «Исповедь», в отличие от «классических» дневников, задумана как открытая структура: автор рассказывает о себе и о своих грехах очень откровенно, но не только для себя, но и для других, чтобы все мы учились на его ошибках.
- 5) Покончив с прошлым, в десятой книге Августин вглядывается в себя нынешнего, уверовавшего и крестившегося, подробнейшим образом анализируя свое внутреннее состояние. Если до сих пор Августин рассказывал историю созревания души, ищущей Бога, мятущейся, беспокойной, то теперь он переходит к фиксации и анализу состояния

собственного духа, узнавшего Бога, но еще не вполне покорившегося Ему. И снова он пишет не только перед Богом и не только для себя, но и для других: «Но каков я сейчас, в то самое время, когда пишу свою исповедь, — вот что хотят знать многие, знающие меня и не знающие, но слышавшие от меня обо мне кое-что, не поднося ухо к моему сердцу, где я такой, какой есть». Эти строки наводят даже на смелую мысль сравнить это сочинение Августина с современными блогами — публичными интернет-дневниками, открытыми для всех (или для лиц, избираемых автором).

- 6) В последних трех книгах Августин затрагивает важнейшие философские и религиозные вопросы: о времени, о сотворении мира, о материи и Духе. Но рассматривает он их не отстраненно, не как предметы отвлеченные, а как нечто, имеющее отношение к нему лично, к его вере, к его судьбе, к его уделу.
- 7) Итак, «Исповедь» можно причислить к дневниковым текстам: автор облегчает душу перед Богом и описывает личные переживания и события из собственной внешней и внутренней жизни, попутно анализируя глубокие философские и религиозные вопросы. Матрица, образец августиновой «Исповеди» оказались востребованными в России XX века: ее влияние можно заметить в автобиографических текстах о Павла Флоренского, о Сергия Булгакова, Федора Степуна.

Харитонов Леонид Романович –

к. филол. н., преподаватель Государственных
центральных курсов иностранных языков

Вера Хлебникова

(Москва)

Комментарий к работам

Коллаж

Коллажи 90-х годов

С 1990 года в коллажи я включаю стародавние картинки, записки, письма, фотографии из архива. Это игра с цветом, фактурой бумаги, ритмом рукописных и печатных текстов.

Нежные, ветхие бумажки пережили и написавших выцветающие слова, и не одно поколение хранивших.

Те, кто в музеях и на выставках предпочитает разглядыванию чтение этикеток, могут читать тексты, включенные в коллаж.

«Нина или Об откровенности»

В этом коллаже, состоящем из трех частей, мои тексты соединены с записками и письмами одного из хранимых мной архивов.

Шелкографии

«Паспорт»

Выданный в 1906 году паспорт имеет пометку «Бессрочно», такую наивную для того, кто знает или догадывается, как сложилась жизнь людей, получивших такие паспорта.

Небрежные росписи, казенные печати образуют изысканную каллиграфическую композицию.

«Обои»

Можно читать как свиток. Узор обоев – тексты писем, записок, старинных квитанций, три метра чтения.

«Истина и красота»

В шелкографиях этой серии использованы развороты двух найденных тетрадей (предположительно – конца 60-х – начала 70-х). Не ясно, мужского или женского пола был их создатель. В общих тетрадях на левой стороне – сплошной рукописный текст, составленный из понравившихся цитат, без

указания названия и автора первоисточника. Справа – картинка, перерисованная, скорее всего, с невнятной газетной фотографии. Рисунки, сделанные ручкой с синими чернилами на пожелтевшей бумаге в клеточку, достигают монументальной мощи и напряженной остроты. Иногда они подписаны. С текстом рисунки никак не соотносятся, но сопоставленные вместе, образуют таинственные связи, как это часто случается в коллажах.

Альбомы

«Подставные лица»

В 90-е годы в газетах впервые появились не прошедшие цензуру частные объявления, бесплатные для подавшего. И желающих не продать-купить, а что-то рассказать о себе появилось столько, что газеты отводили страницы под рубрику «Послания».

Я начала собирать краткие, ограниченные количеством знаков, рассказы – просто вырезая их из газет. Мне не хватало лица, портрета автора. А в моем архиве много фотографий, лиц, у которых нет истории и имени. Я соединила портреты и тексты в выставочном проекте «Подставные лица» и позже сделала книгу.

«Избранное»

В альбоме собраны разнообразные материалы архива. Большею частью – картинки, фотографии, но и короткие тексты тоже включены.

Инсталляция

«Случай А.К.» - фотографии выставки.

Материалы архива, найденного в Вологодской области, стали основой этой выставки.

Не требуя комментариев, бумаги и письма рассказывают подлинную историю «маленького человека». Александр Карякин работал в колхозе. Уходя на войну написал поэму своей жене. Вернулся. За успешную работу в

1956 г. был награжден путевкой в санаторий в Ленинграде. Там внезапно сошел с ума и через две недели умер в сумасшедшем доме. Вдова Карякина пишет в Минздрав: во-первых сойти с ума не мог. Во-вторых – где его демисезонное пальто?

(можно прочитать поэму Карякина)

Книги

Роман «Доро» Алетейя, СПб, 2000

«Доро» - часть слова «Дорогой», так начинается длинное письмо, включившее в себя разного рода тексты.

Для этих подлинных текстов мне необходима была «рама», конструкция, в которую они были бы вставлены. Такой конструкцией стало письмо, «разрушенное случайным нажатием кнопок компьютера». Авторство этого письма-рамы было мной – традиционная уловка - отдано «неизвестной», письмо с включенными в него текстами было «найдено» мной.

Этот вспомогательный текст, написанный, а затем превращенный в руину, дает возможность объединить тексты, указав то, что известно об их авторах. Только авторство моей собственной сказки обозначено уклончиво.

Утраты не мешают дотошному читателю понять, что же было рассказано в письме. Хотя иногда целые страницы заполнены мусором «Word'a».

Я, в ипостаси издателя и оформителя, украсила эти страницы «вышивкой» - рисунком.

Тексты, вошедшие в эту книгу, относятся к разным жанрам – письма; детские сочинения; объявления, использованные в альбоме «Подставные лица»; поэма Карякина; письмо-рассказ, присланное в районную газету читательницей. Каждое – совершенно законченное произведение, которому книга призвана придать статус литературы. Ничего не зная об авторе письма, благодаря манере разворачивать сюжет, слогу, ошибкам, мы легко выстраиваем портрет писавшего письмо и его адресата.

(Пример – письмо военного, 1939 года. Можно прочитать и другие тексты, использованные в книге).

Книга «Въра. Wera. Вера»

Это книга о моей бабушке, Вере Хлебниковой (1891-1941), составленная из ее писем и воспоминаний, писем к ней, воспоминаний о ней ее мужа Петра Митурича. В книгу включены также письма Велимира Хлебникова, печатавшиеся ранее, но здесь, в контексте семейной переписки, теряющие торжественный статус. Письма другого брата, Александра, письма родителей. А также рисунки и фотографии.

(Можно было бы прочитать некоторые замечательные письма Веры из Парижа, Италии, Швейцарии написанные в 1912-16 гг, или более поздние, письма Александра).

Я составила из этих текстов коллаж. Снабдила необходимыми комментариями. Старалась свои примечания и комментарии делать только фактологическими, нейтральными, и не давать оценок и определений.

Вера Хлебникова (Митурич-Хлебникова),

художник.

П.Г. Чистяков

(Москва)

Сказание об основании Берлюковой пустыни, заимствованное из устных преданий и народных рассказов (1854 год)

При обращении к изучению «периферии культурного пространства» представляется интересным проследить процесс создания текстов, описывающих те или иные события локальной истории. Эти тексты становятся своего рода попыткой сбора и обобщения различных устных преданий, бытующих в конкретной местности.

Предметом настоящего доклада служит текст *«Сказания об основании Берлюковой пустыни и о существовании оной до сего времени,*

заимствованное из устных преданий и народных рассказов» (ЦИАМ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 119), составленного послушником В.Розановым в 1854 году.

Перед нами рукописный авторский текст, вобравший в себя, о чем свидетельствует и его название, элементы устной традиции. В «сказании» переплетены элементы житийной литературы (повествования о монахинях Евдокии и Юлиании, схииеромонахе Варлааме, легенда о митрополите Платоне, давшем обет возродить обитель) с попыткой осмысления местных географических реалий (в тексте приведена этимология деревни Авдотьино, Берлюковой пустыни и Юлианиной горы).

Согласно тексту «сказания», священник села Воскресенского (совр. Ногинский район) поселил в монастыре, уже пришедшем в запустение, бедняков и нищих, один из которых за «звериный образ и нрав нелюдимый» был прозван «берлюком». Именно он с образом святого Николая из Берлюков странствовал и просил подаяний на монастырь, а также грабил на близлежащем Стромьинском тракте. Небольшая речка, возле которой стоял дом «берлюка», была прозвана «берлючкой», а Николаевская пустынь получила название Берлюковой.

Отдельная тема «сказания» - история иконы Спасителя из Берлюковской пустыни с описанием маршрута крестного хода с иконой:

«Боголюбивые жители города Богородска, а равно и всего уезда, испросили у Епархиального начальства дозволение брать икону Спасителя в свои дома, что и исполняется неукоснительно до сего времени. Икона провожается из монастыря 28 сентября с крестным ходом до самого Богородска; а возвращается незадолго до праздника Рождества Христова. Рассказывают некоторые из братии, что эта икона Спасителя привезена в монастырь вместе с прочими иконами и вещами из упраздненной церкви в селе Кромине, отстоящей от пустыни на 5 верст» (Л. 15-15 об.).

Чистяков Петр Георгиевич – к. ист. н.,

преподаватель Центра изучения религий РГГУ

С.Ф. Членова

От дневника к художественному тексту (по материалам архива Н.А.Дмитриевой)

Доклад посвящен дневникам Нины Александровны Дмитриевой (1917 – 2003), незаурядной личности, теоретику, критику, историку искусства и литературы.

Под влиянием ее работ («Изображение и слово», «Пикассо», «Ван Гог», «Михаил Врубель», «Краткая история искусств» и другие) формировалось не одно поколение искусствоведов, она востребована широким читателем^[64]. Выпускнице легендарного ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), Дмитриевой было тесно в узких специализированных рамках. Продолжая традиции Александра Бенуа, Абрама Эфроса и Михаила Алпатова, Нина Дмитриева «умела художественно анализировать художественные произведения» (Батракова 2004) и даже в большей мере, чем они, «выходила за пределы рассмотрения искусства к проблемам самой жизни» (Голынец 2006). Научные исследования Дмитриевой кажутся благодарным материалом для осмысления различных методов развития гуманитарного знания. Однако объектом нашего анализа будут ее дневники и, точнее, отношение пред-текста к тексту.

Дневники Н.А. Дмитриевой являются ядром богатого творческого архива, содержащего и разнообразнейшие словесные материалы, и этюды маслом, акварели, много альбомчиков с зарисовками, иллюстрации. Связанная со словом, недокументальная часть архива Н. Дмитриевой делится на тексты и пред-тексты. Первые представлены завершенными, однако не изданными сочинениями^[65]. Среди них не только книги и статьи культурно-исторического и философского содержания, но и мемуары; автобиографическая проза; беллетристика; сказки; стихи; переводы прозы, поэзии, пьес.

В пред-текстовой части архива центральное место занимают дневники. Они охватывают около полувека. Первая из сохранившихся тетрадок с датированными записями относится к 1938–1939 годам, последняя – к 1980–1986гг. Как правило, записи делались весьма нерегулярно:

25/XII-41г. Давно не писала. Все-таки не удается писать каждый день. Канцелярия жизни моей не налажена.

Скорее исключением является 1963 год, когда под дневник она использовала перекидной календарь, и довольно мало оборотов его страниц остались не заполненными

Зачем Н. Дмитриева вела дневник?

Он выполнял много функций, в первую очередь, автокоммуникативную: общение с самой собой. Характерно её признание, сделанное во время поездки в Киев за материалами по Врубелю:

11/VIII-45г. Я здесь охотно веду этот подробнейший дневник, но зато очень мало говорю. Я все слушаю. Это мне больше нравится, чем говорить. <...> Я могу говорить о себе, кажется, только с Галей и Алексеем Васильевичем»^[66]

А еще дневник был для Дмитриевой инструментом самовоспитания: уже в первых тетрадках она (под влиянием «Жана Кристофа» Ромена Роллана) формулирует правила жизненного поведения. Беспристрастно, как другого, оценивала она себя, разоблачаясь «честно, до конца».

Исповедальные записи, предназначенные исключительно для себя, время от времени сопровождались замечаниями о намерениях (к счастью, не осуществленных) уничтожить дневники.

Обыденному в дневниках Дмитриевой, как и в жизни, отведено немного места. Темы её размышлений, подобно тем, о ком она писала, – «вечные вопросы» (Бог, бессмертие, смерть, смысл и законы жизни, истина, красота). Её занимали русские социально-психологические типы (например, Чехов, с юных лет главная для неё референтная личность, отнесен к пушкинскому типу) и многое другое.

Жанры ее записей чрезвычайно разнообразны. Это – отражение текущих событий, личных и общественных (очень интересно написанное в военные годы и в период после «оттепели»), фиксация случаев из жизни (наблюденных, услышанных, вычитанных, например, из газет); пересказы снов (всегда сюжетных и очень осязаемых); замыслы и иногда планы сочинений (научных и художественных); составление разнообразных антологий; описания произведений изобразительного искусства и архитектуры (обычно увиденных на выставках или в специальных поездках); конспекты книг и статей, сопровождаемые заключенными в квадратные

скобки комментариями; цитаты и отклики на книги, фильмы, спектакли, телепередачи; картины из жизни природы; лингвистические наблюдения: народная этимология (*выковоренные – эвакуированные*), выразительные употребления слов (*трофейные* о детях одинокой матери от случайных отцов), образцы современного фольклора, диалектизмы, аргументы, каламбуры (*блокнот фабрики «Восход» из бумажных отходов*), созвучия (*автобус в субботу, теоретик-еретик, памятник-маятник*); анаграммы и т.д.

Многое из перечисленного было переписано из дневника и представлено самостоятельно, в отдельных тетрадках: конспекты (иногда очень подробные, например, более пяти тетрадок посвящено «Розе мира» Даниила Андреева), анаграммы (её любимая игра, умственная зарядка) встречаются на полях и оборотах разных записей и на отдельных бесчисленных листочках.

Несколько дневниковых историй, в которых люди проявляются как социально-психологические типы, положены в основу литературных сочинений Дмитриевой.

В докладе будет дан сопоставительный анализ рассказа «Выдвиженка» и соответствующих ему фрагментов дневника. Здесь же заметим, что основные направления, по которым происходит трансформация пред-текста в художественный текст, связано с удалением специфических признаков дневниковости (Михеев 2007).

Трансформацию дневниковых записей лета 1945 года в рассказ «Выдвиженка», написанный не ранее конца 1980-х гг. можно кратко обозначить следующим образом:

разрозненные разнородными элементами фрагменты дневника отбираются в отдельную текстовую единицу со своим названием; спонтанно появляющиеся в дневнике фрагменты специально выстраиваются в замкнутой структуре художественного текста; текущее время дневниковых записей становится в рассказе прошлым, события приобретают временную перспективу; наконец, главное – дневниковый субъективный свидетель обыденной реальности героини превращается в рассказчика с объективной, неоднозначной точкой зрения на описываемое, вместо непосредственных реакций появляется несобственно-прямая речь, субъективно окрашенные

слова заменяются более нейтральными. В результате жизнь как бы начинает говорить сама за себя, описываемое приобретает какой-то общий смысл.

Литература

Батракова Светлана. Нина Александровна Дмитриева // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. М., 2004. С. 294.

Голынец С.В. 2006. Рецензия на готовящийся к печати сборник избранных работ Н.А.Дмитриевой.

Михеев Михаил. Дневник как эго-текст (Россия, XIX –XX). М. 2007. С.6–7.

Членова Светлана Федоровна –

программист НИВЦ МГУ, svetlanachl@mtu-net.ru

Елена Шмелева, Алексей Шмелев
(Москва)

Русский анекдот – от периферии культурного пространства к центру

Место речевого жанра и его «удельный вес» в повседневной коммуникации – очень важный и мало изученный параметр. Когда в русскую культуру XVIII в. пришел анекдот (короткий, нередко нравоучительный, рассказ о необычном действительном (или выдаваемом за действительное) событии, происшествии из жизни исторического лица) — это был жанр салонной беседы, разговоров на балах и приемах в высшем обществе. Со временем манера рассказывать анекдоты стала казаться смешной, вышедшей из моды вместе с париками, фижмами, бальными платьями и камзолами. Со второй половины XIX в. начинают рассказывать анекдоты в современном значении этого слова — короткие устные рассказы о вымышленном событии, происшествии злободневного бытового или общественно-политического содержания, с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой. Рассказывание анекдота в то время рассматривается как некое «непочтенное» занятие, не принятое в интеллигентской среде, ср. рассказы Тэффи, Аверченко. Анекдоты, бытовавшие в то время, были, в основном, либо неприличными, либо

«неполиткорректными» как, напр., анекдоты о национальных меньшинствах (армянах, евреях, цыганах). В начале XX в. появляется имеющее несколько пренебрежительный оттенок значения слово *анекдотчик* (любитель рассказывать анекдоты). Начиная с двадцатых годов с исчезновением свободной печати рассказывание анекдотов (преимущественно политических) становится повсеместно распространенным жанром повседневной коммуникации. Основываясь на воспоминаниях таких известных людей, как, например, М. Бахтин или Н. Любимов, мы можем утверждать, что антисоветские анекдоты рассказывали самые разные люди, в частности, те, кто в целом сознательно отталкивались от «советского» языка (А. Ахматова и др.). Когда рассказывание анекдотов стало еще и несколько менее опасным (в шестидесятые – семидесятые годы прошлого века), анекдоты стали массовым жанром повседневной коммуникации, во многом заменившим рассказывание политических новостей. При этом все типы анекдотов — бытовые, этнические, анекдоты о каких-то профессиональных или социальных группах — воспринимались как в какой-то степени «антисоветские», и это добавляло им определенную прелесть. После перестройки отсутствие «антисоветской» составляющей анекдота приводит к тому, что многим носителям языка современные анекдоты кажутся менее смешными, появляется ощущение, что речевой жанр анекдота уходит в прошлое. По-видимому, действительно удельный вес анекдота в повседневной коммуникации снижается, зато происходит экспансия анекдота в другие жанры – выступления политиков, научные доклады и, особенно, в газетные и журнальные статьи.

Шмелева Е.Я. к. филол. н., ст. н. с.

Отдела культуры русской речи Ин-та русского языка;

Шмелев А.Д. д. филол. н., профессор кафедры русского языка РАН

Московского педагогического государственного ун-та,

зав. Отделом культуры русской речи Ин-та русского языка РАН

^[1] Перестановка слогов в слове – механизм, на основе которого формируется верлан (инверсия от *l'envers* ‘наоборот’), особая лексическая подсистема французского языка. Набор слов, подвергающихся действию этого механизма, меняется из поколения в поколение; вместе с тем,

- целый ряд «верланизованных» слов вошел в общее употребление и фиксируется в общих толковых словарях (ср.: fêsa, tromé, meuf).
- [2] Слово *casaille* ('отбросы общества'), по мнению Мишеля Бродо, не является бранным, когда используется для самоидентификации [Pierre Encrevé, Vichel Braudeau. *Conversations sur la langue française*. Paris, 2007, 82].
- [3] J.-P. Goudaillier. *Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités*. Paris, 2001, с.90.
- [4] Там же, с.10.
- [5] Ср. сущ. *tchatcheur*, которое обозначает жителя пригорода.
- [6] Так, например, в словаре Ж.-П. Гудайе насчитывается 19 синонимов для слова деньги, 40 синонимов для номинации для молодой девушки, женщины. Всего словарь Гудайе насчитывает 900 слов.
- [7] Работа написана при поддержке гранта РГНФ №06-03-00284а.
- [8] А.А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. Москва 1995; А.А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. Москва 2004.
- [9] А.А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Новгородские грамоты на бересте*. Т. XI. Москва 2004. С. 183.
- [10] Maurice Blanchot. *Le livre à venir*. Gallimard. P., 1959. *Le journal intime et le récit*, p.229
- [11] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-42403а/С.
- [12] *Творогов О. В. О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография: Исследования*. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 24.
- [13] Работа написана при поддержке гранта РГНФ №06-03-00284а.
- [14] П.Адо. *Размышления о понятии «культуры себя» // Духовные упражнения и античная философия / Пер. с фр. При участии В.А.Воробьева*. СПб., 2005. С. 306.
- [15] Работа написана при поддержке гранта РГНФ №06-03-00284а.
- [16] "Работа выполнена при поддержке программы ОИФН РАН "Русская культура в мировой истории". Проект "Дискурсивные практики русской культуры и семантические процессы в русском языке нового времени"/
- [17] Доклад подготовлен в рамках проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», грант РГНФ 07-04-00332а.
- [18] На современных картах название поселка, в котором сегодня не осталось никого, кроме сотрудников находящейся там метеостанции, пишется в одно слово – Яновстан.
- [19] В настоящее время западная часть Тазовской тундры входит в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого АО, а восточная часть, включая факторию Янов Стан (вернее, то, что от нее осталось) относится к Туруханскому району Красноярского края.
- [20] Фонд 6, опись 1, № 5. Дневники Прокофьева 1925-26 г. Тетради 3 и 4. 58 листов.
- [21] В 1980-е гг. с материалами архива Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых работала этнограф их поколения Н.И. Гаген-Торн. Статья о пребывании Прокофьевых в Яновом Стане, включающая выдержки из дневников Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой, подготовленная ею, была опубликована уже после смерти автора [Гаген-Торн 1992].
- [22] Д. Сия, Холмогорский р-н. Архангельской обл.
- [23] Орфография автора сохраняется. В угловых скобках даны расшифрованные сокращения. Знак # означает абзац.
- [24] Д. Анциферовский Бор, Онежский р-н.
- [25] Д. Ямская Гора (Золотилово), Шенкурский р-н.
- [26] Д. Сия, Холмогорский р-н.
- [27] Д. Котажка, Шенкурский р-н.
- [28] Д. Котажка, Шенкурский р-н.
- [29] Получено на ознакомление в д. Ямская Гора, Шенкурский р-н.
- [30] Получен в д. Ямская Гора, Шенкурский р-н.

- [31] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 07-04-00359а
- [32] Юрский С. Мой восхитительный друг// Володин А. Пьесы. Сценарии. Рассказы. Записки. Стихи. – Екатеринбург, 1999. – С. 5. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- [33] Настоящая фамилия драматурга – Лифшиц.
- [34] Эсалнек А.Я. Типология романа (теоретические и историко-литературные аспекты). М. 1991, с.9.
- [35] Работа поддерживается грантом РГНФ № 07-04-00338а.
- [36] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского, 1963 // СС. Т.6. М. 2002, с.246-247.
- [37] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 07-06-00082, “Разработка баз данных по неологии Хлебникова”.
- [38] Работа выполнена при поддержке программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Дискурсивные практики русской культуры и семантические процессы в русском языке нового времени».
- [39] A. Berman. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, Seuil, 1999. Антуан Берман связывает переводческую деятельность – его исследования относятся в основном к переводу крупной прозаической формы – с возникновением «деформирующих» тенденций, воздействующих на переводчика и часто не осознанных им как таковые, вынуждающих его, например, упрощать синтаксис, эксплицировать оригинал и т.п.
- [40] Такая точка зрения проводится, например, в т.н. *теории полисистем* (см. I. Even-Zohar, «The position of translated literature within the literary polisistem» // *Literature and translation*. Leuven, 1978 и др.).
- [41] См. об этом, например, в *Жданова А.Н.* Пьеса Лопе де Веги «Фуенте Овехуна» в переводах К.Д. Бальмонта и М.Л. Лозинского как отражение двух переводческих концепций первой половины XX века // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика»*, М., 2007, № 4.
- [42] Лежен Ф. "Я" молодых девушек // *Автобиографическая практика в России и во Франции*. Ред. К. Вьолле и Е. Гречаная. С. 21.
- [43] Nussbaum Felicity A.: *Toward Conceptualising Diary*. // *Studies in Autobiography*. Ed. by James Olney. New York and Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 129.
- [44] Friedman S.S. *Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice* // *The Privat Self: Theory and Practice of Women 's Autobiographical Writing*. Ed by S. Benstock. London: Routledge, 1988. P. 40.
- [45] М.-Э. Шартье "Дневник" Марии Башкирцевой как объект цензуры // *Автобиографическая практика в России и во Франции*. Ред. К. Вьолле и Е. Гречаная. С. 182-199.
- [46] Об этом см.: Савкина И. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем*. М.Ю Новое лит. обозрение, 2007.
- [47] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-04-04102а.
- [48] Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи / публ. и комм. А. С. Долинина. М., 1965. Сер. Литературное наследство; т. 77. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 16–17: Подросток. Рукописные редакции. При цитировании рукописей в квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в наклонных – вписанный.
- [49] Неверное чтение, соответственно, получает в *ЛСС* неверный комментарий: поясняется то, чего нет в рукописи: «Достоевский, сам увлекавшийся азартной игрой, имеет здесь в виду знаменитые игорные дома в Монако» (17, 17).
- [50] РГАЛИ. Ф. 212.1.12. Л. 25.
- [51] Там же. Л. 43.
- [52] Тезисы и доклад сделаны при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-12134в).
- [53] ОРКиР НБ МГУ, ф.41, оп.1.

- [54] *Н.Т. Тарумова*. Н.В. Бугаев: неизвестные страницы жизни. /Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ./ Сб. статей./ М.: «Водолей Publishers», 2008. С. 57-68
- [55] *Белый А.* На рубеже двух столетий. М.-Л.: «Земля и Фабрика», 1931. С. 19.
- [56] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-12134в).
- [57] *Иван Ильин и Россия* (неопубликованные фотографии и архивные материалы). М.: Русская книга. 1999, 191 с.
- [58] *Ильин М.А.* Исследования и очерки (избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI-XX веков). М., 1976. С. 270-272.
- [59] *Московское дворянство. Списки служивших по выборам 1782-1910 гг.* М., 1910. С. 120-121.
- [60] *Наше наследие.* 1991 № 6. С. 92.
- [61] *Саладин А.Т.* Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги. М., 1914. С. 120.
- [62] *Краткий очерк развития сети Московско-Казанской железной дороги.* М., 1913. С. 21.
- [63] *Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907-1908. Т. 1. С.499-500.
- [64] «Краткая история искусств» была переиздана множество раз и продолжает издаваться (сейчас – пиратски).
- [65] Часть из них была подготовлена мною к печати и опубликована.
- [66] Подруга и друг – два самых любимых и близких человека в ее жизни.